Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ.

ЕКАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Романъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЛАГОЛЪ“.

. . . Никто, кромѣ Бога и меня, не знаетъ того, что сокрыто въ моемъ сердцѣ . . .

(Арабская пѣсня).

I.

Викторъ Николаевичъ Поляновъ досталъ изъ бумажника открытку съ видомъ Парижа, сѣлъ къ письменному столу и написалъ четкимъ, съ сильнымъ нажимомъ почеркомъ:

«Доѣхалъ хорошо. Уже завертѣлся въ массѣ всякихъ дѣлъ. Шлю привѣтъ. Мой адресъ: Place Dauphine № 1. Искренно Вашъ В. П.»

Надписавъ на открыткѣ адресъ, Поляновъ откинулся на спинку кресла и, далеко протянувъ подъ столомъ ноги, задумался, глядя немигающими глазами прямо передъ собой на стѣну, гдѣ, въ золоченой овальной рамкѣ, на него глядѣла недурная копія трогательной въ своемъ изяществѣ головки Греза. Сіяніе этихъ голубыхъ невинныхъ глазъ смягчало впечатлѣніе встающихъ въ его усталомъ воображеніи картинъ послѣднихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ: вѣчная спѣшка, вѣчное куда-то стремленіе, жизнь на отлетѣ въ мало уютныхъ

меблированныхъ комнатахъ или отеляхъ, отсутствіе своего угла, отрѣшеніе отъ всякихъ привычекъ, мимолетныя встрѣчи и знакомства, неоставляющія никакого слѣда, какъ промелькнувшія на экранѣ жестикулирующія, улыбающіяся, сливающіяся въ однотонную вереницу, фигуры.

Несмотря на прирожденную бодрость духа и энергію, несмотря на сохранившіеся здоровье и нервы, Поляновъ чувствовалъ моральную усталость и душевный надломъ, которые маскировались громадной выдержкой человѣка, привыкшаго отгораживать свои личныя переживанія отъ жизни среди людей.

Принадлежа къ тайной политической организаціи, Поляновъ, отдавшій всего себя этому дѣлу, личной жизни почти не имѣлъ или имѣлъ ее урывками, клочками, еще болѣе подчеркивавшими изломанность настоящей жизни.

Три дня тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, экстренно вызванный изъ Берлина. Наружно этотъ внезапный отъѣздъ онъ принялъ вполнѣ безразлично, но въ душѣ онъ былъ ему непріятенъ. Въ восемь часовъ утра онъ получилъ телеграмму, а въ восемь часовъ вечера, преодолѣвъ всѣ трудности, былъ уже на вокзалѣ, ожидая поѣзда.

Опять дорога, два ручныхъ чемодана, мимолетныя знакомства съ пассажирами, мимолетные прискучившіе толки о политикѣ, опять вокзалъ, сутолка, трамваи, вмѣсто Унтергрунда — Метрополитенъ, вмѣсто Фридрихштрассе — Бульмишъ, вмѣсто Гедехнискирхе — Нотръ-Дамъ, вмѣсто Бранденбургерторъ — Аркъ-де-Тріомфъ, вмѣсто Тиргартена — Буа-де-Булонь... Опять

замелькали дни, съ уличнымъ грохотомъ, шумомъ, пестротой туалетовъ, иноземнымъ говоромъ, роскошью витринъ и сознаніемъ личной отчужденности, обособленности психологіи, выброшеннаго за бортъ родной почвы эмигранта.

Поляновъ тяжело вздохнулъ, переложилъ подъ столомъ ноги, крѣпче сдавилъ, по свойственной ему привычкѣ, сплетенные пальцы рукъ, на минуту закрылъ глаза, какъ бы гоня отъ себя докучливыя, утомившія душу, картины и опять погрузился въ мысли.

На фонѣ этой сутолки и толчеи по разнымъ комитетамъ и канцеляріямъ, въ переговорахъ съ безконечнымъ количествомъ всякихъ дѣловыхъ лицъ, ярко вырисовывался послѣдній, проведенный въ Берлинѣ вечеръ наканунѣ отъѣзда, похожій на душистый листокъ интимнаго письма среди вороха канцелярскихъ пыльныхъ бумагъ.

Они сидѣли подлѣ мраморныхъ перилъ, идущихъ вокругъ хоръ круглаго зала ресторана, казавшагося сидѣвшимъ наверху — пестрымъ, шумнымъ дномъ большого колодца, откуда летѣли яркіе звуки струннаго оркестра. Облокотясь рукой о перила, она смотрѣла внизъ и, по вздрагивавшимъ опущеннымъ вѣкамъ, онъ понималъ, что музыка, которую она внимательно слушала, ее волнуетъ. Онъ молча слѣдилъ за ней, стараясь уяснить то многое, что было для него въ ней непонятно.

Рѣзкія противорѣчія, подмѣченныя въ ея характерѣ, сбивали его. Хотя она казалась экспансивной и откровенной, однако онъ не отгадывалъ ее до конца и потому не переставалъ быть осторожнымъ. Иногда она долго и напряженно молчала, но онъ чувствовалъ,

что ея мысли неслись вихремъ, отрывки которыхъ она роняла ему. Онъ думалъ, что если бы она сказала ему всѣ мысли этого молчанія, онъ разгадалъ бы ее. Когда она говорила много, красочно и оживленно, ему казалось, что она рисовала картины, за которыми прятала свое настоящее я. Она казалась ему разумной и безразсудной, порывистой и холодной, утонченной и реальной, искренной и коварной. Обладавшій спокойнымъ аналитическимъ умомъ, Поляновъ былъ увѣренъ, что разберется въ шарадахъ ея характера, но его внезапный отъѣздъ оборвалъ возможность близости, и онъ уѣхалъ, не узнавъ, что скрывалось въ глубинѣ ея сложной и странной натуры. Чего больше въ ней: положительнаго или отрицательнаго? спрашивалъ онъ себя и не зналъ, что отвѣтить. Наружность ея какъ и внутреннее «я» казалось противорѣчивымъ: классическое сложеніе всего тѣла, съ чистыми линіями рукъ и ногъ не соотвѣтствовали капризно измѣнчивымъ чертамъ лица, неправильнымъ, неуловимо мѣняющимъ весь характеръ облика, въ зависимости отъ настроенія. Она могла быть дурна и красива: мѣнялись глаза, мѣнялась линія рта. Даже цвѣтъ кожи изъ свѣжаго и яркаго могъ превращаться въ желтоватый и вялый. Полянову все казалось непостояннымъ въ этой странной женщинѣ. Была ли такъ же измѣнчива и душа ея? спрашивалъ онъ себя и опять не находилъ отвѣта. Она была артистична, умна и женственна; это тянуло его къ ней, но онъ не позволялъ себѣ показать ей насколько ему хотѣлось быть съ ней, насколько она его интересовала.

По неуловимымъ даннымъ ему казалось, что она должна быть избалована и капризна въ своихъ привя-

занностяхъ. Онъ же былъ слишкомъ утомленъ жизнью, чтобы втягиваться въ привязанность къ непонятной ему женщинѣ и рисковать покоемъ и самолюбіемъ.

Въ тотъ вечеръ она была опредѣленно красива той неправильной зовущей красотой, которая заставляетъ людей оборачиваться въ слѣдъ. На матово блѣдномъ лицѣ, съ тонкой линіей овала, рѣзко выдѣлялись большіе каріе глаза и, подведенныя карминомъ, сильно чувственныя губы. Темно рыжеватые волосы, быть можетъ крашенные, обрамляли лобъ изъ подъ полей большой шляпы. Все это, обтянутое въ крупную сѣтку вуалетки подъ цвѣтъ волосъ, было изящно и необыденно.

Оркестръ окончилъ арію Манонъ. Она вздохнула, сняла съ перилъ узкую до локтя обнаженную руку, положила ее на столъ, гдѣ было сервировано вино и мороженое и посмотрѣла ему въ глаза.

— Вы любите музыку Анна Кирилловна?

— Страстно люблю. Музыка и солнце меня деморализуютъ.

Онъ поднялъ вопросительно брови:

— То есть какъ это?

— Буквально такъ. Впрочемъ, есть поправка: въ области общечеловѣчной психологіи я, подъ вліяніемъ этихъ двухъ силъ, становлюсь болѣе отзывчивой, а въ области чисто женской — я деморализуюсь, хоть и утончаюсь, — пояснила она.

— Это опасно и страшно, — улыбнулся онъ.

— Для кого?

— Я думаю, для обѣихъ сторонъ.

— Что можетъ быть въ жизни страшно? Вѣдь все проходитъ.

— А вы легко разстаетесь съ прошлымъ?

— Это зависитъ... — она неопредѣленно пожала плечами. — Прошлаго такъ много.

— Если его такъ много, значитъ оно было недостаточно сильно.

— Почему вы думаете? Я признаю только сильныя переживанія.

Когда вышли на улицу, онъ видѣлъ, что вино и музыка возбудили ее: глаза ея разгорѣлись, на обычно блѣдномъ лицѣ выступилъ легкій румянецъ, она смѣялась и, близко идя съ нимъ, сильнѣе опиралась на его руку. Медленно, не переставая разговаривать, поднялись по лѣстницѣ и медленно шли по пустому корридору. Толстый коверъ заглушалъ ихъ шаги; они говорили полушепотомъ, такъ какъ уже было поздно. У дверей ея комнаты они остановились. Ему хотѣлось поцѣловать ее, но что-то удерживало въ немъ это желаніе. Она, отгадавъ его мысли, поторопилась протянуть ему руку и быстро вошла въ свою комнату.

На другое утро пришла телеграмма, неожиданно вызывавшая его въ Парижъ. Только въ шесть часовъ вечера, послѣ суматошной бѣготни по срочнымъ дѣламъ, онъ могъ постучать въ дверь ея комнаты.

— Я уѣзжаю, — спокойно сказалъ онъ, поцѣловавъ ея руку.

Онъ отлично видѣлъ, что въ лицѣ ея на мгновеніе что-то измѣнилось.

— Когда?

— Черезъ три четверти часа я долженъ выѣхать, иначе опоздаю къ поѣзду.

— Надолго?

— Не знаю... Но, вѣдь, вы пріѣдете въ Парижъ? Я буду ждать васъ тамъ.

Она сидѣла, положивъ подбородокъ на скрещенные пальцы рукъ, облокоченныхъ о ручки кресла. Лицо ея опять приняло прежнее выраженіе, губы слегка вздрагивали, какъ будто бы сдерживали улыбку:

— Итакъ, Викторъ Николаевичъ, вы уѣзжаете! Именно тогда, когда я этого не хочу. Все было такъ хорошо... вы разрываете нить, — тихо говорила она.

— Не я разрываю: жизнь. А кромѣ того, развѣ можетъ измѣниться что-нибудь отъ того, что между нами ляжетъ нѣсколько сотень верстъ? Хоть бы и тысяча? Если есть чувство, — пространство его не уничтожаетъ.

— Когда есть чувство, то хочешь общенія; что толку жить одними воспоминаніями!

— Значитъ я уѣду, и такъ какъ меня не будетъ съ вами, то вы забудете меня? Я это ожидалъ, — проговорилъ онъ, стоя спиной къ окну, слегка покачиваясь взадъ и впередъ и не измѣняя своему обычному наружному спокойствію.

— Совсѣмъ нѣтъ... Вы меня не понимаете, — она хотѣла еще что-то сказать, но только вздохнула и закрыла глаза рукой.

— Вы напишите мнѣ сейчасъ же какъ пріѣдете?

— Я пришлю вамъ мой адресъ и буду ждать письма отъ васъ.

— А сами не напишите? Ну хорошо, я напишу вамъ длинное, длинное письмо, — почему-то она вдругъ разсмѣялась.

— О, пожалуйста, не договаривайте, — остановилъ онъ ее, — я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что въ

этомъ письмѣ напишите мнѣ, что все это была одна шутка, одинъ изъ мимолетныхъ капризовъ вашего настроенія.

— Ничего подобнаго! Господи, какъ вы меня мало понимаете! — Она порывисто встала. Ея лицо сдѣлалось печально.

— Вы правы: я васъ не вполнѣ понимаю. — Онъ перешелъ отъ окна къ дивану и опустился на него. Она прошла въ другой конецъ комнаты, вернулась и сѣла на диванъ рядомъ съ нимъ.

— Спрашивайте меня, я отвѣчу вамъ на все.

— Вамъ дѣйствительно жаль, что я уѣзжаю? — серьезно спросилъ онъ.

— Неужели вы этого не чувствуете?

— Мнѣ кажется, Анна Кирилловна, что это капризъ вашей фантазіи...

— Ахъ, не повторяйте этой фразы! — она досадливо ударила носкомъ по полу. — Вы уѣзжаете именно въ тотъ моментъ, когда вы мнѣ больше всего нужны. Мнѣ такъ хорошо съ вами! мнѣ казалось, что вы такъ вѣрно понимаете мои мысли!

— Но, вѣдь, это все вернется, если мы захотимъ! — Онъ взялъ ея руку.

— Развѣ теперь можно быть въ чемъ-нибудь увѣреннымъ?! — грустно произнесла она и крѣпко сжала его руку своими похолодѣвшими руками.

— Мы вернемъ все это, и намъ будетъ хорошо и уютно вмѣстѣ. Вѣдь, вы хотите этого? — Онъ положилъ руку вокругъ ея таліи и привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась. Онъ услышалъ запахъ ея волосъ, приникъ губами къ ея шеѣ, началъ чувствовать, что

пьянѣетъ, быстрымъ усиліемъ воли справился съ собой и поднялся съ дивана.

— Я долженъ проститься. Если возможно, пріѣзжайте въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ мы должны встрѣтиться. Я буду ждать васъ.

— Повѣрьте мнѣ — я умѣю любить.

— О, я въ этомъ увѣренъ.

Онъ еще разъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и понялъ, что эта женщина уже имѣетъ власть надъ нимъ и что ему трудно разстаться съ ней, несмотря на сравнительно недолгое знакомство.

Въ вагонѣ онъ много думалъ объ ней, спрашивая себя, слѣдуетъ ли ему отдаваться этому новому чувству или же лучше отойти, воспользовавшись преградой, поставленной ему судьбой. Не принявъ никакого опредѣленнаго рѣшенія, онъ, пріѣхавъ въ Парижъ, долженъ былъ окунуться въ безконечное количество дѣлъ, которыя такъ замотали его, что онъ возвращался домой лишь позднею ночью, валясь съ ногъ отъ усталости. Въ этотъ вечеръ онъ хотя усталъ, но рѣшилъ написать ей. Однако, сѣвъ къ письменному столу, онъ сразу измѣнилъ рѣшеніе и, вмѣсто длиннаго письма, набросалъ на открыткѣ лишь двѣ строчки. Чувство осторожности взяло верхъ. На разстояніи ему легче было анализировать себя и ее; анализъ этотъ диктовалъ ему осторожность: онъ все-таки не былъ увѣренъ въ длительности ея чувства; теперь онъ не былъ даже увѣренъ пришлетъ ли она ему обѣщанное длинное письмо. Возможно, что все ограничится лишь обмѣномъ нѣсколькими открытками.

Такъ думалъ онъ, сидя съ протянутыми подъ столъ ногами и перебирая въ своемъ умѣ все то

короткое время, что они встрѣчались, всѣ тѣ немногіе вечера, что они провели вмѣстѣ... Ему жаль было разстаться съ мыслью о короткой, почти мгновенной близости, которая должна развиться въ нѣчто болѣе широкое и прочное въ будущемъ, и въ то-же время, ограждая себя, онъ готовился къ мысли, что все это мимолетное растаетъ, оставивъ одно милое воспоминаніе недопѣтой пѣсни.

— Только не надо причинять своему сердцу никакихъ излишнихъ царапинъ, — подумалъ онъ, устало закрывая глаза. — Лучше, соблюдая полный покой, оставаться въ одиночествѣ, чѣмъ гнаться за сомнительнымъ счастьемъ.— Думая это, онъ чувствовалъ пустоту и неуютъ въ своей, полной хлопотъ и заботъ, жизни. Хотѣлось новаго, большаго и свѣжаго чувства. Именно въ ней, въ этой мало понятной ему женщинѣ, таилось, какъ ему казалось, то большое и свѣжее, что притягивало его. Въ ней отгадывалась индивидуальность и не было шаблона. Загадочность характера и пугала, и тянула.

— Ну, вотъ, пошлю открытку, а тамъ видно будетъ, — закончилъ онъ свои размышленія, наклеилъ марку, всталъ отъ стола и обвелъ комнату грустнымъ взглядомъ: неуютная, лишенная комфорта, комната, раскрытый чемоданъ, небрежно брошенныя на кровать и стулъ принадлежности скромнаго и очень ограниченнаго гардероба, на столѣ, рядомъ съ ручнымъ зеркаломъ, гребенкой, щеткой и ношеннымъ воротничкомъ, — завернутый въ бумагу кусокъ сыра и на тарелкѣ масло и булка. Какъ надоѣла ему эта неопрятная обстановка кочевой жизни, конца которой онъ не видѣлъ. Онъ пода-

вилъ вздохъ, посмотрѣлъ на часы и сталъ раздѣваться, такъ какъ было уже половина перваго. На ночномъ столикѣ лежали еще не прочитанныя газеты и начатый французскій романъ.

Прошло десять дней. Было восемь часовъ утра, но, несмотря на раннее время, Поляновъ былъ уже въ пальто и только что открылъ дверь, чтобы уходить, какъ столкнулся съ почтальономъ, который протянулъ ему письмо. На конвертѣ стоялъ штемпель Берлина, почеркъ былъ женскій незнакомый. Поляновъ, не вскрывая конверта, уже зналъ, что это письмо отъ нея. Тутъ же на лѣстницѣ онъ прочелъ его. Она писала, что краткость его открытки глубоко огорчила ее, что если сейчасъ же онъ не напишетъ ей хорошаго письма, то этимъ дастъ понять, что не дорожитъ ея отношеніями, и тогда она задушитъ въ себѣ все то хорошее, что у нея таится для него въ сердцѣ.

Поляновъ почувствовалъ приливъ радости. Въ томъ же кафе, гдѣ онъ обычно пилъ утренній кофе, онъ спросилъ листъ почтовой бумаги и написалъ ей письмо, въ которомъ, хотя и не было словъ любви и нѣжности, но отгадывалась теплота и желаніе такой же отвѣтной теплоты.

Аккуратно черезъ десять дней онъ получилъ отвѣтное письмо, полное горячихъ порывовъ и сѣтованій на разлуку. Она дѣлилась съ нимъ своими планами, заботами, своими успѣхами и надеждами на возможность свиданія. Установилась аккуратная переписка, вносившая въ одинокую и невеселую жизнь Полянова свѣтлую струю сердечной радости и красочной новизны. Хотя существо ея, несмотря на пространныя письма,

оставалось не вполнѣ для него понятнымъ, однако чувства ея къ нему были ясны: она дорожила имъ и жила ожиданіемъ встрѣчи.

II.

Громадный залъ филармоніи. Трагическія, страстстныя мелодіи «Донъ Жуана» Штрауса звуковыми волнами лились напряженно и мощно. Онѣ стонали, ударяли, ласкали, открывали дали смутно отгадываемыхъ переживаній, надеждъ, возможностей бурнаго счастья и страданія и полетовъ ввысь къ подвигамъ духа.

Мягко опустивъ сложенныя на колѣняхъ руки, въ напряженномъ вниманіи подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, Анна, забывъ все и всѣхъ, выбросивъ въ эти минуты изъ головы и сердца все, что наслоила жизнь, сливалась, растворялась въ звуковыхъ волнахъ. Всегда блѣдное лицо поблѣднѣло еще больше, опущенные глаза покрылись влагой. Дрожали всѣ струны сердца, распускались невидимыя крылья и уносили вмѣстѣ со звуками въ безконечную высоту. Въ воображеніи вставали картины гигантскихъ героическихъ порывовъ, томящейся въ мятежныхъ поискахъ души. Фантазія рисовала темныя глыбы срывающихся въ бездонныя пропасти земныхъ заблужденій; парили свѣтлыя тѣни свѣтлыхъ порывовъ души... Звуки наростали, томили, куда-то настойчиво звали. Анна все крѣпче и крѣпче сжимала ладони. Изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ медленно скатывались слезы, неслышно падая на черный

шелкъ. Ей хотѣлось сдавить бушующую грудь обѣими руками, упасть на колѣни и, поднявъ руки, свои тонкія руки, принести кому-то прекрасную и чистую клятву.

И вдругъ все стихло. На эстрадѣ застылъ въ послѣднемъ напряженномъ движеніи въ кулакъ сжатыхъ рукъ, высокій худощавый дирижеръ оркестра, блондинъ съ красивымъ лицомъ.

Анна очнулась, разжала руки, подняла глаза. Унося въ себѣ эхо умолкнувшихъ звуковъ, она, вмѣстѣ съ толпой, вышла изъ зала.

Коверъ заглушилъ шаги въ корридорѣ отеля. Она прошла въ свою комнату, заперла дверь на ключъ, сняла съ себя пальто и шляпку, зажгла свѣтъ, опустилась въ кресло, откинула голову и ушла въ міръ фантазій, который былъ міромъ ея жизни. Кто-то осторожно постучался въ дверь; она не шевельнулась.

Плетя прихотливый узоръ фантазій, Анна вплетала въ него встрѣчныхъ людей, не замѣчая, что это были не тѣ настоящіе люди, которые сталкивались съ ней, а совсѣмъ иные, отраженные глубиной ея безудержнаго воображенія.

Сидя теперь у себя въ комнатѣ, окутанной матово-розовымъ свѣтомъ шелковаго абажура, вся еще переполненная звуками, она продолжала отдаваться капризнымъ полетамъ фантазіи, всегда искавшей возможность кристаллизоваться и воплощаться въ жизнь.

Лицо Анны стало неподвижнымъ той сосредоточенной неподвижностью, за которой скрывается наростаніе напряженныхъ творческихъ силъ. Она медленно подняла вѣки: взглядъ ея встрѣтилъ алыя розы на длинныхъ крѣпкихъ стебляхъ, опущенныхъ въ высокій,

узкій хрустальный фужэръ. Она ближе придвинула его и втянула въ себя тонкій ароматъ цвѣтовъ.

Розовый колоритъ, покоившійся на всей обстановкѣ комнаты, носившей, благодаря мелочамъ, неуловимый отпечатокъ артистичности, букетъ розъ, съ ихъ свѣжимъ влажнымъ ароматомъ, раскрытая на столѣ въ сафьяновомъ аломъ переплетѣ книга съ гравюрами, брошенная на кушеткѣ потрепанная тетрадка любимой роли, — все это мимолетно вплелось въ узоръ творящей фантазіи, подобно подхваченной на лету нотѣ. На мгновеніе ей почудилось, что она на сценѣ, что сейчасъ начнется ея монологъ... такъ же неожиданно смахнулась и эта картина, ворвалась другая изъ недавно минувшаго:

Она сидитъ за небольшимъ столикомъ въ ярко освѣщенномъ кафэ, гдѣ внизу, какъ въ колодцѣ, расположенъ ресторанный залъ. Пестрая толпа. Мелодія «Манонъ». Она внимательно смотритъ въ лицо сидящаго передъ ней. Онъ красивъ? Нѣтъ, онъ интересенъ. У него всегда смѣющіеся глаза, тонкій носъ, прекрасный сочный голосъ. Онъ очень сдержанъ. Эта сдержанность дразнитъ и взвинчиваетъ ее. Она чувствуетъ, что выдержка эта не только результатъ воспитанія и жизненнаго опыта, начинающаго серебрить его виски, но прирожденное свойство его натуры, которую она не вполнѣ еще отгадываетъ.

Онъ притягиваетъ ее внутреннимъ содержаніемъ, которымъ скупо дѣлится съ ней, однако она чувствуетъ его по неуловимымъ признакамъ, по недосказаннымъ обрывкамъ разговора, по молчанію, иногда болѣе глубокому, чѣмъ длинныя рѣчи. Подъ сдержанной ма-

нерой скрывается воля, уравновѣшенность и цѣльность натуры. Онъ не говоритъ ей нѣжныхъ словъ, но она понимаетъ, что онъ хочетъ быть съ ней. Она мало знаетъ о его личной жизни, о его прошломъ и даже о настоящемъ.

Она медленными глотками отпиваетъ вино, чувствуетъ, какъ оно слегка пьянитъ ее; кладетъ ладонь на его протянутую на столѣ руку и спрашиваетъ, пристально глядя ему въ глаза:

— Скажите мнѣ правду: вы чувствуете, что мнѣ хорошо съ вами, что меня тянетъ къ вамъ?

— Да, мнѣ это кажется.

— И вы вѣрите мнѣ?

— Н-нѣтъ, я не вполнѣ увѣренъ въ васъ, — отвѣчаетъ онъ, послѣ минутнаго раздумья.

— Почему? — огорчается она.

— Потому что вы созданы изъ настроенiй. Я не говорю это въ видѣ упрека, о нѣтъ! Артистичныя натуры сложны и имѣютъ свои особенности. Я люблю вашу артистичность.

Отъ этихъ словъ у нея въ сердцѣ поднимается радостная волна.

— Ну, скажите мнѣ еще одно, — продолжаетъ она, помолчавъ. — Вы хотѣли бы надолго быть со мной?

Нѣсколько секундъ онъ молчитъ, глядя ей въ глаза и, по свойственной ему привычкѣ, то сжимаетъ, то освобождаетъ сплетенные пальцы рукъ:

— Мнѣ страшно отъ одной мысли, — медленно и вѣско говоритъ онъ, — о возможности ворваться въ жизнь, освѣщенную пламенемъ высокаго вдохновенiя и дивныхъ глубокихъ переживанiй.

То-что онъ сказалъ, удивило ее и родило къ нему новое, болѣе утонченное чувство, такъ какъ изъ этихъ словъ она поняла, что его отношеніе къ ней сложнѣе и глубже мимолетнаго интереса. Съ этой минуты она поставила его на высоту, съ которой мысленно, всѣми силами сердца умоляла не срываться.

Онъ уѣхалъ внезапно. Въ ихъ отношеніяхъ осталась недосказанность, сперва сильно огорчившая ее; затѣмъ, мало по малу, эта недосказанность начала окутывать тонкимъ ароматомъ ихъ отношенія, ставшія, благодаря разстоянію и этой недосказанности, нѣжно-хрупкими и потому прекрасными.

Письма, которыя онъ присылалъ ей, были недлинны, но въ нихъ она читала постоянную мысль о себѣ и надежду на будущее. Мысль о немъ прочно осѣла въ ея мозгу, и гдѣ бы она ни была, что бы ни дѣлала, она всегда помнила о немъ.

Она подошла къ письменному столу, достала листъ почтовой бумаги, и мысли ея, окрыленныя радостнымъ подъемомъ, вылились ярко, сильно и красочно, точно передавая цѣлыя гаммы тончайшихъ настроеній.

Она писала ему о томъ, что изъ своего къ нему чувства она рѣшила создать неувядающую красоту, цѣнность которой будетъ заключаться въ томъ, что нарастающіе аккорды этой симфоніи никогда не умолкнутъ, никогда не оборвутся въ своемъ полетѣ въ высь.

То, что она писала, было не письмо, а фантастическій этюдъ. Она рисовала картины любимой ею южной природы, гдѣ экзотическая ночь, дыша знойно-тяжелыми ароматами, будетъ окутывать ихъ на берегахъ синяго, чуть колеблющагося упругой гладью, моря, отража-

ющаго такое же синее, звѣздами затканное, небо. Она видѣла его и себя, опаленныхъ зноемъ этихъ ночей и желаній.

Ея рука, водившая перо, дрожала, губы алѣли карминомъ взволнованной крови, глаза блестѣли и полузакрывались, опьяненные красотой. Перо бѣжало, страницы заполнялись все новыми и новыми красочными картинами, которыя пьянили ее какъ вино, давая фантазіи все новые и новые полеты.

Въ тишинѣ глубокой ночи она погружалась въ широкій просторъ творческихъ глубинъ, дающихъ тончайшія и сложнѣйшія переживанія. Было поздно, когда она отложила исписанные листки и положила перо.

III.

Бѣжали дни и недѣли. Весеннее солнце все заливало и наполняло радостью душу. Жизнь била ключемъ и не хотѣлось ни покоя, ни отдыха.

Поляновъ обошелъ молчаніемъ ея письмо, не придавъ ему серьезнаго значенія. Пріѣхать въ Парижъ, какъ предполагалось раньше, она не могла, и ихъ сердечныя отношенія незамѣтно стали покрываться налетомъ пыли, которую бросаетъ на все земное безстрастная рука времени. Онъ, поглощенный дѣлами и заботами, не всегда аккуратно отвѣчалъ на ея письма или былъ очень краткомъ: она не была ему достаточно близка, чтобы вводить ее во всѣ неприглядныя подроб-

ности его борьбы съ жизнью; писать же о чувствахъ онъ не умѣлъ, да и не хотѣлъ затрагивать то, что было слишкомъ хрупко и имѣло мало прошлаго.

Въ сердцѣ Анны для Полянова былъ отведенъ нетронутый уголокъ, со всѣми неизжитыми иллюзіями и съ твердымъ желаніемъ сохранить этотъ нераспустившійся цвѣтокъ подъ колпакомъ, незапятнанной жизнью, прелести. Она предвидѣла, что встрѣча ихъ произойдетъ не такъ скоро, что разлука породитъ отчужденность и захолодитъ теплоту отношеній, но это ее не пугало: она знала, что съ первой же минуты новой встрѣчи онъ потянется къ ней, какъ тянутся къ сказкамъ среди жизненной прозы.

Ея отношеніе къ вопросамъ любви было глубоко античное. Въ любви она не знала грязи, потому что относилась къ ней съ той простотой, которая свойственна чистому міросозерцанію античности. Любовь и страсть она понимала какъ чистый огонь чистаго сердца внѣ всякой зависимости отъ жизненныхъ условностей и отъ длительности его горѣнія. Непреодолимый порывъ всего существа на встрѣчу радости сердца она называла любовью. Она также просто шла на встрѣчу этой радости, какъ просто отходила, когда порывъ отгоралъ; ея ухо, чуткое къ музыкальнымъ диссонансамъ, также безошибочно улавливало малѣйшую фальшъ въ аккордахъ сердечныхъ созвучій.

Высоко и ярко свѣтило солнце. По главной аллеѣ Тиргартена, по отполированному асфальту мостовой безостановочно мчались взадъ и впередъ автомобили, крафтомнибусы, звенѣли трамвайные сигналы. Было людно и шумно суетливостью большого переполнен-

наго города. Всѣ куда-то мчались, всѣ казались веселы и беззаботны. Казалось это потому, что день былъ ярокъ и тепелъ, и зелень громаднаго парка, сочная и густая, переливала всѣми изумрудными тонами подъ лучами солнца, игравшаго свѣтотѣнями на лужайкахъ и вдоль длинныхъ аллей.

Анна сидѣла на скамьѣ, съ неразвернутой газетой на колѣняхъ, смотрѣла прямо передъ собой на сѣрый, какъ ледъ блестящій, асфальтъ широкой прямой аллеи; слышала шумъ, звонъ и гудки и въ то же время не воспринимала этихъ впечатлѣній, потому что мысли ея, какъ и тѣло отяжелѣли, устали и были погружены въ неподвижность. Наканунѣ она слишкомъ поздно легла. Жаркій и яркій день съ шумомъ и суетой толпы съ утра утомили ее. Она сидѣла такъ давно, не смотрѣла на часы и готова была сидѣть хоть до сумерекъ. Знала, что въ комнату ея стучался въ это время ни одинъ посѣтитель, знала, что нужно было кое съ кѣмъ сговориться по телефону и все-таки продолжала сидѣть, ни на чемъ не останавливая своихъ мыслей. Ей была пріятна эта отяжелѣлость воображенія, задерживавшая обычную острую впечатлительность: въ этотъ день всѣ воспріятія внѣшняго міра были медлительно вялы, будто окутаны туманомъ.

Кто-то неторопливыми шагами подошелъ къ скамьѣ и опустился на нее. Анна не повернула головы. Изъ за полей большой шляпы ея лица не видно было. Она знала, что въ этотъ день оно было некрасиво съ потухшими глазами, съ устало опущенными углами губъ, блѣдное, неоживленное.

Сидѣвшій рядомъ кашлянулъ и тросточкой сталъ

чертить по песку. Она бросила взглядъ на слабо очерченныя буквы «Анна» и повернула голову въ его сторону. Онъ разсмѣялся:

— Если бы не написалъ, такъ бы и сидѣли, не удостоивъ взглядомъ.

— Здравствуйте.

Онъ поцѣловалъ протянутую ему руку.

— Напрасно потревожили. Мнѣ такъ хотѣлось быть одной.

— Такъ я уйду. — Онъ поднялся.

— Нѣтъ, Павликъ, сидите, я пошутила.

— Что съ вами? Непріятность случилась?

— Никакой непріятности. Не выспалась и какое-то омертвѣніе всѣхъ чувствъ. Это очень пріятное состояніе. Вы не испытывали?

— Хотѣлъ бы испытать, да не выходитъ.

— Спортомъ бы вамъ, Павликъ, заняться. — Она посмотрѣла на его полнѣющую крупную фигуру.

— На это надо теперь много денегъ, — равнодушно отвѣтилъ онъ и снова принялся чертить по песку, положивъ локти на колѣни широко разставленныхъ ногъ и подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ.

— Попросите у тети Кати.

— Нѣтъ, не хочу.

— Вотъ глупости! У тети деньги есть, и она съ удовольствіемъ вамъ дастъ, я увѣрена въ этомъ. Теперь такое время, что стѣсняться не приходится.

— Не попрошу, — упрямо повторилъ онъ.

— Напрасно. Просили же раньше.

— Мало ли что было раньше! Раньше и я былъ бле-

стящій морской офицеръ, въ меня влюблялись всѣ женщины, я сорилъ деньгами.

— Которыя давала тетя Катя, — вставила Анна.

— Да, которыя давала Екатерина Никитишна, это вѣрно. Я былъ юнъ, простъ душой и сердцемъ, былъ увѣренъ, что передо мной блестящая карьера, вѣчный праздникъ жизни, а вмѣсто этого слоняюсь теперь по улицамъ Берлина безъ дѣла, безъ вѣры въ будущее, не знаю, что съ собой дѣлать.

— Да что съ вами, Павликъ, случилось? Чего ради вы вдругъ Лазаря запѣли? Я васъ не узнаю. Вѣдь, вы такъ довольны были, что тетя васъ выписала.

— Да, былъ очень доволенъ, а теперь жалѣю. Лучше было въ Константинополѣ сидѣть.

— И играть по ночамъ на гитарѣ въ притонахъ за тридцать піастровъ?

— И игралъ бы... А потомъ съ голоду сдохнулъ бы... Не бѣда! Не я одинъ, — флегматично возражалъ онъ, продолжая сосредоточенно выводить по песку іероглифы.

— Павликъ, посмотрите на меня.

Онъ поднялъ на Анну большіе сѣро-голубые глаза съ поволокой.

— Что произошло? Вы съ тетей поссорились?

— Развѣ я когда-нибудь ссорился съ ней? Помилуйте! Всегда былъ и остался полонъ глубочайшаго уваженія къ ней и къ ея уму, — серьезно отвѣтилъ онъ.

Его лицо ровнаго матоваго цвѣта было красиво. Бѣлокурые волосы, сильно порѣдѣвшіе спереди, зачесанные съ боку на бокъ, не скрывали преждевременно образующуюся лысину. Лицо было серьезно, взглядъ боль-

шихъ глазъ настойчивъ. Не трудно было отгадать очень чувственную и въ то же время лѣнивую, лишенную порывовъ натуру.

— Ну, прекрасно. Я отлично вижу, что что-то произошло. Когда захотите подѣлиться и облегчить душу, я, какъ всегда, готова поддержать васъ. Навѣрно histoire de femme, — улыбнулась Анна.

Павликъ промолчалъ, и Анна поняла, что отгадала.

— Когда это вы успѣли? — продолжала она помолчавъ. — На дняхъ еще говорили, что свободны какъ вѣтеръ.

— Да, говорилъ... — онъ вздохнулъ. — И повторяю это.

— А все-таки у васъ histoire de femme, я въ этомъ увѣрена. Ну, будьте милый и скажите только одно: я права?

— Вы правы.

— Ну, вотъ и слава Богу. Я думала, что-нибудь важное случилось.

— Что же тутъ хорошаго?! Вы еще и Бога благословляете. Я чувствую себя омерзительно. Сегодня хорошенько напьюсь.

— Что же, напейтесь, если можетъ помочь. Поѣдемте ужинать вмѣстѣ. Вы будете напиваться, а я буду музыку слушать и на васъ смотрѣть... Напьетесь и проболтаетесь мнѣ.

— Хоть бы до безчувствія напился, — все равно не проболтаюсь.

— Значитъ серьезное?

— Очень.

— Тѣмъ лучше. Чѣмъ серьезнѣе, тѣмъ интереснѣе.

Павликъ вздохнулъ.

— Въ которомъ часу поѣдемъ ужинать? Вы заѣзжайте за мной...

— Я и забылъ: вамъ нельзя ѣхать. Вѣдь, я шелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ Екатерины Никитишны. Она васъ проситъ непремѣнно быть у нее сегодня вечеромъ и пораньше.

— А что будетъ?

— Какъ всегда: чай съ тортомъ и эмиграціей.

— Какъ же вы собираетесь напиваться? Вѣдь — вы знаете, что тетя не любитъ, когда вы отсутствуете на ея ассамблеяхъ.

— Не замѣтитъ, такъ какъ къ чаю приглашенъ новоприбывшій изъ Парижа.

— Кто?

— Вишневъ, Андрей Андреевичъ.

— А-а, это интересно.

— Васъ интересуетъ Вишневъ?

— Отчасти. Я еще въ Петербургѣ о немъ слыхала.

— Отъ кого?

— Отъ его покойнаго друга и друга тети: отъ Анатолія Васильевича.

— Онъ не молодъ. Впрочемъ я забылъ, что васъ интересуетъ сѣдина.

— Да, потому что въ этомъ возрастѣ мужчины понимаютъ психологію женщины. Я думаю, что вы, Павликъ, не умѣете любить ни съ психологіей, ни безъ нее. Я права?

— Да, не смотря на мои двадцать девять лѣтъ, я ни разу не любилъ и не стремился къ этому. Зачѣмъ? Для меня совершенно достаточно мимолетнаго бушева-

нія страсти. Весь изольешься въ этомъ порывѣ и остаешься свободнымъ.

— А сколько времени длится вашъ порывъ? Недѣлю? Двѣ?

— О нѣтъ! Много меньше.

— Тогда нехорошо. Это похоже на...

— На животное, вы хотите сказать. Ну да: я сильное здоровое животное и люблю женщину только пока она въ моихъ объятіяхъ. Но при всемъ этомъ, я женщинъ очень уважаю, цѣню и отношусь къ нимъ безъ всякаго цинизма, какъ вы сами знаете.

— Откуда я это знаю?! Мы съ вами не видѣлись почти семь лѣтъ. За эти годы въ васъ могло многое измѣниться.

— Нѣтъ, въ основѣ я не измѣнился: я все также уважаю, даже чту женщину.

— Безъ любви, однимъ порывомъ страсти? — разсмѣялась Анна. — Позвольте, но въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ у васъ histoire de femme? Это что-то непонятное выходитъ.

— Очень непонятное. Пожалуйста, Анни, не будемъ больше говорить объ этомъ. — Павликъ поморщился.

— Скажите, Павликъ, какъ вы находите тетю? Она очень измѣнилась? За эти три мѣсяца вы приглядѣлись къ ней.

— Вы спрашиваете постарѣла ли она? Нѣтъ. Вѣдь, ей сорокъ пять лѣтъ, а она выглядитъ на тридцать пять.

— А характеромъ? Вы не находите, что трагическая потеря ея друга наложила на нее отпечатокъ?

— Очень мало. Я не ожидалъ, что она такъ справится съ этой утратой.

— Вы ее не видѣли, когда она узнала о его смерти: я думала, что она помѣшается. Цѣлыми днями сидѣла взаперти, никого не принимала, даже мое присутствіе переносила съ трудомъ. Казалось, что ей все безразлично. Вѣдь, если бы не я, она бы такъ и осталась погибать въ Совѣтской Россіи. Бѣгство за границу ее сильно встряхнуло. Она здѣсь пришла въ себя. Анатолій Васильевичъ былъ уменъ и дальновиденъ, переправивъ за границу весь ея капиталъ и всѣ ея цѣнности. Да, это былъ настоящій, преданный ей другъ. Такихъ въ жизни рѣдко можно встрѣтить.

— Это такъ, но такія женщины какъ Екатерина Никитишна тоже встрѣчаются рѣдко. Всеобъемлющій умъ и рѣдкая красота. Всѣ ее цѣнили. Анатолій Васильевичъ, конечно, гордился привязанностью такой женщины.

— Тетя теперь очень тоскуетъ: ея жизнь тутъ неинтересна и скучна.

— Да чья же жизнь тутъ можетъ быть интересна? Выброшены за бортъ.

— Я не жалуюсь.

— Вы и не можете жаловаться, имѣя талантъ.

— Мнѣ этого мало. Я хочу...

— Безумной любви? — улыбнулся онъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не хочу и не ищу ее. Я написала драму и мнѣ очень хочется, чтобы она шла и чтобы я сама въ ней играла.

— Развѣ это такъ трудно выполнить?

— Страшно трудно. Если бы вы знали, Павликъ, какъ я этого хочу!

— Насколько я помню, вы всегда умѣли достигать желаемаго.

— Если бы я достигла этого, то дала бы обѣтъ ничего больше не желать. — Она вздохнула, стиснула руки и поднялась. — Кажется, уже поздно. Пора домой. Пойдемъ ужинать ко мнѣ, а потомъ къ тетѣ.

— Я васъ провожу, но зайти не могу, такъ какъ къ восьми обѣщалъ быть у товарища.

Они пошли вдоль аллеи, продолжая разговаривать. Онъ просунулъ руку подъ ея локоть и смотрѣлъ ей въ глаза настойчивымъ взглядомъ. Женщины, проходившія мимо, бросали на него ласковые взгляды, и онъ, по привычкѣ, отвѣчалъ такими же ласковыми настойчивыми взглядами.

IV.

Доведя Анну до дверей ея отеля и сказавъ, что онъ постарается не опоздать къ вечернему чаю Екатерины Никитишны, онъ направился въ другой конецъ Берлина, гдѣ жилъ его пріятель Михаилъ Петровичъ Шебаревъ.

Павликъ поднялся по неширокой, устланной ковровой дорожкой, деревянной лѣстницѣ на третій этажъ. Изъ за двери доносилась сложная, изъ бурливыхъ глубинъ выливавшаяся, проникновенная, полная темперамента прелюдія Рахманинова, исполняемая съ той ритмичностью, чуткостью и горячимъ подъемомъ, которымъ обладаютъ избранные прирожденные музыканты. Павликъ, дослушавъ до конца, позвонилъ. Звуки замолкли, и послышались приближавшіеся шаги.

— А, Павликъ, здравствуй. Что такъ поздно? Я ждалъ тебя до четырехъ. Вѣдь ты хотѣлъ вмѣстѣ на лекцію идти.

Шебаревъ ввелъ пріятеля черезъ переднюю въ небольшую свѣтлую комнату, которая могла бы быть уютной, если бы въ ней не царилъ необычайный безпорядокъ. Платья, вещи, книги, ноты — все это валялось, гдѣ попало. Больше всего на столѣ, этажеркѣ и піанино валялись кипами ноты и книги. На коврѣ, подлѣ дивана, на которомъ, судя по смятымъ плюшевымъ подушкамъ, безпрестанно лежалъ обитатель комнаты, валялись оркестровыя партитуры. Шебаревъ, средняго роста, лѣтъ около тридцати, съ широкимъ, чисто русскимъ хорошимъ, открытымъ лицомъ и привѣтливыми глазами, въ сѣромъ поношенномъ костюмѣ, съ трубкой въ углу рта, сразу производилъ пріятное впечатлѣніе.

— Хочешь чаю? Я скажу, чтобы дали еще стаканъ. А то пей изъ моего: я уже кончилъ. Вотъ сахаръ. Наливай пока не простылъ.

— А ты на лекціи былъ? — спросилъ Павликъ, наливая изъ эмалированнаго чайника слабый чай и садясь на диванъ.

— Былъ. На будущей недѣлѣ устраивается вечеръ въ пользу студентовъ. Раздай, пожалуйста, нѣсколько билетовъ, у тебя есть кому.

— Хорошо.

— Отчего ты вчера не былъ у Ольги Петровны? Она ждала тебя, — улыбнулся Шебаревъ.

— У Екатерины Никитишны сердечный припадокъ былъ; нельзя было ее одну оставить. Много было? Поздно разошлись?

— Все тѣ же были Скучновато! Если бы не кормежка, такъ и ходить бы къ ней не стоило. Только и ходимъ, чтобы поѣсть.

— Она просила, чтобы ты позвонилъ ей.

— Ну ее къ чорту! Надоѣла она мнѣ, — флегматично проговорилъ Павликъ, задумчиво размѣшивая въ стаканѣ сахаръ. — Миша у тебя деньги есть?

— А что?

— Поѣдемъ сегодня пьянствовать.

— Это можно. Надо компанію собрать. Постой, ко мнѣ собирались сегодня Мѣшковъ и Рошбель.

— Такъ нечего и ѣхать. Останемся у тебя и купимъ вина.

— Идетъ. Я скажу хозяйкѣ, она устроитъ намъ чай и бутерброды. Можно вина и водки. Ты какъ думаешь?

— Валяй! Вотъ тебѣ сто марокъ. Больше нѣтъ.

— Ладно, хватитъ. У меня есть шестьдесятъ. Сейчасъ попрошу хозяйку посуду приготовить и купить что надо, а то лавки закроютъ.

Шебаревъ вышелъ, а Павликъ, продолжая сосредоточенно и упорно глядѣть въ стаканъ, медленными глотками отпивалъ чай. Допивъ, онъ отвалился на спинку дивана, полузакрылъ глаза и, не слыша доносившихся изъ отдаленной комнаты отрывочныхъ фразъ говорившаго по телефону Шебарева, глубоко задумался,

— Ну вотъ, все устроилъ. Недурная мысль немного встряхнуться! Я за это время изрядно таки заработался, входя проговорилъ Шебаревъ.

— Уроки досталъ?

— Нѣтъ. Случайно устроился на фильмѣ. Ставятъ картину, гдѣ много народу. Я изображаю какого-то

хулигана. Чортъ знаетъ что за чепуха! готовился въ дирижеры оркестра, попалъ на войну офицеромъ, а теперь тапера изображаю или въ Руссо-фильмѣ хулигана играю.

— Это еще слава Богу! Ты посмотрѣлъ бы, что продѣлываютъ наши офицеры и моряки въ Константинополѣ. Тошнитъ отъ отчаянія! Кто улицы убираетъ, кто папиросы продаетъ на перекресткахъ, кто лакеемъ въ кафэ, кто клоуномъ въ циркѣ или русскую отплясываетъ въ ночныхъ кофейняхъ. Тутъ все-таки лучше живется.

— Не скажи. Намъ съ тобой лучше, а въ лагеряхъ офицерство навозъ возитъ. Нѣтъ, братъ, пока въ Россію не вернемся, помыкаемся еще.

Шебаревъ, сидя на стулѣ противъ піанино, сталъ энергично выколачивать трубку. Набилъ ее свѣжимъ табакомъ, закурилъ и лѣниво отвалясь на спинку, потягивая угломъ рта изъ трубки, началъ наигрывать что-то неопредѣленное. Затѣмъ, овладѣвъ мотивомъ, внезапно народившимся, весь поглощенный ритмично сплетающимся узоромъ звуковъ, какъ бы претворяясь всѣмъ существомъ въ этихъ то наростающихъ, то стихающихъ волнахъ, онъ сѣлъ прямо и, забывъ о присутствіи товарища, унесся въ сложный, стройный, потусторонній міръ, созданный изъ фантазіи звуковъ.

Павликъ все въ той же позѣ, съ полузакрытыми глазами, то погружался, то всплывалъ на волнахъ, которыя все шире и шире выливались изъ-подъ быстрыхъ и сильныхъ пальцевъ Шебарева. Отъ этого погруженія въ океанъ звуковъ Павлику становилось все грустнѣе и

грустнѣе, и тоска, владѣвшая его сердцемъ, впивалась острѣе.

Неожиданное, непредвидѣнное событіе, поразившее его своей стихійной силой и казавшееся ему чудовищнымъ, неумѣщавшимся въ сложившіяся за всю его жизнь представленія и понятія, совершенно перевернуло всѣ его мысли, и онъ не зналъ, что предпринять: надо ли бѣжать, надо ли оставаться, надо ли молчать или искать объясненія. Самымъ тяжелымъ казалось ему въ его положеніи то, что онъ не имѣлъ права ни съ кѣмъ подѣлиться случившимся: ни съ хорошимъ товарищемъ, Мишей Шебаревымъ, ни съ подругой дѣтства Анной, съ которой, съ очень ранняго возраста и до войны, они не только безпрестанно видѣлись, но и подолгу жили подъ одной крышей; послѣ смерти матери, Анна проводила лѣтніе мѣсяцы въ имѣніи у тетки своей Екатерины Никитишны, дѣля свои отроческія, а потомъ дѣвичьи забавы, надежды и мечты съ воспитанникомъ тетки — Павликомъ, безгранично любимымъ родовитой и умной женщиной. Послѣ ранней смерти мужа она сосредоточила на немъ всю заботливость и сердечную, и матеріальную. Убѣдясь, что Павликъ достоинъ всѣхъ ея щедрыхъ даровъ сердца и имущества, она сдѣлала его наслѣдникомъ своего большого состоянія. Война и послѣдующія катастрофическія событія оторвали его отъ дому. Лишь четыре мѣсяца тому назадъ Екатерина Никитишна черезъ свое обширное знакомство отыскала его въ Константинополѣ, выписала къ себѣ въ Берлинъ, одѣла, снабдила деньгами и дала возможность полнаго отдыха. Павликъ чувствовалъ, что опять возрождаются его силы, опять молодость начинаетъ одерживать по-

бѣду надъ разрушенными надеждами, надъ сломанной карьерой, надъ оплакиваемымъ, изувѣченнымъ, любимымъ флотомъ. Сердце и усталый мозгъ начинали оживать, когда неожиданно случилось нѣчто несуразное и тяжелое, что казалось ему бредомъ, отъ котораго, проснувшись, онъ отдѣлается.

Шебаревъ взялъ послѣдніе сочные, полные аккорды и повернулъ къ нему сіяющее внутреннимъ свѣтомъ лицо:

— Ты слышалъ? Это лѣсъ, шумящій лѣсъ со всѣми своими лѣсными звуками, пѣснями и тайнами. Этотъ аккордъ... слышишь? Какая гармонія! Какое сочетаніе тоновъ! А вотъ этотъ?! Чортъ знаетъ, что за глубина, что за неисчерпаемость красокъ въ музыкальной стихіи! Чтобы я дѣлалъ безъ музыки? Честное слово, погибъ бы. Радость ли, горе — все несу сюда въ этотъ міръ звуковъ.

Шебаревъ замолчалъ и, тоже о чемъ то задумавшись, сталъ осторожными легкими пальцами скользить по клавишамъ; комнату наполнила тихая и нѣжная музыка.

— Миша, — вполголоса обозвалъ его Павликъ, — у тебя есть почтовая бумага?

— Въ столѣ, съ правой стороны, — въ тонъ ему отвѣтилъ Шебаревъ.

Павликъ досталъ коробку съ почтовой бумагой и конвертами и умостился писать у стола, заваленнаго книгами, тетрадями и всякими ненужными для рабочаго стола вещами, въ видѣ ношеннаго воротничка съ галстухомъ, коробки съ пуговицами, иголками и нит-

ками, недопитой полубутылки съ пивомъ и другими подобнаго рода предметами.

Обмакнувъ перо въ чернило, Павликъ, не задумываясь, очевидно уже приготовивъ мысли, быстро вывелъ округлымъ четкимъ, крупнымъ почеркомъ: Дорогая, глубокоуважаемая и любимая всѣмъ сердцемъ и всѣми мыслями... — и сразу остановился, какъ будто бы мысли оборвались. Произошло это потому, что какъ только онъ началъ писать, онъ сразу увидѣлъ, что высказать всего онъ не сможетъ, какъ бы ни старался, и то, что онъ приготовился написать, было слишкомъ мало и неясно и не только не исчерпывало вопроса, но запутывало положеніе еще больше. Онъ отложилъ перо, опустилъ голову на ладонь и опять задумался. Что же дѣлать?.. Напиться хорошенько, — мысленно отвѣтилъ онъ себѣ и съ облегченіемъ вздохнулъ.

Къ концу вечера въ комнатѣ Шебарева стоялъ сизый туманъ отъ табачнаго дыма. Столъ подлѣ дивана, аккуратной нѣмкой, хозяйкой квартиры, любившей своего жильца за его спокойный нравъ и прекрасную музыку, былъ накрытъ свѣжей скатертью и прилично сервированъ для чая.

Шебаревъ, сбросившій пиджакъ, въ полосатой англійской рубашкѣ съ широкимъ, желтой кожи, кушакомъ поверхъ панталонъ, заразительно и раскатисто хохоталъ и, развалясь на диванѣ, то и дѣло опрокидывалъ въ ротъ рюмку за рюмкой. Онъ очень мало пьянѣлъ и только становился все болѣе и болѣе веселъ.

Мѣшковъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, тихій, какъ будто къ чему то прислушивающійся, съ довольно

красивымъ продолговатымъ свѣжимъ лицомъ, одинаково со всѣми привѣтливый и внимательный, слушалъ то, что разсказывалъ и надъ чѣмъ такъ заразительно хохоталъ Шебаревъ, и, посмѣиваясь и покачивая головой, одобрительно смотрѣлъ въ глаза разсказчику. Онъ выпилъ немного, но порядкомъ охмелѣлъ и чувствовалъ, что мысли его какъ и ноги начинаютъ слабѣть.

— Павелъ Александровичъ, пожалуйста, выпейте со мной за здоровье «ее». Для меня это сейчасъ самое нужное, — протягивая къ Павлику полный стаканъ вина, обратился Рошбель, совсѣмъ молодой человѣкъ съ интереснымъ лицомъ, волнистыми, назадъ зачесанными волосами и яркими губами. Глядя на его лицо, припоминались поэты шестидесятыхъ годовъ.

— Пожалуйста. Очень радъ. А гдѣ же «она» находится? Далеко?

— Въ Парижѣ. Я ее не видѣлъ уже два года. Она въ восемнадцатомъ году бѣжала изъ Совдепіи, а намъ удалось бѣжать только два мѣсяца тому назадъ. Мнѣ почему то кажется, что именно вы должны понять мое настроеніе.

— Отчего вамъ такъ кажется? — улыбнулся Павликъ, любуясь разгорѣвшимися глазами Константина Рошбеля. — Вы въ «нее» очень влюблены?

— Я люблю ее.

— Это ваша первая любовь?

— Серьезная — да.

— Рошбель, скажите что-нибудь изъ вашихъ стиховъ, — обратился къ нему, переставшій хохотать Шебаревъ. — Онъ, господа, пишетъ стихи не хуже Бальмонта. Честное слово, прелесть что за стихи! Я на одни

музыку написалъ. Ну-ка, скажите тѣ, что вы вчера говорили.

Рошбель отставилъ стаканъ съ виномъ и на секунду опустилъ голову.

Цѣлую нѣжно и печально
Глаза твои.
Мой взоръ мучительно прощальный
Въ нихъ затаи.
Твои неласковыя руки
Цѣлую я.
Когда минуетъ часъ разлуки,
Ты не моя...

Началъ онъ декламировать слегка аффектированной скандирующей манерой, усвоенной поэтами модернистами.

— Молодецъ, ей Богу молодецъ! — съ проникновеніемъ одобрилъ Мѣшковъ, улыбаясь присущей ему мягкой, какъ бы застѣнчивой улыбкой. — А теперь сыграйте вы намъ на роялѣ что-нибудь печальное; вы это умѣете, — обратился онъ къ Шебареву.

— Поздно, пожалуй. Хозяйка заявитъ претензію, — охотно садясь къ піанино и поглядывая на дверь, проговорилъ Шебаревъ.

Павликъ, такъ же сосредоточенно какъ раньше пилъ чай, пилъ теперь вино, то и дѣло наполняя имъ стаканъ. Глаза съ поволокой какъ бы подернулись легкой дымкой. Чѣмъ больше онъ хмелѣлъ, тѣмъ становился спокойнѣе и медлительнѣе въ движеніяхъ. Казалось, что въ своемъ внутреннемъ мірѣ онъ стоялъ отгороженный отъ окружавшаго его и не переставалъ думать все объ одномъ и томъ же, назойливомъ и тяжеломъ.

Шебаревъ игралъ «Валькиріи» Вагнера, Мѣшковъ слушалъ, забывъ о недопитомъ винѣ. Павликъ пилъ и думалъ, Рошбель внимательно наблюдалъ за нимъ, въ то же время улавливая новыя рифмованныя строки, навѣваемыя музыкой.

— О чемъ вы все думаете? — обратился онъ полушепотомъ къ Павлику.

— О женщинѣ. — Павликъ поднялъ на Рашбеля отяжелевшій взглядъ.

— Я такъ и думалъ, увѣряю васъ. — Рошбель улыбнулся, показывая сильные, бѣлые, красивые зубы.

— Ничего вы не знаете, мой поэтъ, — не отводя отъ него затуманеннаго взгляда большихъ свѣтлыхъ глазъ, медленно покачавъ головой, отвѣтилъ Павликъ. — Вы — «поэтъ любви, поэтъ своей печали», что можете вы понять въ ваши двадцать или двадцать два года?! Мнѣ тридцать, а я и то понять не могу, т. е. вѣрнѣе усвоить. Да, мой милый, мой юный поэтъ, жизнь штука сложная и выкидываетъ иногда такіе ненужные, непрошенные фокусы, что умъ за разумъ можетъ зайти.

— И все-таки за женщинъ! — Рошбель поднялъ стаканъ съ виномъ. — За женщинъ! — громко повторилъ онъ.

Шебаревъ, услышавъ тостъ Рошбеля, повернулъ въ его сторону освѣтившееся широкой улыбкой лицо и, неожиданно перемѣнивъ мелодію, заигралъ бравурный припѣвъ романса «Коломбина».

— Я пью за женщинъ! — подпѣвалъ онъ, и радостью и полнотой сердца звучала пѣсня.

— Вотъ кто, должно быть, беззаботенъ! Въ немъ

столько силы жизненной, — Рошбель указалъ Павлику на Шебарева.

— Ошибаетесь, я не беззаботенъ; я только не ломаю головы тамъ, гдѣ это безполезно, — возразилъ Шебаревъ, услышавшій замѣчаніе Рошбеля. Онъ отошелъ отъ піанино, налилъ себѣ вина и сталъ закусывать толстымъ бутербродомъ съ ветчиной. — Для меня цѣнно и важно только одно искусство, а на все остальное мнѣ, откровенно говоря, наплевать.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты наплевалъ...

— И навѣрно наплевалъ бы, что бы тамъ не было, — перебилъ Павлика Шебаревъ. — Самое сложное въ жизни, господа, это гармонія, а все остальное только кажется сложнымъ. Да и то съ перваго взгляда, а коли приглядишься — ерунда!

Павликъ молча, не желая спорить, пожалъ плечами.

— Все это возможно, но не для всѣхъ, — ласково возразилъ Мѣшковъ. — Вы наплюете, сядете къ роялю и погрузитесь съ головой въ міръ звуковъ и гармоній; ну, а куда намъ сѣсть, непосвященнымъ въ этотъ чудесный міръ?

— Красота кругомъ каждаго изъ насъ. Природа полна той же гармоніей...

— Эхъ, милый мой, гдѣ эта природа на четвертомъ этажѣ въ нетопленной комнатѣ и съ двумя марками всего капитала! Вѣрю, что жрецамъ искусства можно и о пустомъ желудкѣ забыть. Такъ, вѣдь, это избранники судьбы, баловни ея. Такъ то, милѣйшій Михаилъ Петровичъ! Не обобщайте того, что присуще немногимъ. Я хоть и очень далеко стою отъ искусства, но пью за него.

— А теперь я пью за женщинъ, — флегматично отозвался Павликъ.

— Однако у васъ, Павелъ Александровичъ, сильно развитъ духъ противорѣчія — разсмѣялся Рошбель. — Когда я пилъ за женщинъ, — то вы не присоединились къ моему тосту.

— Я пью спеціально за женщинъ, которыя насъ не любятъ.

— Ну что за чепуха! — отозвался Шебаревъ.

— Что жъ, это тоже красиво, — вдумчиво проговорилъ Рошбель, — но не думаю, чтобы это было желательно.

— Очень желательно, и за это я пью, — вѣско подтвердилъ свою мысль Павликъ и осушилъ залпомъ стаканъ вина.

Еще черезъ часъ настроеніе у всѣхъ сильно повысилось, такъ какъ кромѣ купленнаго вина были опустошены три бутылки, найденныя у запасливой хозяйки.

Рошбель съ подъемомъ декламировалъ свои красивые съ сочной рифмой стихи, Шебаревъ заливался раскатистымъ, звенящимъ хохотомъ, Мѣшковъ щурилъ глаза, улыбался, мало говорилъ и слушалъ, Павликъ добился своего — охмелѣлъ и, забывъ докучливыя мысли, развивалъ теорію о возможной красотѣ жизни, если установить полную оффиціальную свободу въ отношеніяхъ половъ.

V.

Екатерина Никитишна занимала три комнаты въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Берлина. Одна комната была ея спальней, вторая — большая, роскошно обставленная, съ длиннымъ балкономъ, — служила ей салономъ и столовой, въ третьей — напротивъ въ коридорѣ, помѣщалась ея бывшая экономка, портниха и повѣренная всѣхъ ея дѣлъ и всей ея жизни — Марфа Степановна, лѣтъ пятидесяти, добрая, смышленная, ловкая и очень привязанная къ ней.

За большимъ круглымъ столомъ, сервированнымъ для чая, съ обиліемъ всякихъ сандвичей, кэксовъ, крендельковъ, пирожныхъ и тортовъ, сидѣло небольшое общество.

—Вотъ я и говорю, что отгораживаться такимъ образомъ отъ Россіи, находящейся по ту сторону, не только не основательно, но, по моему, и недальновидно, — продолжалъ свою рѣчь Константинъ Юрьевичъ Снѣгиревъ, крупный дѣлецъ лѣтъ сорока, выброшенный, благодаря революціи, за бортъ. Онъ терпѣливо и съ большой выдержкой переносилъ тяжелое положеніе оторваннаго отъ своей жизни и своего дѣла человѣка. Боясь предварительно состариться тѣлесно и душевно, онъ стремился найти разумную критическую точку для переживаемаго времени и его событій, придерживался

старыхъ привычекъ въ личной и общественной жизни и искалъ примирительнаго тона для всего враждующаго; сторонился сплетень и дрязгъ и умѣлъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ.

Онъ былъ всегда опрятно, почти щегольски одѣтъ, носилъ гетры цвѣта «экрю», имѣлъ гладкое выбритое лицо и коротко подстриженные черные волосы, хорошо владѣлъ языками, съ достоинствомъ танцевалъ бостонъ на благотворительныхъ вечерахъ, выбирая для этого юныхъ дѣвицъ. Со всѣми онъ поддерживалъ хорошія отношенія, со всѣми былъ любезенъ и ни о комъ дурно не отзывался. Хотя онъ охотно говорилъ о политикѣ и охотно высказывалъ свое мнѣніе, однако никто не могъ опредѣленно понять его личныхъ воззрѣній и вѣрованій. Они какъ-то прятались за экраномъ пестрыхъ, легко текущихъ, не всегда логичныхъ фразъ.

— Вѣдь не можетъ же быть двѣ Россіи, — продолжалъ онъ. — Одна тамъ, другая здѣсь. Въ концѣ концовъ мы же сольемся въ одно. Мы можемъ не признавать большевистскаго правительства, но отгораживаться отъ тѣхъ, кто тамъ остался, — позвольте, вѣдь это же безсмысленно. Не улыбнись вамъ судьба — и вы бы тамъ остались, и я. А если бы остались и не оказались бы въ тюрьмѣ «до окончанія гражданской войны», какъ гласятъ ихъ приговоры, или не были бы растрѣляны, такъ вѣдь пришлось бы служить «у нихъ», потому что иначе съ голоду умирать надо. Вѣдь вѣрно я говорю? Развѣ не такъ? Мы не должны замораживать себя въ какую то уже вывѣтрившуюся старомодную форму. Мы должны непремѣнно идти въ одинаковомъ жизненномъ темпѣ, иначе, внѣ всякихъ сомнѣній, мы окажемся не-

способными примкнуть къ Россіи. Вѣдь она, что ни говорите, эволюціонируетъ; да, да! Хоть и кровью поливается и стонетъ, а все таки общій уровень идетъ впередъ. Мы оставили прежнюю Россію, а соединиться придется съ новой. Развѣ я не правъ? — Снѣгиревъ обвелъ присутствующихъ вопросительнымъ взглядомъ.

— Да, да, но необходимо сохранить ту черту, за которой могутъ начаться уступки, недопустимыя для національнаго духа. Россію мы должны сохранить нетронутой въ ея традиціяхъ. Для того мы и бѣжали, для того и сидимъ здѣсь, чтобы уберечь этотъ патріотическій національный русскій духъ.

Говорившій былъ совсѣмъ бѣлый старикъ съ длинной, на двѣ стороны расчесанной бородой, крѣпкій, бодрый, немногорѣчивый, упрямый въ своихъ убѣжденіяхъ, ярый монархистъ. Говорилъ онъ густымъ басомъ и не любилъ, чтобы ему противорѣчили. Онъ пользовался уваженіемъ въ своей партіи, и былъ добрый, чистый и честный человѣкъ.

— Милый Егоръ Алексѣевичъ, трудно говорить теперь о національномъ духѣ, когда духъ этотъ, что ужъ грѣха таить, у многихъ выродился въ довольно таки безобразныя формы. — Екатерина Никитишна, говоря это, передала Марфѣ Степановнѣ, разливавшей на отдѣльномъ столикѣ чай, свою пустую чашку.

— То есть какъ это? не понимаю, — пробасилъ старикъ.

— А что дѣлается среди эмиграціи?! Другъ друга ѣдятъ поѣдомъ, никакого единства, никакой любви къ собратьямъ; гибнутъ тамъ, гибнутъ здѣсь. Я не того ожидала, когда бѣжала изъ Россіи. Выбросьте больше-

виковъ главарей, и всѣ мы окажемся тѣмъ же мvромъ мазаны: всѣ бунтари.

— Вѣрно, ваше великолѣпіе, вѣрно! — Снѣгиревъ засмѣялся и, перегнувшись вбокъ, поцѣловалъ у своей сосѣдки большую бѣлую руку, лишенную всякихъ украшеній.

— Мало ли что случается! Кто оступился и упалъ, можетъ и долженъ подняться.

— Это вѣрно и примѣнимо какъ къ одной, такъ и къ другой Россіи. Еще вопросъ, какъ они тамъ всѣ на насъ смотрятъ? Можетъ быть и знать насъ не захотятъ. Скажутъ, что мы тутъ пользовались плодами культурной жизни, когда они принуждены были вести жизнь рабовъ и скотовъ. Вотъ это страшнѣе! А развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ, русскій человѣкъ пойметъ, что эмиграція — доля тяжелая. Убѣжать удалось, а слоняться безъ денегъ и безъ угла по чужимъ странамъ, да еще безъ уваженія, изъ милости, — это тоже не малая трагедія, — вздохнула Екатерина Никитишна. — Вообще я думаю, что когда наступитъ сліяніе Россіи съ находящимися здѣсь, то произойдетъ это гораздо проще и естественнѣе, чѣмъ думаютъ. Вѣдь у каждаго изъ насъ тамъ оставлены близкіе, родные и друзья. Протянутся съ обѣихъ сторонъ руки и будетъ найденъ общій понятный языкъ.

— Екатерина Никитишна очень мѣтко и тонко выразилась, сказавъ: сліяніе Россіи съ находящимися здѣсь, — заговорилъ Андрей Андреевичъ Вишневъ, сидѣвшій подлѣ Снѣгирева. — Именно это такъ и есть, ибо тамъ, хоть и разрушенная, а все таки сплоченная

страданіемъ Россія, — я говорю, конечно, о русскихъ людяхъ въ буквальномъ смыслѣ, исключая большевизмъ, а тутъ разбредшаяся во всѣ стороны эмиграція. Тамъ остался весь народъ и небольшая кучка интеллигенціи, а тутъ только интеллигенція, не могущая ни сплотиться, ни сорганизоваться, потому что слишкомъ много въ насъ индивидуальности. C'est le défaut de nos qualités, которое мѣшаетъ намъ сплотиться и образовать заграницей сильное представительство, со всѣми необходимыми органами, съ которымъ бы иностранцы считались. Слишкомъ много субъективнаго, и потому всякъ тянетъ по своему.

— Да, да, это вѣрно: le défaut de nos qualités, — какъ бы обрадовался Снѣгиревъ. Ему понравилась эта мысль, разрѣшавшая для него причину несорганизованности русскихъ людей заграницей. Вишневъ, мало говорившій, заинтересовалъ его. Онъ хотѣлъ втянуть его въ дальнѣйшую на эту тему бесѣду, какъ вошла Анна.

— Что же ты такъ поздно, Анни? — встрѣтила ее Екатерина Никитишна.

— Прости, тетя, меня задержали.

— Андрей Андреевичъ, вотъ это та знаменитая племянница артистка, о которой я еще въ Петербургѣ вамъ разсказывала. Анни, садись возлѣ Андрея Андреевича, тогда, я увѣрена, ему скучно не будетъ.

— Вотъ, вотъ отлично, пожалуйте сюда, — Вишневъ, протягивая руку Аннѣ, пытливо, привычнымъ взглядомъ знатока, быстро окинулъ ея худощавую и нарядную, въ простомъ костюмѣ, фигуру.

Съ предупредительной и ласковой любезностью, въ которой женщины безошибочно угадываютъ желаніе

близости, Вишневъ ближе придвинулъ свой стулъ, еще разъ внимательно взглянулъ ей въ лицо и завязалъ оживленный разговоръ. Онъ разсказывалъ ей, какимъ образомъ выбрался изъ Крыма послѣ паденія Врангеля.

— Я надѣялся, судя по тогдашнему моменту, вскорѣ вернуться въ Петроградъ, а вмѣсто этого пришлось бѣжать въ Константинополь, да еще съ какими приключеніями!

— Разскажите намъ объ этихъ приключеніяхъ, — попросила Екатерина Никитишна.

Пока Вишневъ разсказывалъ о хаосѣ и трагикомическихъ эпизодахъ, сопровождавшихъ посадку пассажировъ въ Севастополѣ на корабль и высадку съ корабля въ Константинополѣ, Екатерина Никитишна, оперевъ великолѣпную голову на руку классической формы, слушала разсказъ и въ то же время была поглощена своими мыслями. Марфа Степановна, сидѣвшая у самовара за столикомъ у стѣны, нѣсколько разъ тревожно поглядывала на нее.

— Не прикажите ли чаю? — безшумно подойдя къ ней, шепотомъ спросила она. Екатерина Никитишна отрицательно покачала головой и указала глазами на пустую чашку сенатора Егора Алексѣевича.

Екатерина Никитишна была крупная статная красавица, не утратившая своего очарованія, несмотря на то, что ей кончилось сорокъ пять лѣтъ, которыхъ никто ей не могъ дать, настолько она сохранилась. Красота ея была царственна и картинна. Брюнетка, съ прекраснымъ цвѣтомъ кожи, съ большими миндалевидными глазами, сросшимися на переносицѣ раскидистыми бровями, она у всѣхъ рождала представленіе о Юдифи.

Волосы ея, отъ природы волнистые, красивой линіей обрамлявшіе чистый, бѣлый лобъ, были черны и нетронуты краской; небольшая, идущая сбоку лба прядь совершенно сѣдыхъ волосъ, прорѣзывающая черную волну, придавала еще больше картинности ея лицу. Екатерина Никитишна была извѣстна столичному Петербургскому свѣту красотой и рѣдкимъ сильнымъ умомъ. Съ юныхъ лѣтъ за ней укрѣпилось прозвище «великолѣпной», которое настолько подходило къ ней, что многіе величали ее «ваше великолѣпіе». Екатерина Никитишна начинала слишкомъ хорошо помнить, что ей окончился четвертый десятокъ и потому стала забывать о томъ обаяніи, которое не утрачивалось съ годами. Вмѣсѣ съ этимъ она переставала замѣчать и интересоваться вліяніемъ своей красоты на окружавшихъ ее мужчинъ. По привычкѣ она продолжала тщательный уходъ за тѣломъ и сохраняла всѣ аллюры красавицы, но оставалась равнодушной къ самой себѣ.

Послѣ смерти мужа, она, не вступая въ бракъ, связала свою жизнь съ человѣкомъ, близко стоявшимъ ко двору и извѣстнымъ въ столичномъ мірѣ своею любовью къ женщинамъ. Онъ оцѣнилъ въ «великолѣпной Кэтъ» ея красоту и умъ и, въ продолженіи пятнадцатилѣтней близости съ ней, любилъ только одну Кэтъ, которая была глубоко къ нему привязана и чувствовала себя съ нимъ вполнѣ счастливой.

Его долгій арестъ послѣ Октябрьскаго переворота, а затѣмъ объявленный въ газетахъ разстрѣлъ, подломили ея энергію и парализовали всякое желаніе жить. Однако, послѣ бѣгства изъ Совѣтской Россіи, новая волна жизни какъ бы смыла чрезмѣрную го-

речь утраты, и Екатерина Никитишна опять съ той же царственной осанкой, съ тѣмъ же влажнымъ блескомъ въ глазахъ, вступила въ кругъ русскаго эмиграціоннаго общества. Она много принимала у себя и, имѣя повсюду въ Европѣ вліятельныя знакомства, безъ труда получала визы и часто уѣзжала въ Парижъ или Швейцарію.

Послѣ долгихъ поисковъ ей удалось разыскать Павлика, котораго, благодаря ложнымъ слухамъ, она считала тоже убитымъ. Его пріѣздъ окончательно вернулъ ей утраченное душевное равновѣсіе. Павлика она не видала почти семь лѣтъ, разставшись съ нимъ передъ объявленіемъ войны.

Павликъ жилъ отдѣльно, занимая комнату въ хорошемъ отелѣ и ежедневно проводя нѣсколько часовъ у Екатерины Никитишны.

Вишневъ, окончивъ свои повѣствованія, вполголоса велъ отдѣльный разговоръ съ Анной. Екатерина Никитишна, съ блуждающей на губахъ улыбкой, поглядывала въ ихъ сторону. Она любила и гордилась своей племянницей, которую за неуловимо капризную прелесть называла article de Paris.

— Скажите, Екатерина Никитишна, развѣ я не правъ, говоря, что женщину интересуетъ и притягиваетъ мужчина лишь до тѣхъ поръ, пока она его не расшифровала, — обратился къ ней Вишневъ, прерывая свой разговоръ съ Анной.

— Боже мой, Андрей Андреевичъ, нашли кого спрашивать! Что могу отвѣтить вамъ я — совершенно отошедшая отъ міра любовной психологіи?! Это надо спросить у молодой женщины, а не у старухи вродѣ меня.

—Какого!—засмѣялась Анна. --- Я и не подозрѣвала, что ты, тетя Кэтъ, такая тонкая кокетка.

—Напрасно ты такъ думаешь. Повѣрь мнѣ, душа моя, что я совершенно искренно и сознательно поставила себя въ разрядъ старѣющихъ женщинъ.

—Это не имѣетъ рѣшающаго значенія до тѣхъ поръ, пока васъ въ этотъ разрядъ не поставятъ мужчины, — замѣтилъ сенаторъ. — Мужчинѣ не важно что о себѣ думаетъ женщина и сколько ей лѣтъ. Важно, сколько ей кажется лѣтъ.

—Разумѣется,—подтвердилъ Снѣгиревъ. —Теперь не мало молодыхъ женщинъ, имѣющихъ видъ пожилыхъ, благодаря тому, что онѣ опустились и потеряли желаніе нравиться.

—Ну вотъ, и я тоже давно утеряла это желаніе, оттого и чувствую, что старѣю.

—Милая Екатерина Никитишна, ваша красота сильнѣе старости. Это очень рѣдкій, исключительный типъ красоты. Не понимаю, — пожалъ плечами Вишневъ, — отчего тѣ женщины, которыхъ природа награждаетъ такимъ рѣдкимъ даромъ — нестарѣющей красотой, не хотятъ цѣнить его и не пользуются имъ? Что бы я далъ за этотъ даръ жизни!

—Для мужчинъ можетъ и не быть старости. Французы говорятъ: il n'y a pas de vieux, il n'y a que des paresseux.

—Увы, Анна Кирилловна, это только красивая фраза, — вздохнулъ Вишневъ. — Лучше не будемъ говорить о старости, Богъ съ ней!...

—Скажи пожалуйста, Анни, ты не видѣла сегодня Павлика?—вскользь, спросила Екатерина Никитишна.

—Какъ же; вѣдь онъ мнѣ передалъ твое приглашеніе.

— Ахъ да, я и забыла. Онъ ничего не говорилъ тебѣ, будетъ ли у меня вечеромъ?

—Прощаясь, онъ кажется сказалъ, что прійдетъ и въ то же время имѣлъ намѣреніе напиться.

— Чтожъ, намѣреніе хорошее,—улыбнулся Вишневъ.

— Вы думаете? — разсѣянно переспросила Екатерина Никитишна.

— Изрѣдка это даже необходимо. Развѣ нѣтъ? Что?.. — Снѣгиревъ имѣлъ привычку свою мысль заканчивать вопросомъ.

— Такъ не перехватить ли намъ мысль Павлика и не поѣхать ли поужинать? Который часъ? Уже скоро десять. Если Павликъ придетъ, Марфа Степановна, пришлетъ его къ намъ.

Снѣгиревъ и Вишневъ приняли съ охотой предложеніе хозяйки дома. Старикъ сенаторъ отказался, сославшись на срочныя дѣла.

Въ ресторанѣ на Фазаненштрассѣ было уютно и хорошо. Предупредительный нѣмецъ — хозяинъ ресторана радушно привѣтствовалъ Вишнева, помня его частыя посѣщенія зимой во время проѣзда изъ Константинополя въ Парижъ и цѣня въ немъ хорошаго гастронома.

Сѣли у стола, отдѣленнаго отъ сосѣдняго деревянной невысокой отгородкой. Всѣ столы, стоявшіе вдоль стѣны, были отгорожены такими же перегородками, что создавало впечатлѣніе уюта и давало возможность большей свободы въ рѣчахъ и движеніяхъ; это доказывала парочка, сидѣвшая напротивъ. Чув-

ствуя себя какъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, они поминутно чокались и цѣловались. Вишневъ, поправляя на носу pince-nez, одобрительно наблюдалъ за ними, не переставая въ тоже время отдавать все свое вниманіе нравившейся ему Аннѣ.

Подали закуску и въ рюмкахъ коньякъ.

—Что же это за порціи?! Скажите Андрей Андреевичъ, чтобы подали бутылку коньяку. Не ожидая распоряженія со стороны Вишнева, Екатерина Никитишна подозвала лакея и вполголоса отдала приказаніе.

— Warten Sie, — удержала она его. — Андрей Андреевичъ, хотите рюмку водки? А вы, Яковъ Юрьевичъ?

— Я всегда непрочь, вы меня на этотъ счетъ знаете, — улыбаясь одними глазами, черными съ неугасающимъ огнемъ, отвѣтилъ Вишневъ. Громаднаго роста, крѣпкаго сухого сложенія, съ красноватымъ какъ бы загорѣвшимъ цвѣтомъ лица, съ крупными чертами, уже немолодой, но бодрый, прямой и крѣпкій, онъ былъ еще далекъ отъ старости, ищущей покоя. Онъ продолжалъ любить жизнь со всѣми ея утѣхами. Къ потерѣ своего состоянія, чиновъ и высокаго положенія, онъ относился съ полнымъ спокойствіемъ. Въ немъ чувствовался человѣкъ много и хорошо умѣвшій и успѣвшій пожить. Женщины его любили за то, что онъ умѣлъ ихъ любить и цѣнить.

— Ну, Андрей Андреевичъ, чокнемся за хорошее прошлое. — Екатерина Никитишна протянула къ нему рюмку.

— А-а, и вы водочки! Отлично! Я радъ, очень радъ, что вижу васъ. Анна Кирилловна, а вы что же? Это не хорошо. Надо выпить.

— Только не водки, я ее не люблю.

— Есть и коньякъ.

— Мнѣ это очень много.

— Вотъ глупости какія! Гдѣ тамъ много?!

Екатерина Никитишна указала Аннѣ взглядомъ, чтобы она придвинула къ ней свою нетронутую рюмку съ водкой, и, положивъ себѣ еще закуски, залпомъ выпила ее. Лакей въ это время принесъ вино, поставленное въ ледъ. Екатерина Никитишна кивкомъ головы опять подозвала его и что-то сказала. Въ черной бархатной гладкой шляпѣ съ большими круглыми полями, въ черномъ атласномъ платьѣ, съ легкимъ вырѣзомъ на груди, она была очень хороша и невольно взгляды обращались къ ней.

— Анни, о чемъ ты такъ задумалась? Пожалуйста, чтобъ было весело. Довольно мы всего пережили. Теперь надо забыться и жить. Не такъ ли Андрей Андреевичъ? Вы, я знаю, всегда были этого мнѣнія, Анатолій Васильевичъ разсказывалъ мнѣ не мало. — Она разсмѣялась.

Лакей, одной рукой подавая на столъ блюдо съ рыбой, другой поставилъ подлѣ Екатерины Никитишны блюдце съ большой рюмкой водки. Она, доѣдая закуску и съ наростающимъ оживленіемъ поддерживая разговоръ, выпила третью рюмку.

—Что-же вы коньячку? Коньякъ у нихъ хорошій,— Вишневъ протянулъ къ ней бутылку.

— Теперь можно и коньякъ. Иногда у меня является потребность выпить водки, — пояснила Екатерина Никитишна, отгадавъ, что Вишневъ замѣтилъ ея три выпитыхъ рюмки.

— Я вижу, Анна Кирилловна, что вы не компаньонка по пьяному дѣлу: ваша рюмка до сихъ поръ не допита.

— Пожалуйста, Андрей Андреевичъ, не безпокойтесь: вы можете всѣ пить и пьянѣть, а я не буду пить и все-таки буду пьянѣть съ вами вмѣстѣ.

— У нее свой «dopping» вотъ здѣсь — Екатерина Никитишна дотронулась пальцемъ до лба.

Сидящая наискось пара, совершенно забывъ о присутствовавшихъ, страстно цѣловалась, отпивая вино изъ одного стакана. Они невольно притягивали къ себѣ осторожные взгляды сидѣвшихъ за столикомъ Екатерины Никитишны, и разговоръ, въ связи съ этими наблюденіями и по мѣрѣ выпиваемаго вина, становился все болѣе оживленнымъ. Екатерина Никишна словно переродилась: природная сдержанность, какъ строгая рамка, еще болѣе выдѣлявшая ея царственную осанку и античную красоту, замѣнилась подъ вліяніемъ вина, нервнымъ подъемомъ, брызнувшимъ искрами и блесками тонкаго ума, живого, полнаго юмора, богатаго памятью и знаніями. Ея рѣчь пересыпалась то отрывками изъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, то забавными сравненіями, остроумными замѣчаніями, интересными воспоминаніями изъ прошлаго. На нѣсколько часовъ она забывала бремя минувшихъ годовъ и передъ присутствовавшими была во всей своей красотѣ прежняя «великолѣпная Кэтъ».

— Скажите, Андрей Андреевичъ, видѣли ли вы когда нибудь болѣе очаровательную женщину? — указывая глазами на тетку, спросила Анна.

— Что за глупости, Анни? — пожала плечами Екатерина Никитишна. — Андрей Андреевичъ на своемъ вѣку видѣлъ не мало женщинъ и его ничѣмъ не удивишь. Развѣ я не права? — Она улыбающимися глазами посмотрѣла на Вишнева, который, продолжая любоваться ею, мысленно сравнилъ эти продолговатые, съ сине-молочнымъ бѣлкомъ, глаза съ глазами кровной арабской лошади.

— Что?.. Что такое?! — смѣялась Екатерина Никитишна, слушая Снѣгирева.

— Непремѣнно, непремѣнно! — настаивалъ онъ, цѣлуя въ ладонь ея руку.

— Господа, прошу и васъ присоединиться къ моему тосту, — обратился онъ къ Аннѣ и Вишневу.

— Пожалуйста не надо, какая глупость! — протестовала Екатерина Никитишна.

— Но почему же, почему? А?.. Что?.. Мы всѣ тутъ, хотя и выброшенные на чужой берегъ, остаемся вѣрными чарамъ любви. И въ насъ влюблены, и мы влюблены. Я непремѣнно вамъ желаю пережить сильную, скажемъ, даже бурную страсть. Это будетъ чудесно! А?.. Что?.. Развѣ я не правъ?

— Это будетъ ужасно, а не чудесно. Всѣ эти бури, которыя вы сулите мнѣ, я передаю моему статуэтному article de Paris. Анни — моя любимая страна неограниченныхъ возможностей, — тебѣ я передаю всѣ бури, страсти, молнiи и шквалы сердечныхъ переживанiй, а мнѣ не надо ничего кромѣ...—она запнулась и разсмѣялась, — кромѣ бокала хорошаго, пьянаго вина. Налейте мнѣ еще. Вотъ такъ! Анни, пей со мной.

— Тетя, я не въ силахъ.

— Что: пить или бури переживать?

— Пить — не въ силахъ, и бурь переживать сейчасъ не хочу, вѣрнѣе — не ищу.

— Да, но чѣмъ меньше ты ихъ хочешь, тѣмъ онѣ ближе къ тебѣ. — Екатерина Никитишна разсмѣялась молодымъ, блеснувшимъ ровными, бѣлыми зубами, смѣхомъ.

Цѣловавшаяся напротивъ пара, поднялась. Она, поправляя на головѣ покривившуюся шляпу, высоко держа надъ головой обѣ руки, смѣялась короткимъ ослабѣвшимъ смѣшкомъ; онъ, держа въ сгибѣ локтя одной рукой большой букетъ розъ, другой заправлялъ ея выбившуюся изъ подъ шляпы прядь волосъ и смотрѣлъ ей въ глаза упорнымъ возбужденнымъ взглядомъ. Когда они ушли, Екатерина Никитишна откинулась на спинку стула и протянула обѣ руки на столъ:

— Ну, вотъ и отлично, что ушли. Они мнѣ немного мѣшали. Теперь мы одни. Велите подать еще бутылочку вина. — Ея глаза сверкали, влажныя губы алѣли, и въ углахъ ихъ что-то трепетало; для Анни и Снѣгирева это казалось не сходившей съ устъ улыбкой. Вишневъ нѣсколько разъ пристально, слегка прищуриваясь сквозь pince nez вглядывался въ эту трепетавшую линію губъ и, наконецъ, замѣтивъ, что порхающая линія обозначается все рѣзче и рѣзче, спросилъ, поглядывая на часы:

— А по домамъ намъ еще не пора?

— О, нѣтъ. Сегодня я уѣду послѣдняя. Передайте сюда вина, — она наполнила свой стаканъ, выпила залпомъ, откинула голову и закрыла глаза.

— Тетя, что съ тобой?

— Ничего. Мнѣ показалось, что я... что я... пьянѣю. Но, кажется, нѣтъ. — Она разсмѣялась, потомъ сразу сдѣлалась серьезна, опустила голову на ладонь и широкими глазами, вдругъ подернувшимися тоской, устремилась прямо передъ собой.

— Жизнь такая странная, такая загадочная, неисчерпаемая шарада. Не правда ли?! Вотъ кажется все уже ясно, все извѣдано, и будущее представляется ровной, прямо къ концу протянувшейся дорогой, и вдругъ откуда то появляется стѣна, путь пересѣченъ и черезъ стѣну ничего не видно. Что же тогда? Бить головой объ стѣну? До смерти бить?!

— Лучше стѣну разбить, — улыбнулся Снѣгиревъ.

— Не разбить стѣны.

— Нѣтъ такихъ несокрушимыхъ стѣнъ; надо только найти оружiе. — Снѣгиревъ слегка отодвинулъ отъ стола свой стулъ и, сидя вполъ оборота, медленно выпускалъ изо рта дымъ папиросы. Онъ чувствовалъ, что вино начинало на него сильно дѣйствовать.

— Если бы это было такъ! — вздохнула Екатерина Никитишна.

— Вся бѣда въ томъ, — заговорилъ Снѣгиревъ, думая, что мысли Екатерины Никитишны относились къ переживаемой русскими людьми катастрофѣ,—бѣда, что русская интеллигенцiя оказалась слишкомъ интеллигентной, а потому неспособной ни къ какому активному сопротивленiю.

Екатерина Никитишна не слушала его. Она вполголоса напѣвала:

Est-il bete de me tenir rigueuer, . . . est-il bete me tenir rigueuer . . .

Вишневъ!.. Андрей Андреевичъ! Какъ жаль, что я не могу влюбиться въ васъ! Вѣдь вы были въ такой тѣсной дружбѣ съ Анатоліемъ Васильевичемъ. Честное слово, это было бы великолѣпно! — Она опять задумалась, какъ будто сразу ослабѣла, и порхающая въ углахъ рта улыбка начала походить на сдерживаемое, какъ у маленькихъ дѣтей, желаніе расплакаться.

— Послушайте, милѣйшій Андрей Андреевичъ, — она положила обѣ руки на его рукавъ и ближе придвинулась къ углу стола, раздѣлявшему ихъ, — скажите мнѣ: если въ моей жизни случится что нибудь трагическое, вы будете моимъ другомъ? Будете подлѣ меня?

— Позовите только, и я приду. Но зачѣмъ трагедіи? Сами вы недавно сказали, что надо жить, надо пользоваться жизнью.

— Ну да, я сказала это, но вѣдь жизнь-то по своему дѣлаетъ. Иногда мнѣ кажется... — она закрыла лицо обѣими руками. — Нѣтъ, нѣтъ не надо объ этомъ! Не хочу, прочь всѣ мысли! Пусть все зальется виномъ. Тамъ есть еще вино? — Она протянула руку къ бутылкѣ. Вишневъ осторожно отвелъ ея руку:

— Не надо больше. У васъ начинаютъ перетягиваться нервы. Довольно. Поѣдемте домой.

— Послѣдній стаканъ, и тогда поѣдемъ.

Анна, закуривъ тоненькую папироску, слѣдила за теткой, которую первый разъ видѣла въ такомъ состояніи.

Когда выходили изъ ресторана, Екатерина Никитишна крѣпко опиралась на руку Вишнева, чувствуя, что ноги ея совершенно ослабѣли.

Выходя у своего подъѣзда изъ автомобиля, въ которомъ Вишневъ провожалъ обѣихъ дамъ, она обернулась къ Аннѣ:

— Приходи завтра ко мнѣ обѣдать. Я и Павлика позову. Андрей Андреевичъ, приходите и вы. Пообѣдаемте вчетверомъ. Однако, ноги у меня совсѣмъ какъ вата,—разсмѣялась она, исчезая за дверью подъѣзда.

— Первый разъ я вижу тетю такой... странной, — проговорила Анна, когда автомобиль тронулся дальше.

— Чтоже тутъ особеннаго! Послѣ всего пережитаго у каждаго изъ насъ замѣчается нѣкоторая неуравновѣшенность, — отвѣтилъ Вишневъ. Про себя онъ подумалъ иное. Хорошо зная женскую психологію, въ поведеніи Екатерины Никитишны онъ уловилъ тотъ душевный срывъ, который предшествуетъ серьезной душевной катастрофѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что была какая то сердечная драма, которую она хотѣла въ этотъ вечеръ залить виномъ.

Когда Анна вошла въ свою комнату, то на столѣ нашла письмо съ французской маркой. Письмо было отъ Полянова. Анна раздѣлась и, лежа въ кровати, вскрыла конвертъ. Она перечла письмо два раза. Затуманившійся временемъ образъ Полянова отчетливо выплылъ передъ ней, и опять со всей силой ее потянуло къ нему. Она рѣшила написать ему утромъ же длинное и нѣжное письмо.

VI.

Анна собиралась выйти, какъ вслѣдъ за стукомъ въ дверь, вошла Марфа Степановна.

— Я на минутку забѣжала, не помѣшаю вамъ, Анна Кирилловна.

Анна, очень любившая скромную, деликатную, всегда умѣвшую стушеваться Марфу Степановну, безгранично преданную Екатеринѣ Никитишнѣ и ея близкимъ, обрадовалась ея приходу.

— Я никуда не спѣшу, милая Марфа Степановна. Садитесь и разсказывайте, что у васъ дѣлается. Тетя здорова?

— Да ужъ не знаю, какъ и сказать, — вздохнула Марфа Степановна, — не ладно у насъ что то...

— Въ какомъ смыслѣ? Я ничего незамѣтила.

— Гдѣ вамъ замѣтить! Это я только подмѣчу, живя рядомъ. Въ чемъ дѣло и сама не знаю, а только вижу, что Екатерина Никитишна моя не та... тоскуетъ она и чѣмъ глубже тоскуетъ, тѣмъ больше на себя беретъ.

— За Россіей, вы думаете, тоскуетъ?

— Это бы что! — махнула рукой Марфа Степановна.

— Объ Анатоліи Васильевичѣ опять тоска поднялась?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то...— еще тяжелѣе вздохнула Марфа Степановна и вытерла набѣжавшія слезы.

— Что же вы думаете, милая?

— Не знаю что и думать, — развела руками Марфа Степановна и на минуту задумалась.

— Вы не пробовали говорить съ ней?

— Пробовала не разъ. Только начну, а она мнѣ: оставь, молчи... замахаетъ рукой, сдвинетъ брови и ни слова отъ нея не добьешься. Замкнулась въ себя и какъ будто всю любовь и дружбу ко мнѣ позабыла. О любви къ Анатолію Васильевичу, вѣдь, я первая отъ нее узнала, да и не то еще довѣряла мнѣ.

— Я очень поражена всемъ, что вы мнѣ говорите, потому что, признаться, ровно ничего не замѣтила. По моему, тетя какая была, такая и есть.

— Это она на людяхъ только.

— Подождите, да я три дня тому назадъ звонила къ ней, хотѣла вечеромъ пріѣхать, а она отвѣтила, что ѣдетъ съ кѣмъ то ужинать въ ресторанъ. Значитъ не такъ ужъ плохо.

— А вы считаете, что это хорошо, что ужинать ѣдетъ? Слишкомъ часто стала ѣздить. Просто скажу вамъ, дорогая, кутить начала. Не Богъ вѣсть какіе у насъ капиталы въ банкѣ. Доходовъ то не имѣемъ; коли такъ долго продолжать будемъ, — не много останется. Сами знаете ея натуру: ничего не дѣлаетъ вполовину, а рестораны теперь большихъ денегъ стоятъ; за себя платить не позволяетъ. Да и помимо ресторановъ, стала очень небережлива. Кто не прійдетъ изъ

бѣдныхъ эмигрантовъ или съ подписными листами, — по сто марокъ безъ разбора велитъ дать. Прямо, говорю вамъ, нервность какая то, душевное безпокойство. Сегодня утромъ, какъ ни пудрится, а я вижу, что глаза наплаканы.

— Господи, какъ это не похоже на тетю! Что же дѣлать, Марфа Степановна, какъ вы думаете?

— Ничего придумать не могу. — Марфа Степановна помолчала и вздохнула: — по моимъ догадкамъ, такъ тутъ ничего больше, какъ несчастная любовь.

— У тети несчастная любовь?! У такой красавицы!

— Ахъ, Анна Кирилловна, и красавицы отъ любви страдаютъ; всяко бываетъ.

— Ну, если это любовь, такъ неужели вы ничего не замѣтили? Кто за послѣднее время у нея больше бывалъ?

— Да все тѣже. Вотъ еще Вишневъ Андрей Андреевичъ, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ.

— Марфа Степановна, не онъ ли?—что-то соображая, спросила Анна.

— Не можетъ этого быть. Во первыхъ, стоитъ ей позвонить къ нему, сейчасъ пріѣдетъ, ужинать часто вмѣстѣ ѣздятъ, а кромѣ того, вѣдь въ послѣдніе годы онъ въ Петербургѣ еще при Анатоліи Васильевичѣ у нея бывалъ. Нѣтъ, это не то... тутъ другое — Марфа Степановна помолчала. — А ваши какъ дѣла сердечныя, Анна Кирилловна? Господинъ Поляновъ не собирается въ Берлинъ?

— Нѣтъ, ничего не пишетъ.

— Вы, кажется, къ нему остыли уже? Жаль, если такъ. Онъ очень симпатичный господинъ.

— Онъ и теперь мнѣ нравится, но, такъ долго не видясь и не зная когда встрѣтимся, конечно...

— Это вѣрно: письма — не встрѣча. Я думала, что ужъ не Вишневъ ли вамъ теперь нравится.

— Это откуда у васъ такое наблюденіе? — разсмѣялась Анна, всегда удивлявшаяся тонкой наблюдательности Марфы Степановны.

— Такъ показалось мнѣ за послѣдніе разы, какъ васъ съ нимъ видѣла. Онъ то большой любитель женщинъ, это помню и Анатолій Васильевичъ еще говорилъ.

— Онъ нравится мнѣ, это вѣрно, только это не серьезно: такъ, отъ бездѣлья, оттого, что безъ театра сижу.

— Да ужъ вамъ сидѣть безъ сцены, это что голодному безъ хлѣба. Екатерина Никитишна и то на дняхъ тужила объ васъ: училась, училась, говоритъ, достигла желаемаго, публика цѣнила и любила, и вдругъ все развалилось и играть стало негдѣ. Правда вѣдь обидно.

— Да, очень больно. — Анна подавила вздохъ.

— Павла Александровича не видѣли? — спросила Марфа Стефановна.

— Павлика? Третьяго дня видѣла. Заходилъ ко мнѣ. А что?

— Ничего, я такъ спросила.

— Если бы вы не сказали мнѣ, что съ тетей что то происходитъ, я бы непремѣнно ей по секрету сооб-

щила, что Павликъ сталъ слишкомъ много кутить. Пусть бы повліяла на него.

— Нѣтъ — нѣтъ, ужъ вы лучше ничего не говорите, — заволновалась Марфа Степановна. — Сами ему скажите, а Екатеринѣ Никитишнѣ и не намекайте, не надо; еще, пожалуй, масла въ огонь подольете. Ее бы развлечь чѣмъ нибудь, развеселить.

— Я ей посовѣтую куда нибудь поѣхать: въ Тироль, въ Баварію.

— Я говорила; и слушать не хочетъ. Никуда не поѣдетъ.

— Ну, хорошо. Я подговорю компанію, и поѣдемъ куда нибудь по близости дня на два, подышать и погулять въ лѣсу. Можетъ быть развлечется.

— Попробуйте. Увидите Павла Александровича, такъ и его подбейте.

— Конечно, да вы его навѣрно раньше меня увидите. Вѣдь онъ у тети каждый день бываетъ.

— Не очень то каждый день, — покачала головой Марфа Степановна.

— Какое безобразіе! Какъ ему не стыдно! Вѣдь онъ же знаетъ, что тетя любитъ, когда онъ забѣгаетъ къ ней. Я вамъ говорю, что онъ кутитъ. Вы предполагаете, что у тети несчастная любовь, въ чемъ я сомнѣваюсь, а вотъ у Павлика такъ навѣрное какая то любовная драма.

— Почему вы думаете? — Марфа Степановна пытливо посмотрѣла на Анну.

— Я какъ то стала къ нему приставать, и онъ слишкомъ отмалчивался, а къ тому же еще и кутитъ, — это ясно.

— Не проговорится, молчать умѣетъ. Хорошій онъ! Какимъ мальчикомъ былъ, такимъ и остался: ласковый, простой, душа хорошая. Жаль мнѣ его, Анна Кирилловна. Вѣдь вся жизнь исковеркана въ самые лучшіе годы. Какое будущее? Гдѣ оно это будущее — безъ Россіи, безъ своего угла, безъ всякой карьеры?!

— Всѣмъ худо, Марфа Степановна. Надо бодриться...

— Ну, я пойду. Когда же вы къ намъ? — поднялась Марфа Степановна.

— Я сегодня навѣрно пріѣду и Павлику позвоню, чтобъ пришелъ. Кое кого увижу, подговорю на поѣздку, пока стоитъ такая чудесная погода.

— Вотъ — вотъ, подговорите, устройте. Можетъ быть и развлечется немного. — Марфа Степановна ушла.

Анна весь день думала о теткѣ. Она не сомнѣвалась въ словахъ Марфы Степановны, такъ какъ знала, что ея чуткая любовь къ Екатеринѣ Никитишнѣ была безошибочно прозорлива. Анна мысленно перебирала всѣхъ людей, бывавшихъ у нея, и не могла додуматься, на комъ изъ нихъ могла тетка остановить вниманіе своего сердца. Чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше недоумѣвала.

Вечеромъ, поднявшись по лѣстницѣ пансіона, въ которомъ жила Екатерина Никитишна, Анна у дверей корридора увидѣла Марфу Степановну.

— А я дожидаюсь васъ: хочу два слова сказать. Павелъ Александровичъ у насъ. Вы, какъ войдете, такъ виду не покажите, что замѣтили что нибудь. Объясненіе происходитъ. И онъ, и Екатерина Никитишна очень

разстроены. Вы войдите и сразу о чемъ-нибудь заговорите.

Лицо у Марфы Степановны было очень взволновано, и голосъ дрожалъ.

— Изъ за чего объясненіе? Вы не знаете? — спросила Анна.

— Ахъ, ужъ не знаю, не знаю, — замахала рукой Марфа Степановна.

— Вы слишкомъ волнуетесь, Марфа Степановна. Можетъ быть тетя узнала что нибудь... — Анна не докончила, такъ какъ предположеніе о возможномъ вмѣшательствѣ тетки въ жизнь Павлика въ ту же секунду само собой отпало: Анна знала, что Екатерина Никитишна ни при какихъ обстоятельствахъ не позволяла себѣ вмѣшиваться въ личную жизнь хотя бы самыхъ близкихъ ей людей.

— Постойте тутъ еще немного, а то пройдемте въ мою комнату, будто у васъ что оборвалось. Пусть они тамъ поговорятъ и успокоятся. — Марфа Степановна открыла дверь въ свою комнату и безшумно заперла ее.

— Я говорила относительно поѣздки, — шепотомъ заговорила Анна, снимая шляпу. — Набирается уже шесть человѣкъ. Можно будетъ и переночевать. Прелестное, говорятъ, мѣсто, чудный лѣсъ и отельчикъ хорошій.

— Вотъ вы сразу про все это и заговорите. Ахъ, да вотъ еще забыла: если Павелъ Александровичъ станетъ отказываться отъ поѣздки, такъ вы уговорите его, а то я знаю, что ей непріятно будетъ. Вотъ сейчасъ это объясненіе произошло, и она подумаетъ, что онъ разсердился. — Марфа Степановна волновалась, под-

бирая слова. Черезъ нѣсколько минутъ она пріоткрыла дверь и прислушалась:

— Теперь идите. Я сейчасъ чай подамъ.

Анна постучала въ дверь теткиной гостинной и затѣмъ вошла. Екатерина Никитишна сидѣла въ креслѣ. На колѣняхъ, на черномъ шелкѣ платья были опущены руки. Пальцами одной руки она перебирала кольца на другой. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго. Подъ глазами Анна сразу замѣтила синеватыя тѣни, сильно увеличивавшія ея большіе, продолговатые глаза. Въ лицѣ ея Анна не прочла ни тоски, ни волненія. Оно было, какъ всегда, прекрасно и спокойно.

— Анна, — ты? А я собиралась звонить къ тебѣ. Здравствуй, дружокъ, — она улыбнулась Аннѣ и перевела взглядъ на Павлика:

— Посмотри на Павлика: какое у него недовольное лицо. Онъ за послѣднее время все ссорится со мной.

Павликъ промолчалъ. Въ его лицѣ была какая то напряженность. Не подымая глазъ, онъ закурилъ папиросу и, стоя на порогѣ открытаго на улицу балкона, курилъ. Анна принялась излагать проэктъ поѣздки. Екатерина Никитишна сразу согласилась и охотно начала обсуждать хозяйственныя подробности.

— Вы свободны, Павликъ, послѣ завтра? Это для всѣхъ будетъ наиболѣе удобный день, — обратилась къ нему Анна.

— Н-не знаю. Я не увѣренъ, смогу ли поѣхать.

Екатерина Никитишна встала и, подойдя къ шифоньеркѣ, что то искала въ ней, низко склонивъ лицо.

— Нѣтъ ужъ, Павликъ, вы, пожалуйста, не раз-

страивайте веселой компаніи. Если ѣхать, такъ ужъ всѣмъ вмѣстѣ. Если вы будете фокусничать, мы поссоримся. Вы были всегда такимъ покладистымъ, а теперь выдумали капризничать. Это не въ вашемъ стилѣ. — проговорила Анна.

— Я не зналъ, что у меня есть стиль, — усмѣхнулся Павликъ. — Во всякомъ случаѣ, я, конечно, съ удовольствіемъ поѣду, если мнѣ ничто не помѣшаетъ.

— Павликъ, это не любезно, — отозвалась Екатерина Никитишна, не поворачивая головы и продолжая стоять у шифоньера.

— Павликъ, вы непремѣнно поѣдете послѣзавтра; не капризничайте.

— Извольте, я поѣду, — флегматично отозвался онъ, продолжая курить.

Екатерина Никитишна вернулась къ своему креслу.

— Въ такомъ случаѣ, Павликъ, возьми на себя заботу о винѣ. Ты это сдѣлаешь лучше, чѣмъ Марфа Степановна. Коньякъ обязательно, водка, остального вина чтобы было достаточно и, конечно, хорошаго. Марфа Степановна позаботится о закускахъ и всемъ остальномъ. Ты хорошо это придумала, Анна: немного освѣжимся, погуляемъ въ лѣсу.

— Ночуемъ тамъ же, тетя. Есть премилый отельчикъ съ заломъ и роялемъ. Тамъ же будемъ ужинать. Пожалуйста, Павликъ, пригласите вашего друга Шебарева: можно будетъ помузицировать. Правда, тетя?

— Разумѣется. Я очень люблю Шебарева; онъ талантливый и милый человѣкъ.

— Я передамъ ему. Онъ вѣроятно поѣдетъ съ удовольствіемъ. — Говоря это, Павликъ затушилъ па-

пиросу, прошелъ къ столу, за которымъ сидѣла Екатерина Никитишна и взялся за шляпу.

— Ты уже уходишь? — подняла она на него глаза. — Останься: сейчасъ Марфа Степановна дастъ чай.

Павликъ молча отложилъ шляпу и сѣлъ подлѣ стола. Екатерина Никитишна вышла изъ комнаты распорядиться насчетъ чая.

— Что съ вами, Павликъ? У васъ странное лицо.

— Вѣроятно, хотя мнѣ кажется, что у меня достаточно самообладанія.

— Значитъ, histoire de femme продолжается? — усмѣхнулась Анна.

Павликъ молча, подтверждая, медленно нагнулъ голову.

— Вы страдаете? — продолжая усмѣхаться, допрашивала Анна.

— Да, я начинаю страдать, — громко, тяжело вздохнулъ онъ.

— Будете стрѣляться? Или отравитесь? — Анна, перелистывая иллюстрированный журналъ, поддразнивая, изподлобья взглянула на Павлика.

— Отравиться — нѣтъ. А застрѣлиться?... Не знаю, можетъ быть и смогу.

— Вы же мнѣ не такъ давно говорили, что вамъ неприсущи любовныя переживанія и страданія.

— Подтверждаю это и теперь.

— И все таки отъ любви страдаете?

— Я не говорилъ, что страдаю отъ любви... Оставимте это, Анни.

— Знаете, Павликъ: вы напрасно скрытничаете. Вамъ было бы легче, если бы вы подѣлились со мной.

Вѣдь мы всегда были съ вами откровенны. Впрочемъ, какъ знаете!

— Не сердитесь, Анни, я не могу. Если я смогу, то подѣлюсь только съ вами.

Наступило минутное молчаніе.

— Сегодня Марфа Степановна у меня была. Она очень озабочена здоровьемъ тети. Говоритъ, что съ тетей что-то случилось. Я ничего не замѣчаю. Впрочемъ, сегодня она, дѣйствительно, блѣдна.

— Да, Екатеріна Никитишна измѣнилась; я это замѣчаю...

— Вотъ чай, а вотъ и еще новый гость. — Вслѣдъ за Екатериной Никитишной входилъ Вишневъ и Марфа Степановна съ большимъ подносомъ, сервированнымъ для чая.

VII.

— Я никакъ не предполагалъ, что тутъ такъ красиво, — говорилъ Павликъ, бросая на траву свою шляпу и тутъ же садясь рядомъ съ Вишневымъ, который, устало протянувъ длинныя ноги, полулежалъ подъ гигантскимъ букомъ. Съ удовольствіемъ затягиваясь дымомъ папиросы, онъ наблюдалъ за Марфой Степановной, хлопотавшей съ приготовленіями къ ѣдѣ. Послѣ долгихъ прогулокъ и осмотровъ парковъ, хотѣлось ѣсть. Чудесная прогалина въ густомъ лѣсу, пронизанная по стволамъ деревъ теплыми, алѣющими полосами солнечныхъ лучей, была прохладна и было хорошо

полулежать на густой травѣ, подъ зелеными сводами мощныхъ буковъ и дубовъ, дышать пьянящимъ запахомъ разогрѣтой земли, смѣшаннымъ съ запахомъ сосны. Хорошо было смотрѣть въ синюю глубь неба, гдѣ плыли и таяли легкія облака.

На разостланной на травѣ скатерти, Марфа Степановна разставляла картонныя тарелочки съ бутербродами, коробки съ сардинками, холодную телятину, сыръ, торты, откупоривала бутылки съ виномъ, доставала изъ корзинки рюмки.

Изъ за деревьевъ показалась Екатерина Никитишна и Снѣгиревъ.

— Боже, какъ я ѣсть хочу! Марфа Степановна, готово? — Лицо Екатерины Никитишны было оживлено. глаза ясны, вся она казалась еще царственнѣе и прекраснѣе на фонѣ лѣтнихъ яркихъ красокъ лѣса.

— Красавица! — указывая на нее глазами, произнесъ Вишневъ.

— Да ужъ, хоть картину съ нее пиши, — отозвался Владиміръ Николаевичъ Шустровъ, живой, веселый бѣлогвардейскій офицеръ, нескладывавшій оружія съ начала войны вплоть до паденія Врангеля. Онъ, несмотря на шутки и смѣхъ, неустанно томился болью и страданіемъ по Россіи и ждалъ съ вѣрой и надеждой дня, когда нога его вступитъ на родную землю, хотя бы для этого надо было умереть. За время партизанской войны онъ посѣдѣлъ, хотя говорилъ, что «посѣдѣлъ на женщинахъ». Женщинъ онъ любилъ пылко, безъ драмъ и безо всякихъ осложненій. Выходило это у него само собой, и женщины, какъ бы отражая его чувства, любили его тоже безъ осложненій и драмъ.

— Все готово, пожалуйте, — пригласила Марфа Степановна.

— А гдѣ же Анни и Евгенія Павловна?

— Только что голоса ихъ слышали: увлеклись бѣлочкой. — Вишневъ поднялся и, въ видѣ рупора, приложивъ обѣ ладони ко рту, громко позвалъ:

— Анна Кирилловна!... Евгенія Павловна!...

— Что вы такъ кричите? Мы тутъ, — раздался совсѣмъ близко смѣхъ Анны. Она вышла изъ гущины лѣса вмѣстѣ съ Евгеніей Павловной Шварцъ, шатенкой въ черномъ гладкомъ платьѣ, съ узкой таліей на широкихъ бедрахъ, пышнымъ бюстомъ и маленькой, на проборъ причесанной головой. Мягкимъ блескомъ свѣтящіеся глаза, опушонные густыми рѣсницами, нѣжный переливающійся румянецъ, яркій ротъ, тихій голосъ и вкрадчивая женственность дѣлали ее интересной. Она была замужемъ за обрусѣвшимъ нѣмцемъ, пропавшимъ безъ вѣсти гдѣ-то въ Сибири со времени объявленія войны.

Она оставалась неутѣшной, тая въ сердцѣ надежду, что можетъ быть ея мужъ живъ, и они опять когда нибудь соединятся. Вишневъ, любившій открывать въ женщинахъ какія нибудь особенности, интересовался ею, стараясь проникнуть во что-то неуловимое — непонятное, что чувствовалось въ ней.

— Анни, Евгенія Павловна, идите скорѣе. Неужели вы не проголодались? — Въ голосѣ и движеніяхъ Екатерины Никитишны чувствовалась нервная напряженность. Бросивъ на траву, подлѣ разосланной скатерти, свое пальто, она стала на колѣни и, принимая изъ

рукъ Марфы Степановны, нарѣзанный сыръ, стала готовить бутерброды, намазывая булку масломъ.

— Господа,я никого не угощаю. Каждый тутъ хозяинъ Всего много и можно кушать, не стѣсняясь. Ну, что же вы, Евгенія Павловна, не садитесь?

— Благодарствуйте, я успѣю. — Евгенія Павловна, съ присущей ей застѣнчивой манерой, медлила присоединиться къ разсаживавшейся на травѣ вокругъ скатерти небольшой компаніи.

— Вотъ вамъ мѣсто, не угодно ли. — Вишневъ лежа на травѣ и прожевывая кусокъ булки съ ветчиной, протянулъ ей руку. Она улыбнулась, оперлась на его руку, стала на колѣни, провела ладонью по гладкимъ волосамъ, обтянула юбку и тогда сѣла, протянувъ вбокъ небольшія, обутыя въ черныя туфли, ноги.

— Какъ жарко! — вздохнула она и опять улыбнулась милой мягкой улыбкой.

— Что прикажете передать вамъ?

— Вина. Я такъ пить хочу.

— Какія вы тутъ всѣ пьяницы: прямо съ вина начинаете, — отозвалась Анна, полулежавшая по другой сторонѣ Вишнева.

— Такъ и слѣдуетъ. Вотъ я и вамъ наливаю. — Вишневъ наполнилъ стоявшій подлѣ Анны стаканъ.

— Вотъ вы, Евгенія Павловна, полѣнились свернуть съ дороги и не видѣли настоящаго тріумфа Павла Александровича. Онъ всю публику поразилъ въ тирѣ: десять пуль подрядъ всадилъ въ цѣль. Не желалъ бы я драться съ вами на дуэли, — обратился Вишневъ къ Павлику.

— Да, онъ бьетъ безъ промаха, — отозвался Шебаревъ, сосредоточенно отправляя въ ротъ одинъ бутербродъ за другимъ и обильно запивая виномъ. Онъ могъ очень много ѣсть и не пропускалъ удобнаго случая доставить себѣ это наслажденіе. Эта прозаическая сторона его организма тѣсно сплеталась съ творческими настроеніями его фантазіи. Сидя на травѣ такъ, что сквозь листву на него падали лучи солнца, слѣпившіе ему глаза и переливавшіеся бликами по гладко зачесаннымъ волосамъ, онъ, видимо, всѣмъ существомъ наслаждался горячими лучами этого солнца и ароматомъ лѣса, и вкусной ѣдой, и хорошимъ крѣпкимъ въ обиліи поданнымъ виномъ. Екатерина Никитишна на пледѣ рядомъ съ нимъ, молча одобрительно каждый разъ кивала головой, когда онъ наполнялъ виномъ ея и свой стаканъ. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на его крупное загорѣлое лицо съ большимъ чувственнымъ ртомъ, выражавшимъ спокойную уравновѣшенность сильной натуры.

— Павликъ, почему твой стаканъ пустъ? — передавая въ его сторону бутылку, обратились Екатерина Никитишна.

— Боюсь напиться, — улыбнулся онъ скользящей слабой улыбкой.

— Вотъ глупости еще выдумалъ! Мы собрались сюда для веселья, а не для церемоній.

— Павликъ церемонится пить?.. — Шебаревъ разразился обычнымъ раскатистымъ, заразительнымъ и звонкимъ хохотомъ. — Это новости для меня. Передъ кѣмъ это ты, Павликъ, кокетничаешь? А? Ужъ не пе-

редо мной ли?—И опять, и опять Шебаревъ раскатился вкуснымъ хохотомъ.

Понемногу вино оказывало на всѣхъ свое дѣйствіе. Настроеніе наростало, живѣй становились рѣчи, звонче смѣхъ, смѣлѣе шутки, глаза начинали блестѣть влажнымъ вызывающимъ блескомъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, Евгенія Павловна. Вѣдь я же догадаюсь... — совсѣмъ близко наклоняясь къ разгорѣвшемуся, смущенно улыбавшемуся лицу своей сосѣдки, настаивалъ на чемъ то Вишневъ.

— Нечего говорить, потому что ничего нѣтъ, — тихимъ ласковымъ голосомъ, вскидывая на него застѣнчивый улыбающійся взглядъ, отвѣчала Шварцъ. Ея глаза сильно блестѣли, она была замѣтно возбуждена, хотя пила немного.

— Вѣдь я знаю, почему у васъ такъ блестятъ глаза.

— Почему? Скажите, если знаете.

— Вы нюхаете кокаинъ. Я правъ?

Шварцъ вмѣсто отвѣта вздохнула.

— Я нахожу, что вино все таки доставляетъ большее удовольствіе, чѣмъ вашъ кокаинъ. Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Ахъ, не все ли равно? Лишь бы уйти отъ жизни. Только кокаинъ спасаетъ меня, иначе, мнѣ кажется, я отравилась бы или повѣсилась. Живу черезъ силу, ничего не интересуетъ, никто не тянетъ.

— Неужели васъ никто до сихъ поръ не увлекъ? Я не вѣрю.

Евгенія Павловна печально покачала головой:

— Я не лгу. Зачѣмъ лгать? Мнѣ и самой было бы легче забыться, полюбивъ хоть на время. Но нѣтъ, не

могу. Тоскую за нимъ, вижу его тамъ, гдѣ-то далеко, одинокаго, несчастнаго и не нахожу мѣста. Вѣдь, мы очень любили другъ друга.

— А вотъ нюхаете кокаинъ, состаритесь раньше времени.

— Ну и пусть, пусть! Оставьте, не говорите. — Шварцъ болѣзненно поморщилась. — Я для того и нюхаю кокаинъ, чтобы ни о чемъ не думать, а вы напоминаете.

— Тетя, ради Бога не надо! — Внезапно раздался испуганный возгласъ Анны.

— Павелъ Александровичъ, вы съ ума сошли?! — вскакивая съ мѣста, въ одинъ голосъ съ Анной, воскликнулъ Шустровъ и кинулся къ стоявшей въ отдаленіи Екатеринѣ Никитишнѣ, Павлику и рядомъ съ ними Шебареву.

— Пожалуйста, оставьте, Владиміръ Николаевичъ. Идите на ваше мѣсто и не мѣшайте, — строго произнесла Екатерина Никитишна. Она стояла подлѣ дерева, протянувъ къ нему руку и опираясь ладонью о теплый, покрытый солнечнымъ лучемъ, стволъ. На ея волосахъ лежалъ букетикъ фіалокъ. Павликъ, напротивъ нея, шагахъ въ двадцати, твердой рукой прицѣливался изъ револьвера въ этотъ букетъ фіалокъ. Шебаревъ, стоя позади Павлика, напряженно смотрѣлъ, слѣдя за его медленно поднимавшейся рукой.

— Это безуміе, тетя! — подбѣжала Анна и стала между нею и Павликомъ.

— Уйди, Анна. Я не ребенокъ. Павликъ стрѣляетъ безъ промаха. — Екатерина Никитишна сдвинула брови,

и лицо ея стало строго. Она была блѣдна, но голосъ звучалъ рѣшительно.

— Что за шутки! Какъ вамъ не стыдно, Павелъ Александровичъ! — весь закипая внезапнымъ гнѣвомъ, возбужденно жестикулируя, кричалъ Шустровъ. — Можно стрѣлять безъ промаха, и все таки не попасть въ цѣль. Если вы пьяны, то васъ надо связать. Къ тому же вы отлично знаете, что стрѣлять запрещено. Вы слышите?!

— Господинъ Шустровъ, я прошу васъ отойти и не кричать мнѣ подъ руку. — Павликъ медленно повернулъ въ сторону Шустрова спокойное лицо и пристально посмотрѣлъ на него большими, вдругъ сдѣлавшимися точно сталь, холодными глазами. — За свои поступки отвѣчаю я самъ. Прошу отойти и не мѣшать, а то можетъ произойти несчастіе.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Забава полоумнаго. — Круто поворачиваясь, воскликнулъ Шустровъ.

— Павликъ, я жду. Господа, не мѣшайте. Это мое желаніе, я заставила Павлика, — отстраняя лѣвой рукой стоявшую подлѣ Анну, произнесла Екатерина Никитишна и подняла глаза, уставившись прямо въ дуло направленнаго въ ея голову браунинга.

Анна схватилась за голову и побѣжала прочь. Шустровъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ и широко разставивъ крѣпкія, мускулистыя ноги, гнѣвно кусая губы, весь какъ бы застылъ. Взглядъ его острыхъ охотничьихъ глазъ перебѣгалъ съ дула револьвера на букетикъ фіалокъ и на совершенно поблѣднѣвшее, прекрасное, ставшее строгимъ, лицо Екатерины Никитишны. Шебаревъ съ открытымъ ртомъ, съ замѣтно дро-

жавшей челюстью, застылъ въ напряженномъ и жуткомъ ожиданіи.

Солнечный лучъ, скользя по стволу дерева, озарялъ верхнюю часть лица Екатерины Никитишны, начиная отъ лба. Черные волосы, пронизанные солнцемъ, отливали бронзой, и было великолѣпно ихъ сочетаніе съ фіолетовымъ тономъ фіалокъ подлѣ серебристой пряди.

Павликъ, слегка прищуривъ правый глазъ, плавно приподнялъ дуло, секунду задержалъ и нажалъ на спускъ. Раздался яркій, гулко отозвавшійся въ лѣсной чащѣ, выстрѣлъ. Екатерина Никитишна пошатнулась и крѣпче оперлась ладонью о стволъ. Всѣ бросились къ ней. Букетикъ былъ сбитъ съ ея головы. Странная улыбка нервно кривила ея губы:

— Я нахожу, что онъ слишкомъ хорошо стрѣляетъ, — проговорила она дрожащимъ голосомъ и, какъ бы теряя силы, оперлась спиной о стволъ дерева.

— Тебѣ дурно, тетя? Дайте вина поскорѣе, — обнимая тетку, блѣдная и взволнованная, говорила Анна.

— Ну, а если бы вы вмѣсто фіалокъ, да попали бы въ лобъ? Что тогда?! — Раздраженно крикнулъ Шустровъ.

— Тогда вторую пулю пустилъ бы въ собственный лобъ, — флегматично отвѣтилъ Павликъ, запрятывая револьверъ въ карманъ брюкъ. Въ лицѣ его что то дрожало. Онъ отошелъ къ мѣсту, гдѣ была разостлана скатерть, налилъ полный стаканъ вина и выпилъ залпомъ.

Марфа Степановна трясущимися руками собирала стаканы и оставшуюся провизію въ корзину.

— Перекреститесь, Павелъ Александровичъ, что Господь спасъ, — шопотомъ произнесла она.

— Да, вѣдь, вы же знаете, Марфа Степановна, что я стрѣляю безъ промаха, — пожалъ онъ въ отвѣтъ плечами.

— Многое я знаю, хоть и молчу... — многозначительно проговорила она. Павликъ скосилъ въ ея сторону глаза, хотѣлъ что-то сказать ,но промолчалъ.

Понемногу всѣ пришли въ себя, но нервы были натянуты, и прежнее веселое настроеніе не возвращалось. Екатерина Никитишна сдѣлалась молчалива. Она взяла подъ руку Вишнева и пошла съ нимъ впередъ по дорогѣ, ведущей къ шоссе, по которому лежалъ обратный путь къ маленькому отельчику, гдѣ были сняты комнаты до слѣдующаго дня. Вскорѣ всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и направились вслѣдъ за ними.

— Я никогда не думала, что Павликъ способенъ на такую опасную и безсмысленную шалость, — говорила Анна, идя подъ руку съ Шустровымъ.

— Да, вѣдь, это не онъ затѣялъ, — отозвался шедшій впереди нихъ Шебаревъ. — Это все придумала Екатерина Никитишна и такъ взвинтила Павлика, что его и винить особенно нельзя.

— Успокойтесь, милая Анни, — неожиданно раздался голосъ Павлика, появившагося сбоку изъ за лѣса. — Екатерина Никитишна и я рисковали одинаково, и, я думаю, она это отлично понимала.

Къ вечеру, вся компанія ,отдохнувшая послѣ прогулокъ и пикника въ лѣсу, снова соединилась въ обширномъ залѣ маленькаго отеля, выходившаго большой стеклянной дверью прямо въ садъ по тремъ ступенямъ

крытой террасы. Въ залѣ была зажжена люстра, и Марфа Степановна опять разставляла вмѣсто съ хозяиномъ отельчика вина, закуски, ягоды и букеты алыхъ и бѣлыхъ гвоздикъ. Хотя ужинъ былъ заказанъ на общихъ началахъ, однако Екатерина Никитишна любившая выполнять свои затѣи на широкую, для даннаго времени слишкомъ размашистую, ногу, велѣла Марфѣ Степановнѣ всѣ вина и закуски занести на ея счетъ. Марфа Степановна негодовала, но возражать не рѣшалась, такъ какъ за послѣднее время ея госпожа не терпѣла возраженій и все сильнѣе и сильнѣе проявляла свою волю.

Всѣ отдохнули и опять были веселы. Сцена въ лѣсу, непріятно ударившая по нервамъ, оставила впечатлѣніе остроты и новаго интереса къ личностямъ Павлика и Екатерины Никитишны.

Шварцъ оставалась въ томъ же скромномъ, узкооблегавшемъ широкія бедра, черномъ платьѣ. Анна была въ бѣломъ крэпъ-де-шиновомъ совершенно гладкомъ, съ глубокимъ вырѣзомъ на спинѣ и груди, перехваченномъ по таліи желтой лентой съ такими же розами. Густые рыжіе волоса тяжелымъ узломъ были подколоты на затылкѣ, оттѣняя нѣжную бѣлизну шеи. Екатерина Никитишна была великолѣпна въ блѣдно сиреневомъ туалетѣ, съ бахромой ниже бедеръ, съ большимъ букетомъ фіалокъ на груди вырѣзаннаго лифа. Лицо ея было ясно, гладкій лобъ — безъ морщинки, глаза свѣтились и улыбались. Все было гармонично и притягательно въ ней самой въ каждомъ ея движеніи, въ звукѣ низкаго голоса. Взгляды всѣхъ то и дѣло обращались въ ея сторону. Павликъ, какъ

и всегда, говорившій немного, но умѣвшій пріобщаться къ общему настроенію и поддерживать его, сидѣлъ за ужиномъ рядомъ съ Анной. По другую ея руку былъ Шустровъ. Екатерина Никитишна сидѣла между Вишневымъ и Шебаревымъ, въ фантазіи котораго яркимъ огнемъ запылалъ образъ отважно стоявшей подъ дуломъ револьвера красавицы. Уже въ головѣ его слагались героическія мелодіи и бурные аккорды, рожденные картиной въ ароматномъ лѣсу, пронизанномъ по стволамъ золотомъ солнечныхъ лучей. Онъ почти не спускалъ съ нее жадныхъ глазъ, чувствуя какъ близость ея пьянитъ его воображеніе, рождая все новыя и новыя звуковыя краски.

Когда тарелки были убраны, и осталось на столѣ лишь вино и кофе, когда разговоры и смѣхъ стали громче, Шебаревъ всталъ, открылъ крышку стоявшаго у дверей террасы рояля, опустился на стулъ, закинулъ голову, на минуту закрылъ глаза и осторожно, точно издалека, дотронулся до клавишей.

— Шебаревъ, милый, какой вы умница, что сѣли къ роялю; мнѣ такъ хочется музыки, — обернулась къ нему Екатерина Никитишна, обласкавъ его взглядомъ влажныхъ, немного пьяныхъ глазъ.

Шебаревъ улыбнулся ей. Теплая волна медленно стала подыматься у него отъ груди, выше и выше, залила мозгъ, затѣмъ стремительно разлилась горячей струей по всѣмъ жиламъ. Кровь забурлила. Что-то защекотало въ горлѣ, какъ будто бы хотѣли политься теплыя слезы, и вдругъ широко раздвинулась грудь отъ громаднаго подъема. Напряглись мускулы, по нервамъ пробѣжалъ холодокъ. Шебаревъ чувствовалъ, какъ элек-

трическіе токи заструились изъ концовъ пальцевъ. Онъ глубоко вздохнулъ и ударилъ по клавишамъ. Сразу весь залъ заполнился мощными, стройными и строгими звуками.

Екатерина Никитишна прервала разговоръ съ Вишневымъ и повела бровями, стараясь скрыть охватившее ее волненіе. Остановивъ минутный взглядъ на Шебаревѣ, она перевела его на Павлика: онъ сидѣлъ слегка отодвинувшись отъ стола и, небрежно бросивъ руку на спинку стула Анны, о чемъ-то задумавшись, пристально смотрѣлъ на недопитое вино въ рюмкѣ, въ которой искрился свѣтъ электрической люстры. Анна перехватила взглядъ тетки, улыбнулась ей и дотронулась рукой до плеча Павлика.

— О чемъ вы задумались Павликъ? — тихо спросила она, въ то же время жадно вбирая въ себя льющіеся звуки.

Павликъ обернулъ къ ней лицо, на которомъ возбужденіе отъ выпитаго вина выражалось легкой блѣдностью и бóльшей яркостью губъ.

— Отгадайте, — безъ улыбки проговорилъ онъ.

— Это немного трудно. О женщинѣ?

— Больше чѣмъ о женщинѣ.

— Значитъ, о нѣсколькихъ?

— О двухъ.

— И что же?

— Не спрашивайте... не надо. — Онъ наклонился къ ея уху: — боюсь, что я не сумѣю молчать и когда-нибудь повѣдаю вамъ мою тайну. — Аннѣ показалось, что голосъ его дрожалъ. Она въ упоръ посмотрѣла ему

въ глаза: въ нихъ мелькнуло что-то похожее на щемящую тоску.

— Какъ бы я хотѣла помочь вамъ, Павликъ, — задушевно произнесла она.

— Если бы я былъ увѣренъ, что вы это можете, я бы сказалъ, но... не знаю, не знаю!.. Ну, не надо объ этомъ. Лучше о васъ. Скажите мнѣ что-нибудь о себѣ.

— Хорошо, спрашивайте.

— Помните, вы въ минуту откровенности говорили о Поляновѣ; вы были влюблены въ него, помните?

— Да, помню.

— Вы видѣлись съ нимъ послѣ этого?

— Нѣтъ.

— Но вы переписываетесь съ нимъ?

— Да, конечно.

— Значитъ ваше сердце...

— Да, Павликъ, по прежнему. Впрочемъ, это очень сложно.

— Мнѣ кажется, Анни, что разлука охлаждаетъ любовь.

— Я тоже такъ думала, а между тѣмъ мои чувства къ этому далекому человѣку какъ будто все болѣе и болѣе утончаются. Мои мысли всегда съ нимъ.

— И вы неспособны никѣмъ другимъ увлечься?

— Я не знаю, я не думала объ этомъ.

— А я думаю, что этотъ вашъ романъ на разстояніи — одна ваша фантазія. Я смотрю на вещи трезво. Въ чувствахъ нельзя идти полупутями.

— Да, вѣдь, вы же недавно мнѣ говорили, что никакихъ чувствъ не признаете, кромѣ самыхъ элементарныхъ.

— Знаете что, милая Анни: сейчасъ я, кажется, немножко пьянъ, а потому и буду съ вами немножко откровененъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами говорили на эту тему, со мной произошла перемѣна: первый разъ въ жизни я испытываю нѣчто очень сложное. Я не рѣшаюсь еще найти этому чувству названіе, но мнѣ кажется, что оно начинаетъ принимать форму того чувства, которое я до сихъ поръ отрицалъ, потому что самъ не испытывалъ.

— Я очень рада, Павликъ.

— Напрасно. Благодаря этому я переживаю вдвойнѣ сложную драму.

— И чуть было ни увеличили ее сегодняшнимъ безразсуднымъ поступкомъ, — съ укоризной покачала головой Анна.

— Это вы все про револьверъ? — Павликъ, весь насторожившись, посмотрѣлъ на Анну.

— Конечно. Подумайте, что было бы, если бы ваша рука дрогнула.

— Было бы лучше... — вздохнулъ онъ. Анна въ недоумѣніи посмотрѣла на него:

— Господь съ вами! Что вы говорите?

— Миша веселое! Сыграй что-нибудь веселое, прошу тебя, — неожиданно оборвалъ разговоръ Павликъ и пошелъ къ роялю.

Шебаревъ перешелъ нѣсколькими аккордами въ другой тонъ и медленно, ритмично, какъ бы заглушая и сдерживая рвущуюся силу темперамента, заигралъ «По улицѣ мостовой». Анна встала. Возбужденная, съ порозовѣвшими щеками, приподнявъ надъ головой руки и поправляя прическу, она стала вторить вполго-

лоса. Екатерина Никитишна, чему-то громко смѣясь, шумно отодвинула стулъ. Продолжая разговаривать и смѣяться, она вышла на середину зала вмѣстѣ съ Вишневымъ.

Марфа Степановна, помогавшая собирать со стола, наклонилась къ Шустрову:

— Попросите Екатерину Никитишну «Русскую» проплясать. Дивно танцуетъ.

— Да что вы?! Обязательно надо. — Онъ сорвался съ мѣста и подбѣжалъ къ Екатеринѣ Никитишнѣ:

— Ваше великолѣпіе! Челомъ бьемъ: пропляшите «Русскую». Порадуйте, напомните про матушку Русь.

— Голубушка, пожалуйста, — протянулъ къ ней обѣ руки Вишневъ.

— Извольте. Шебаревъ, голубчикъ, послѣ поклона темпъ ускорьте, а сперва медленно; слѣдите за мной. Начинайте.

Она отошла къ концу зала, повела бровями, сдѣлала легкое, мягкое движеніе плечами, протянула обѣ руки впередъ и плавно, необычайно легко для своего высокаго роста и плотной фигуры, скользя по полу, чуть чуть улыбаясь, въ ритмъ музыки прошла все пространство зала. Руки ея бѣлыя, холеныя, обнаженныя до локтя, легкими и красивыми изгибами плавали какъ крылья по мѣрѣ ускоренія темпа. Что-то загоралось, зажигалось въ глазахъ, въ каждомъ ея движеніи. Она округло приподняла надъ головой руку съ батистовымъ платкомъ, другую мягко положила на бедро, на секунду замерла въ напряженіи прерваннаго, все наростающаго, темперамента и вдругъ, точно охваченная неслыханной радостью, вся зажглась и, побѣ-

доносно, слегка приподнявъ сіяющее красотой и улыбкой лицо, легко, едва касаясь пола, выдѣлывая мелкія дробныя па, понеслась вокругъ зала.

— Браво, браво!.. Чудесно!.. Какая легкость!.. — хлопая въ ладоши въ тактъ музыки, говорили кругомъ.

— Россія... Россія... Дорогая Россія! — Протягивая руки къ танцующей, пьяно, восторженно и скорбно повторялъ Шустровъ.

Екатерина Никитишна закружилась на мѣстѣ, круто оборвала, отвѣсила низкій поклонъ и, слегка запыхавшись, положила обѣ руки на порывисто дышавшую грудь. Ее окружили, цѣловали ей руки, благодарили.

— Павликъ, дай мнѣ пить, — позвала она.

Павликъ прошелъ къ столу и взялъ ея недопитый стаканъ съ виномъ. Она пошла ему на встрѣчу. Положивъ руку ему на плечо и поднося стаканъ къ губамъ, она что-то тихо сказала. Опустивъ глаза онъ молчалъ.

— Павликъ, я жду. — Она глядѣла ему въ лицо настойчивымъ и властнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, — рѣшительно и холодно прозвучалъ отвѣтъ.

Рука, лежавшая на его плечѣ, вздрогнула, вѣки опустились, по лицу пробѣжала мгновенная судорога.

— Павликъ, я не вынесу... — прошептала она.

— Я тоже, — беззвучно и холодно отвѣтилъ онъ.

Она сняла руку съ его плеча, передала стаканъ и, съ измѣнившимся взглядомъ, какъ будто ослабѣвъ, прошла къ столу, сѣла и, протянувъ обѣ руки на скатерть,

застыла. Со стороны казалось, что она отдыхаетъ послѣ танца.

Вишневъ подошелъ и, окутывая ее любующимся и ласковымъ взглядомъ, которымъ онъ всегда смотрѣлъ на женщинъ, спросилъ, слегка наклоняясь:

— Что, устали, милая?

Екатерина Никитишна подняла на него совершенно пустой взглядъ, какъ будто она ничего не видѣла и не слышала.

— Что съ вами? — Онъ притянулъ ногой близь стоявшій стулъ, опустился на него и положилъ ей на руку свою большую, ласковую и теплую руку.

—Я.. я погибаю, Андрей Андреевичъ.... — беззвучно прошептали ея губы. Она положила голову между ладонями рукъ, облокоченныхъ о столъ.

— Что? Что такое? Ну скажите же.

— Не теперь... Да, я скажу. Мнѣ надо сказать, надо вылить тоску мою. Вы были его другомъ. Вамъ я скажу. Приходите въ мой номеръ, когда всѣ улягутся. Я буду ждать.

— Хорошо, я приду.

— Вина, вина!..

— Не надо, милая.

— Надо. Иначе я не смогу владѣть собой.

Вишневъ налилъ ей краснаго вина. Она залпомъ осушила стаканъ.

— Дайте руку, пойдемте на террасу. Скорѣе бы всѣ разошлись!.. Я устала, нервы натянуты ужасно.—Она тяжело опиралась о руку Вишнева, ея ноги подкашивались. Спустились съ террасы и по дорожкѣ повернули въ сторону отъ дома, гдѣ стояли ска-

мейки. Въ густомъ засаженномъ саду пахло смѣшаннымъ запахомъ цвѣтовъ и хвои изъ ближайшаго лѣса; было темно, и звѣзды казались въ этой темной и теплой темнотѣ еще ярче на синемъ фонѣ небесъ.

Екатерина Никитишна тяжело опустилась на скамейку, съ жестомъ бушующаго отчаянія откинула голову на сплетенныя подъ затылкомъ руки и тихо, протяжно застонала.

— Ну, что же, что съ вами, моя милая?—Вишневъ положилъ ладонь на ея колѣно.

— Ахъ, тяжко мнѣ, мой другъ. Не вынесу. Хочется плакать.

— Полно—те, вамъ ли плакать? Вѣдь вы же сильны духомъ. Помню, мнѣ разсказывалъ Анатолій съ какой поразительной стойкостью вы во время большевистскаго переворота.....

— Ахъ,—перебила она его,— то было легче и проще.

— Екатерина Никитишна, гдѣ вы?...—раздался съ террасы голосъ Шустрова, и въ тоже время изъ зала вырвался сочный раскатистый хохотъ Шебарева.

Къ двѣнадцати часамъ стали расходиться. Огонь во всемъ отелѣ былъ уже потушенъ Послѣ шумно проведеннаго дня всѣ почувствовали усталость.

— Когда все стихнетъ, приходите, я буду ждать васъ,—шепнула Екатерина Никитишна Вишневу въ ту минуту, когда онъ, прощаясь, цѣловалъ ей руку.

VIII.

Стараясь неслышно ступать по узкому деревянному корридору, гдѣ въ концѣ слабымъ синеватымъ огонькомъ блѣдно горѣлъ спущенный газовый ночникъ, Вишневъ, разглядѣвъ на двери въ углу корридора номеръ десять, осторожно пошевелилъ ручку двери.

— Войдите,—слабо отозвался голосъ изъ комнаты. Вишневъ вошелъ. Въ низкой небольшой комнатѣ съ двумя окнами, со спущенными шторами, ярко горѣла надъ столомъ висячая, подъ матовымъ колпакомъ, газовая лампа. У стѣны стоялъ большой мягкій диванъ съ двумя такими же креслами по бокамъ стола. На широкой деревянной кровати была откинута постель. Небольшой умывальникъ съ мраморной доской, шкапъ и столикъ передъ трюмо составляли всю скромную обстановку комнаты. На вѣшалкѣ висѣло снятое вечернее сиреневое шелковое платье. На стулѣ стояла раскрытой небольшая кожаная кализка. Екатерина Никитишна сидѣла на диванѣ передъ столомъ въ легкомъ блѣдно желтомъ «кимоно». Передъ ней было недописанное письмо и на тарелочкѣ — чернило въ маленькой склянкѣ. Сбоку на подносѣ бутылка коньяку и двѣ большихъ рюмки. Въ одной изъ нихъ коньякъ былъ недопитъ. При входѣ Вишнева, она отложила перо и подняла склонен-

ную голову. Лицо ея было блѣдно; только два ярко розовыхъ небольшихъ пятна подлѣ скулъ свидѣтельствовали о возбужденiи, также какъ и неестественно расширенные зрачки. Она слабо улыбнулась вошедшему и указала ему на кресло подлѣ дивана.

—А я, какъ видите, за письмо принялась. Только... ничего не выходитъ: мысли всѣ перепутались. Пишу не такъ, какъ думаю.

Вишневъ сѣлъ, придвинулъ кресло такъ, чтобы быть совсѣмъ близко къ Екатеринѣ Никитишнѣ и пытливо посмотрѣлъ на нее.

— Дайте мнѣ вашу ручку; я буду весь вниманiе. Разскажите кто обидѣлъ васъ, моя милая?

— Да, я смертельно, смертельно обижена жизнью, —вздохнула она. — Слушайте, милый Андрей Андреевичъ; вамъ я разскажу то, что, думала, умретъ со мной. Но я не могу: силы мнѣ измѣняютъ. —Она закрыла глаза и вздохнула, будто простонала. — Только вино спасаетъ меня отъ смерти. Если бы я не начала пить... да, да, я пью, по настоящему пью, запираюсь у себя въ спальнѣ и пью, — подтвердила она, замѣтивъ удивленно приподнявшiяся брови Вишнева. — Если бы я не пила, то вѣроятно или отравилась бы, или застрѣлилась.

— Да, вы кажется очень много пьете.

— И все таки не достаточно, чтобы забыться, чтобы хоть не надолго вырвать изъ души и сердца тоску. — Она отпила полъ рюмки. — Вы знаете, какъ сильно я любила Анатолiя, знаете, что я была съ нимъ вполнѣ счастлива. Когда я узнала о его смерти, я думала, что сама умру отъ горя. Меня долго точила тоска и одиночество. Я и до сихъ поръ удивляюсь, какъ у меня

достало силъ и энергіи бѣжать изъ Россіи. Все было безразлично. И вдругъ случилось нѣчто ужасное: я полюбила, и полюбила такъ, какъ никогда въ жизни. Для этого человѣка я пойду на что угодно: на смерть, на позоръ, на поруганіе. Исчезла вся прошлая жизнь съ ея любовью, съ безпредѣльно и вѣрно любимымъ другомъ. Ничего не надо, ничего не хочу и не жду... За одну ласку его, я готова отдать годы жизни, за кратковременную любовь его, я готова отдать и красоту, и всю жизнь мою...

— Онъ васъ не любитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... и никогда не полюбитъ, хотя бы я на глазахъ его лишала себя жизни. Онъ скорѣе убьетъ меня, чѣмъ отдастъ хоть одинъ поцѣлуй. У него такое странное сердце!.. Какъ могла вспыхнуть къ нему моя страстная любовь — я и сама не понимаю... Вы отгадываете кто?

— Нѣтъ, я не знаю.

— Павликъ...

Вишневъ сокрушенно покачалъ головой.

— Павликъ! Подумайте только: Павликъ!.. Я почти на двадцать лѣтъ старше его, вѣдь онъ выросъ въ моемъ домѣ, я замѣняла ему мать, я всегда любила его материнской заботливой любовью. И вдругъ... произошло это ужасное! Семь лѣтъ разлуки. Онъ пріѣхалъ сюда, и я увидѣла не робкаго мальчика, влюбленнаго въ свой морской мундиръ, а сосредоточеннаго, что-то все думающаго, совсѣмъ созрѣвшаго человѣка, съ этими странно и упорно глядящими свѣтлыми глазами. Я искала въ немъ прежняго Павлика и наталкивалась на совершенно новаго, не совсѣмъ понятнаго мнѣ человѣка. Когда онъ цѣловалъ мнѣ руки и, какъ бывало раньше, тихонько

щекой ласкался о нихъ, у меня начало что-то безпокойно волноваться въ груди. Въ его замкнутости есть что-то влекущее къ себѣ. Я не знаю, не могу понять какъ это случилось, но однажды, когда онъ, жалуясь мнѣ на свою разбитую, благодаря катастрофѣ, жизнь, тихо ласкался щекой о мою руку, я схватила его голову, прижала къ груди и стала осыпать такими поцѣлуями, что онъ все понялъ. — Екатерина Никитишна уронила голову на столъ.

— Успокойтесь, милая. Что же дальше? Какъ онъ отнесся?

— Онъ началъ избѣгать меня. Мука моя стала расти. Я не находила себѣ мѣста. Я звала его, но онъ приходилъ не иначе какъ если зналъ, что у меня кто-нибудь есть. Тогда я начала пить. Случилось, что мы оказались одни послѣ ужина, за которымъ я довольно много пила. Вино дало мнѣ храбрость, и я сказала ему все.

— Ну, ну... что же онъ?

— Онъ уставился на меня этимъ страннымъ взглядомъ, который можетъ меня съ ума свести и долго молчалъ. Потомъ поднялся и ушелъ, не сказавъ ни слова. На дняхъ я заставила его прійти ко мнѣ. Я взяла себя въ руки и говорила почти спокойно. Я просила его забыть все и помочь мнѣ пережить всю эту драму тѣмъ, что онъ по прежнему будетъ ежедневно бывать у меня. Онъ не хочетъ. Говоритъ, что все сломано... О, если бы сегодня его рука дрогнула, и пуля попала бы мнѣ въ лобъ! Какое счастье было бы для меня освободиться отъ жизни. Конечно, онъ пустилъ бы тогда пулю и въ свою голову, но для меня это было бы уже все равно.

— Бѣдная вы!

— Да, это ужасно. Онъ всегда любилъ меня нѣжной, преданной любовью. Теперь я потеряла и эту любовь. Страдаю я, страдаетъ и онъ, конечно. Выхода нѣтъ. Вы понимаете, что въ мои годы такая любовь это драма, потому что это послѣдняя любовь, и съ ней надо или скорѣе умереть, или въ мукахъ продолжать влачить жизнь. Какое счастье, что существуетъ вино. — Екатерина Никитишна потянулась за бутылкой. Вишневъ наполнилъ ей рюмку. Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Андрей Андреевичъ, что мнѣ дѣлать? Помогите мнѣ, научите, что мнѣ дѣлать?!.. Я не могу, я не въ силахъ. Вотъ вы уйдете, и опять я останусь одна съ этой мукой, опять буду, какъ звѣрь въ клѣткѣ, томиться и ходить изъ угла въ уголъ, буду плакать и молиться, буду писать ему никогда не доконченныя, никогда не отправленныя письма, буду ложиться, чтобы снова вставать и опять ходить и ходить изъ угла въ уголъ, пока не займется заря. И только вино, одно вино туманитъ мою голову и посылаетъ сонъ. А на завтра опять тоже и тоже. Опять тщетное ожиданіе его, телефонъ къ нему, и опять я одна, одна въ моей мукѣ. — Съ новымъ взрывомъ отчаянія она заломила надъ головой руки. Брови скорбно изогнулись. Изъ подъ закрытыхъ вѣкъ потекли по блѣднымъ щекамъ частыя слезы. — О, зачѣмъ такъ все измѣнилось?! Зачѣмъ я потеряла моего добраго и вѣрнаго друга?! Подлѣ него жизнь моя была такъ легка и чиста...— Рыданія прервали ея жалобы, и слезы текли все обильнѣе и обильнѣе.

— Я чувствую, что качусь куда-то внизъ, и нѣтъ уже силы, могущей остановить это паденіе. Я теряю уваженіе къ себѣ, Андрей Андреевичъ, помогите мнѣ!..

— Милая, я готовъ помочь, чѣмъ хотите. Приказывайте.

— Поговорите съ Павликомъ. Надо что-нибудь рѣшить. Такъ — невозможно дальше.

— Если вы хотите, я поговорю съ нимъ. Хорошо.

— Милый, ради Бога, не откладывая.

— Хорошо, я обѣщаю.

— Андрей Андреевичъ, я понимаю, что то, что я сейчасъ скажу — чудовищно, но я вся уже внѣ мѣры, внѣ всякой критики: я больна моей любовью, я не властна надъ собой... Спросите его, неужели онъ не можетъ полюбить меня? Вѣдь я же не родня ему. Во всякомъ случаѣ, настойте на томъ, чтобы онъ опредѣленно и окончательно объяснился со мной... Въ концѣ концовъ мы должны найти выходъ, но для этого онъ долженъ прійти ко мнѣ, чтобы выслушать меня. Иначе я не могу; нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я расшибу себѣ объ стѣну голову.

— Тише, тише, милая. Я вамъ обѣщаю на дняхъ же заполучить Павлика къ себѣ или въ ресторанъ, и тамъ мы поговоримъ съ нимъ по душѣ. А теперь вамъ надо хоть немного успокоиться. Поглядите на себя въ зеркало: на васъ лица нѣтъ. Не надо больше плакать. Все образуется самой жизнью. Для чего вы губите себя, и въ слезахъ и въ винѣ топите вашу красоту, такую рѣдкую, такую яркую красоту?! Ну, полноте, моя милая, полно! Можетъ быть у него борьба въ сердцѣ, кто знаетъ?!

— Ахъ, нѣтъ... я бы почувствовала, поняла. — Она поднялась съ дивана: — Я замучила васъ, вы устали!

Навѣрно уже поздно, идите спать. Спасибо вамъ, дорогой, за отзывчивость. Мнѣ стало легче.

— Я ухожу, и вы ложитесь спать.

— Да, я сейчасъ лягу.

Вишневъ вышелъ. Екатерина Никитишна постояла у стола, потомъ перечла недописанное письмо и разорвала его. Вынувъ изъ головы шпильки, она распустила волосы, подошла къ окну, отдернула штору и распахнула его. Небо начинало свѣтлѣть; яркость звѣздъ уже таяла въ занимавшейся зарѣ. Въ окно пахнуло ароматами сонной листвы, цвѣтовъ и травы. Екатерина Никитишна глубокой грудью вдохнула въ себя эту ароматную свѣжесть отходящей ночи и вдругъ вспомнила далекую Россію, деревенскій домъ, такія же ароматныя ночи у раскрытаго широкаго окна спальни, разстилавшуюся передъ нимъ даль полей и рощъ, обвѣянныхъ предразсвѣтной туманной дымкой, вспомнила густой садъ, завѣтную скамейку, вспомнила всѣ безвозвратно потонувшія радости, вспомнила, что всѣ эти картины любимой жизни въ любимой усадьбѣ умерли навсегда, что Россія, со всѣмъ дорогимъ прошлымъ, отрѣзана уродливымъ настоящимъ съ ея эмигрантской жизнью. Охваченная внезапной скорбью любви къ Родинѣ, къ далекой Россіи, ко всему своему счастливому прошлому, она упала передъ окномъ на колѣни и, охвативъ голову руками, долго и безудержно рыдала.

IX.

Въ ресторанѣ, переполненномъ исключительно рус ской эмиграціей, всѣ столы были заняты. Маленькій оркестръ исполнялъ подъ акомпаниментъ рояля волнующіе русское сердце родные мотивы.

Вишневъ занялъ столикъ у открытаго окна, выходившаго на террасу, гдѣ тоже было полно публики, и гдѣ на высокихъ постаментахъ электрическія лампы бросали изъ подъ громадныхъ разноцвѣтныхъ яркихъ абажуровъ фантастическій свѣтъ, казавшійся съ улицы красивой театральной декораціей.

Вишневъ проголодался и, поглядывая нетерпѣливо на часы, сталъ заказывать ужинъ. Только что лакей накрылъ два прибора и подалъ закуску, какъ онъ увидалъ вошедшаго, внимательно оглядывавшаго всѣ столы, Павлика. Онъ всталъ. Павликъ сейчасъ же увидѣлъ его и подошелъ.

— Ну вотъ! Вы очень пунктуальны. Садитесь. Кушать хотите? Отлично. Я уже заказалъ ужинъ. Тутъ у нихъ есть одно отличное винцо...

— Знаю, знаю, — перебилъ, улыбаясь, Павликъ. — Я тоже проголодался, ѣздилъ по порученію Анни въ одно мѣсто, потомъ къ ней забѣжалъ, не засталъ, едва

дозвонился по телефону. Она всегда въ какомъ-то непроницаемомъ вихрѣ.

— Въ вихрѣ флерта? — улыбнулся Вишневъ. — Что жъ, это понятно. Она очень интересна. Ея наружное спокойствіе, тихая манера и тихій голосъ, я думаю, обманчивы. Въ ней есть что-то, что выдаетъ ея настоящій и, навѣрно, большой темпераментъ. Я, не будучи тогда знакомъ съ ней, видѣлъ ее до революціи на сценѣ. Не помню въ чемъ, но помню, что она играла съ большимъ подъемомъ и темпераментомъ. Я не зналъ, что она племянница Екатерины Никитишны. Очевидно, это родственное; только у одной этотъ темпераментъ весь на лицо, въ каждомъ взмахѣ рѣсницъ, въ каждомъ движеніи, у другой онъ таится подъ маской спокойствія. Вы несогласны со мной? — Вишневъ подлилъ вина въ стаканъ Павлика. Онъ рѣшилъ мало по малу издалека подойти къ трудному и щекотливому вопросу, ради котораго онъ позвалъ Павлика въ этотъ ресторанъ.

— Откровенно говоря, — послѣ минутнаго раздумья заговорилъ Павликъ, — я не могъ составить личнаго мнѣнія о психологіи этихъ двухъ близкихъ мнѣ женщинъ, потому что въ отрочествѣ и юности я жилъ подлѣ нихъ, любя ихъ, но не анализируя, а когда я могъ бы это дѣлать, тогда жизнь насъ разъединила, и вотъ послѣ семи лѣтъ разлуки, я снова съ ними, но и одна и другая мнѣ кажется измѣнившимися. — Павликъ говорилъ, какъ всегда немного растягивая слова, задерживаясь на нихъ, какъ будто бы вдумываясь въ каждое послѣдующее...

Вишневъ былъ доволенъ: своимъ отвѣтомъ Пав-

ликъ облегчилъ ему возможность плотнѣе подойти къ острой темѣ.

— Въ какомъ смыслѣ? Анну Кирилловну я не зналъ, а Екатерину Никитишну зналъ хорошо, въ особенности за послѣдніе годы. Впрочемъ, для человѣка какъ я, всю жизнь наблюдавшаго и любящаго женщинъ, психологія Екатерины Никитишны ясна съ перваго взгляда.

Павликъ поднялъ вопросительный взглядъ, но Вишневъ, дѣлая видъ, что занятъ поданнымъ блюдомъ, умолкъ.

— Значитъ, вы ее знаете лучше меня, такъ какъ мнѣ, сознаюсь, она мало понятна. Впрочемъ, это не совсѣмъ такъ... Можетъ быть я не достаточно думалъ объ этомъ... — Онъ опустилъ голову и задумался. Вишневъ дотронулся рюмкой до его рюмки:

— Выпьемте за нее. Такихъ женщинъ мало. Это настоящая, цѣльная, безбрежная во всѣхъ своихъ чувствахъ, русская женщина. Анатолій Васильевичъ, избалованный въ своихъ вкусахъ, положительно молился на нее. И я его понимаю.

— Вы знаете, сколько ей лѣтъ?

— Знаю. Она сама говорила мнѣ недавно, что ей сорокъ пять. Тѣмъ изумительнѣе, тѣмъ цѣннѣе въ ней эта неувядающая красота и громадная сила жизни, проявляющаяся во всемъ. Вообще, въ ея натурѣ вложена громадная щедрость сердечнаго чувства, въ которомъ она можетъ потонуть вся, и счастливъ тотъ, на кого оно изливается. Если бы я могъ скинуть десятокъ лѣтъ, я бы сдѣлалъ все, чтобы добиться ея чувства, впрочемъ,

это ни къ чему бы не привело, — добавилъ Вишневъ многозначительно.

— Почему вы думаете? — съ запинкой спросилъ Павликъ.

— Потому что она любитъ.

Павликъ вздрогнулъ.

— Я этого не думаю, — проговорилъ онъ первыя попавшiяся на умъ слова.

Наступило нѣсколько минутъ молчанiя. Вишневъ допивалъ кофе. Павликъ сосредоточенно разглядывалъ массивный портсигаръ Вишнева, украшенный множествомъ монограмъ. Онъ чувствовалъ, что Вишневъ сейчасъ заговоритъ и что это будетъ о самомъ для него тяжеломъ и больномъ. Онъ боялся и въ то же время хотѣлъ этого. Личность Вишнева внушала ему довѣрiе, и онъ отгадывалъ, что если тотъ затронетъ больной вопросъ, то сдѣлаетъ это крайне осторожно и умѣло.

— Скажите мнѣ, Павелъ Александровичъ, могу ли я поговорить съ вами вполнѣ откровенно? Долженъ сознаться, что это можетъ быть трудно для васъ, но такъ надо. Бываютъ въ жизни такiя положенiя, что лучше высказаться, чѣмъ молчать.

— Я не знаю, о чемъ будетъ рѣчь, — нерѣшительно произнесъ Павликъ.

— Мы будемъ съ вами говорить о женщинѣ, которую мы оба любимъ и уважаемъ: о Екатеринѣ Никитишнѣ.

Павликъ почувствовалъ, что начинаетъ волноваться. Онъ отложилъ портсигаръ, медленно почесалъ себѣ подбородокъ и поднялъ взглядъ на Вишнева:

— Вы думаете, что это надо??

— Это необходимо, иначе я не просилъ бы васъ сюда. Вотъ что, Павелъ Александровичъ: я знаю все, — рѣшительно произнесъ онъ, взялъ руку Павлика, лежавшую на столѣ, и мягко пожалъ ее. — Да, я знаю все и узналъ это третьяго дня отъ самой Екатерины Никитишны; слѣдовательно вы въ правѣ тоже быть откровеннымъ.

Павликъ съ трудомъ перевелъ дыханіе и едва замѣтно измѣнился въ лицѣ.

— Извольте, Андрей Андреевичъ, я готовъ быть откровеннымъ; быть можетъ это будетъ лучше. Скажите мнѣ, что вы знаете?

— Я знаю, что она васъ любитъ, и любитъ, кажется, безнадежно.

— Да, это вѣрно, — глухо произнесъ Павликъ.

— Знаете ли вы, Павелъ Александровичъ, что такія натуры въ своей любви идутъ до конца. Ихъ ничто остановить не можетъ. Онѣ любятъ или погибаютъ. Третьяго дня я былъ свидѣтелемъ ея душевной драмы. Она ужасна. Для меня совершенно ясно, что эту любовь она никогда не сможетъ вырвать изъ своего сердца. Такъ она не любила даже Анатолія Васильевича.

— Но мнѣ эта любовь не нужна. Скажу больше: она для меня ужасна... Происходитъ нѣчто чудовищно безобразное, оскорбляющее ее въ моихъ глазахъ, оскорбляющее мою глубокую къ ней привязанность. Боже мой!.... — Павликъ дрожащей ладонью провелъ вдоль лба по волосамъ. — Я не нахожу словъ, я путаюсь въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ.

— Вы успокойтесь, возьмите себя въ руки и давайте попробуемъ съ возможнымъ хладнокровіемъ разобраться во всемъ этомъ. Повѣрьте мнѣ: я такъ много

самъ пережилъ и былъ свидѣтелемъ такого количества всевозможныхъ драмъ, что утверждаю, новаго жизнь ничего не приноситъ, и исходъ можно найти во всякомъ положенiи.

— Нѣтъ, нѣтъ, бываютъ положенiя безвыходныя. И одно изъ такихъ — данное положенiе. Вы только поймите, вы только вникнете, что я долженъ переживать!.. — Онъ опять нервно провелъ ладонью по волосамъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза казались больше. Глядя на него, Вишневу смутно припомнилась какая-то, гдѣ-то видѣнная имъ катина съ фигурой патрицiя, схожаго лицомъ съ Павликомъ.

— Ну, хорошо. Я васъ слушаю, — успокоительно произнесъ онъ.

— Вы знаете, конечно, что Екатерина Никитишна замѣняла мнѣ мать, но вы не знаете, какой святой, какой безконечно нѣжной любовью я любилъ ее съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ очень ранняго возраста я началъ понимать и любить красоту и безсознательно воплощалъ это понятiе въ образъ этой женщины, въ которой все мнѣ казалось прекраснымъ. Да, это такъ и было: все въ ней было и есть прекрасно. Вы правы, что и натура у нея широкая. Такою я унесъ ее въ моемъ сердцѣ, когда семь лѣтъ тому назадъ мы разстались. Въ разлукѣ я продолжалъ любить ее тою же нѣжной, сыновней, восторженной любовью. Когда я ѣхалъ сюда, мнѣ было больно при мысли, что вмѣсто прежней красавицы я встрѣчу постарѣвшую, опустившуюся отъ горя женщину. Было больно, что утратится красота, которую я такъ любилъ. Конечно, чувства остались бы неизмѣнны, такъ какъ Екатерина Никитишна дала мнѣ все, что

могла бы дать самая любящая мать. Но боязнь моя была напрасна: она почти не измѣнилась. Появилась лишь эта серебряная прядь волосъ, дѣлающая ея красоту еще болѣе нарядной. Я былъ такъ счастливъ отдыхать подлѣ нея, такъ радостно было мое сознаніе, что эта женщина мнѣ близка какъ мать, что насъ до конца жизни связываетъ нѣжная и тѣсная дружба. И вдругъ навалился какой-то кошмаръ. Все смялось, все стало непонятно-уродливо. Сперва я ничего не замѣчалъ, и не знаю какъ это подошло. Я понялъ лишь тогда, когда вмѣсто нѣжной материнской любви изъ ея глазъ глянула страсть женщины. Я совершенно ошалѣлъ. Я былъ потрясенъ и оскорбленъ за ту святыню, что носилъ въ груди моей съ дѣтства. Я не могу умертвить чистую любовь и вмѣсто нея насадить плотскую къ той же самой женщинѣ. Это невозможно!..

— Нѣтъ, это возможно, и доказательство вамъ на лицо, — возразилъ Вишневъ. — Чтобы понять, надо перестать возмущаться и подойти къ вопросу, скажемъ, съ академической точки зрѣнія.

— Ради Бога, объясните, помогите, потому что я напрасно мечусь въ хаосѣ мыслей и догадокъ.

— Извольте. Екатерина Никитишна жила до смерти Анатолія Васильевича въ атмосферѣ пресыщенной любовью къ ея личности. То же было и при жизни ея мужа. Она привыкла жить любя и быть любимой. Послѣ катастрофы, лишившей ея и друга, и Родины, у нея, выброшенной въ ненормальныя условія жизни, да еще и на чужбинѣ, въ одиночествѣ, произошелъ тотъ душевный срывъ, который большая часть изъ насъ — мужчинъ стремится залить виномъ. Она разсталась съ вами, когда вы были юношей съ неустановившимся еще характеромъ и встрѣчается вновь, удивленная гро-

мадной перемѣной, которую наложили на васъ эти семь лѣтъ войны. Изъ юноши вы превратились въ зрѣлаго мужчину. Она любила мальчика и юношу, передъ ней предсталъ, не совсѣмъ понятный ей въ складѣ характера, мужчина. Близость оставалась все та же, но явилось нѣчто новое. Въ одиночествѣ сердца, она потянулась къ вамъ и, помимо ея воли и желанія, мужчина, который былъ ей въ васъ чуждъ, поработилъ ея мысли, желанія и волю, и на васъ вылился тотъ душевный срывъ, которымъ мы всѣ больны. Для нея, женщины сильнаго темперамента и широкой натуры, возврата нѣтъ. Она любитъ васъ всѣмъ существомъ, никакія условности, никакія препятствія ослабить ея чувства къ вамъ не могутъ: она отдала себя всю этой новой и неудержимой любви.

— Это ужасно! Что же дѣлать?

— Провѣрить себя, постараться откинуть прошлое и посмотрѣть на Екатерину Никитишну иными глазами: какъ на женщину, любящую васъ сильной и страстной любовью. Теперь такое время, что условностямъ мѣста нѣтъ. Надо жить, руководствуясь только личными влеченіями....

— Я согласенъ съ вами, Андрей Андреевичъ, — перебилъ его Павликъ, — надо жить какъ подсказываетъ совѣсть и сердце, и вотъ я на основаніи этого заявляю, что ни при какихъ обстоятельствахъ я не смогу видѣть въ Екатеринѣ Никитишнѣ женщину, къ которой я могъ бы подойти иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Во мнѣ все возмущается и протестуетъ при одной этой мысли, и, что для меня всего ужаснѣе, прекрасный образъ ея затуманивается уродливой тѣнью. Я предпо-

читаю никогда больше не видѣть ее, чѣмъ встрѣчаться при настоящихъ условіяхъ. И въ то же время, вѣдь я не могу вырвать изъ сердца моего той нѣжной привязанности, съ которой я выросъ, которую она такъ заслуживаетъ. Повѣрьте мнѣ, я мученикъ отъ всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ мыслей и чувствъ. Я не сплю ночи, я напиваюсь, ища забвенія...

Вишневъ вспомнилъ, что подобное же признаніе онъ выслушалъ двѣ ночи тому назадъ отъ Екатерины Никитишны. Врядъ ли Павликъ зналъ объ этомъ.

— Въ моемъ положеніи есть еще одна ужасная сторона, — продолжалъ Павликъ. — Вѣдь я, какъ ея сынъ, всегда пользовался средствами, которыя она широко предоставляла въ мое распоряженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ она меня отыскала, это возобновилось. Могу ли я пользоваться этими средствами теперь, когда вмѣсто руки материнской мнѣ протягиваетъ ихъ рука женщины, ищущей отвѣтнаго чувства?! Съ ума можно сойти! Та, для которой, какъ сынъ, я готовъ былъ принести какія угодно жертвы, чтобы отплатить ей за все, что она дала мнѣ любви, радости и заботы въ продолженіи всей моей жизни, та же женщина страдаетъ теперь изъ за меня, требуя жертвы, на которую я идти не могу, потому что любви плотской у меня къ ней нѣтъ и никогда не будетъ.

— Вы въ этомъ увѣрены, Павелъ Александровичъ?

— Увѣренъ ли я?! — Павликъ вскинулъ плечами: — тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Оба умолкли. Въ залѣ было жарко. Медленно плыли къ раскрытымъ окнамъ извивающіяся струйки сигарнаго и папироснаго дыма. Звенѣли стаканы и бо-

калы, пробѣгали лакеи съ подносами, уставленными тарелками и блюдами, стоялъ шумъ несмолкаемаго говора. По клавишамъ скользнули пальцы... Пронеслось нѣсколько тихихъ аккордовъ. Публика зааплодировала. Вишневъ и Павликъ взглянули по направленію къ роялю: тамъ стояла женщина въ цыганскомъ костюмѣ, съ алокрасной, шитой шелками, съ длинной бахромой шалью, драпировавшей ея фигуру черезъ плечо. Небольшая голова была повязана такого же цвѣта алой косынкой. Раздались звуки низкаго почти мужского альта.

Павликъ почувствовалъ, какъ вдругъ нестерпимая тоска заволокла все его сердце, заполнила всю грудь, впилась въ его мысли. Его охватило желаніе схватить себя за голову, разрыдаться громкими рыданіями и плакать долго, плакать надъ тѣмъ, что жизнь разбила въ его лучшихъ иллюзіяхъ, отнявъ у него Родину и исковеркавъ любовь той, которая была ему дорога самой чистой и глубокой любовью.

...—Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, ничего я не хочу!.. — мощнымъ надрывомъ выливались изъ груди поющей низкіе, все заполнявшіе звуки, и Павлику казалось, что онъ не вынесетъ этой тяготы, навалившейся на все его существо.

— Какъ же быть?—тихо спросилъ Вишневъ, отгадывая его душевное состояніе.

— Я уѣду. Завтра же уѣду куда-нибудь.

— Не объяснившись съ ней?

— Нѣтъ, я не въ силахъ. Да и какое можетъ быть объясненіе?! Вѣдь, она же знаетъ... я далъ ей понять, что не могу.

— Однако, я вамъ не совѣтую уѣзжать такъ, чтобы она не знала. Это можетъ произвести на нее потрясающее впечатлѣніе.

— Я напишу ей передъ самымъ отъѣздомъ, что уѣзжаю на время, а затѣмъ и совсѣмъ не вернусь. Иного исхода нѣтъ. Видѣться намъ теперь невозможно.

— Она настаивала на свиданіи съ вами и завтра будетъ ждать отвѣтъ.

— Скажите, что я обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ день, черезъ два. Скажите, что я страдаю не меньше ея, а можетъ быть и больше, имѣя на то больше причинъ, — упавшимъ голосомъ добавилъ Павликъ. — Такъ и скажите. А я завтра же соберусь. Поѣду въ Баварію или куда попало... Я смертельно усталъ, душой усталъ. Сперва за Россію, теперь она.... Вы еще останетесь здѣсь? — вяло спросилъ Павликъ, туша окурокъ папиросы о дно пустого бокала.

— Да, я подсяду къ тому столику. Вы, кажется, тоже знакомы?

— Я уйду. Это будетъ лучше, а то напьюсь и завтра не успѣю все приготовить къ отъѣзду. — Павликъ досталъ бумажникъ.

— Уже все уплочено, — остановилъ его движеніемъ руки Вишневъ.

Павликъ посмотрѣлъ отсутствующимъ взглядомъ, какъ будто не соображая, что ему говорили. Потомъ медленно положилъ бумажникъ обратно въ боковой карманъ и поднялся:

— Да... ну, благодарю васъ. До свиданія. Передъ самымъ отъѣздомъ я позвоню вамъ: можетъ быть вамъ надо будетъ что-нибудь сказать мнѣ. — Онъ про-

тянулъ руку Вишневу и, никого не замѣчая, пробираясь между тѣсно поставленными стульями, направился къ выходу.

X.

Ровно черезъ сутки Екатерина Никитишна вернулась послѣ полуночи отъ своей пріятельницы. Днемъ она видѣла Вишнева, передавшаго ей слова Павлика. Она не сомнѣвалась, что онъ придетъ къ ней для объясненія и, съ тревогой въ сердцѣ, ждала этого близкаго часа. Чтобы заглушить чѣмъ-нибудь тревожно томительное ожиданіе, она заѣхала за пріятельницей и вмѣстѣ отправилась въ концертъ; оттуда въ автомобилѣ за городъ, гдѣ ужинали на террасѣ подлѣ неподвижно-тихаго, будто стального, озера. Въ шумѣ толпы тревога сердца билась какъ будто подъ сурдинку; но едва она вошла въ свои комнаты, какъ эта тревога заполнила собой все ея существо, заполнила всѣ углы комнаты, поползла изъ открытыхъ оконъ и дверей балкона.

— Марфа Степановна, — позвала она свою вѣрную слугу и подругу жизни, охранявшую и любившую ее безграничной самоотверженной любовью. Въ моментъ острыхъ переживаній радости или горя исчезала классовая граница, раздѣлявшая ихъ, и Екатерина Никитишна никому съ такимъ довѣріемъ и полнотой не изливала сердца, какъ, Марфѣ Степановнѣ.

— Милая, только помогите мнѣ раздѣться. Я устала.

Дайте мой желтый капотъ. И винца, Марфа Степановна. Тамъ на столѣ есть коньякъ, — усталымъ голосомъ говорила Екатерина Никитишна, стоя въ спальнѣ передъ зеркаломъ и сбрасывая съ себя черное платье. Лицо ея было усталое, и въ движеніяхъ чувствовалась вялость. За цѣпочку массивнаго золотого браслета зацѣпилось широкое черное кружево платья. Она нетерпѣливымъ движеніемъ отдернула руку, вырвавъ клочекъ кружева.

— Да что это вы, Екатерина Никитишна, такое дорогое кружево рвете? Я бы распутала вамъ.

— Ахъ, я такъ устала, мнѣ не до кружева. Дайте мнѣ капотъ. Вотъ такъ. Распущу волосы: голова такая тяжелая. Никого безъ меня не было? Никто не звонилъ?

— Никто. А вотъ письмо есть. Принесли часовъ въ десять. — Марфа Степановна дрожащими руками взяла лежавшее на ночномъ столикѣ письмо и, мѣняясь въ лицѣ, подала его.

Екатерина Никитищна, увидѣвъ почеркъ, вздрогнула, поблѣднѣла и вскрыла письмо.

— Ахъ... — тихо и жалобно вырвалось у нея изъ груди. Она уронила письмо, опустилась безъ силъ на кровать и, будто безъ чувствъ, повалилась лицомъ въ подушки.

— Что?.. Что такое?.. Голубушка моя, что случилось? — бросилась къ ней Марфа Степановна.

— Марфа Степановна, не могу... нѣтъ, не могу... — застонала Екатерина Никитишна, медленно подымаясь и садясь на кровати. Зрачки ея были необычайно

расширены, лицо искажено, гримасой страданія. Онъ уѣзжаетъ... Завтра утромъ... не могу, не могу!...

—Это что же онъ придумалъ?! Завтра?.. И не заѣхалъ проститься! Гдѣ же сердце у него? Господи Ты Боже мой!

— Нѣтъ, такъ нельзя, такъ невозможно,—вдругъ заметалась Екатерина Никитишна, сорвалась съ кровати и стала торопливо подкалывать волосы. Изъ груди ея вырвался тихій короткій стонъ. — Марфа Степановна я поѣду..... я сейчасъ поѣду къ нему. Завтра онъ уѣзжаетъ....

— Господь съ вами! Куда вы поѣдете сейчасъ?! Не надо, я васъ умоляю.

— Да развѣ я могу допустить, чтобы онъ уѣхалъ, не повидавъ меня?! — Она говорила такъ, какъ будто бы Марфа Степановна была посвящена въ ея тайную любовь, въ то же время она никогда не обмолвилась ей объ этомъ. И, конечно, она понимала, что преданное ей сердце давно все разгадало и страдало съ ней вмѣстѣ.

— Ужъ лучше я сбѣгаю. Успокойтесь вы, Христа ради: я сейчасъ съѣзжу и привезу его сюда. Слава Богу, еще трамвай идетъ. Вотъ я сейчасъ одѣнусь.

— Ну, хорошо. Только, скорѣе. Вотъ я сейчасъ два слова напишу, передайте ему...... Боже мой, какая мука! Екатерина Никитишна бросилась къ письменному столу и карандашемъ набросала нѣсколько словъ. Рука дрожала, буквы прыгали въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Марфа Степановна въ пальто и шляпкѣ.

— Если трамвая не захватите, возьмите извозчика. Я здѣсь измучаюсь, ожидая васъ. Вотъ деньги, скорѣе поѣзжайте.

— Я ѣду, только... — Марфа Степановна запнулась. — Только не пейте коньякъ, а то онъ пріѣдетъ, у васъ голова будетъ не свѣжая и не скажете всего, что надо.

— Хорошо, я не буду. Ну, поѣзжайте же скорѣе. Если онъ не пріѣдетъ, я сойду съ ума, я не знаю, что со мной будетъ...

— Пріѣдетъ онъ, я привезу, только успокойтесь, прилягте, отдохните.

Марфа Степановна уѣхала. Екатерина Никитишна, наливъ большую рюмку коньяку, выпила залпомъ и начала ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ; потомъ вышла на балконъ, опустилась въ кресло, откинула голову на спинку, закрыла глаза и застыла. Усталость, волненіе, испугъ полученнаго письма и надежда свиданія, надежда что-то выяснить, что-то договорить смѣнилась упадкомъ силъ. Выпитая рюмка коньяку не помогла: состояніе страшнаго безсилія охватило все ея существо. Слезы, медленно одна за другой, вытекали изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ и капали на сложенныя на колѣняхъ руки. Потомъ прозрачно-тоскливая дремота обвѣяла прелестную, полную тяжелыхъ мыслей голову, и Екатерина Никитишна забылась.

Она быстро поднялась съ кресла: въ комнату кто-то вошелъ. Она бросилась туда. Передъ ней стояла Марфа Степановна.

— Его нѣтъ?! — Екатерина Никитишна вашаталась и схватилась рукой за притолоку балконной двери.

— Онъ куда-то поѣхалъ въ девять часовъ, сказавъ, что вернется очень поздно. Я оставила вашу записку. Сама положила ему на самое видное мѣсто. Какъ войдетъ — сейчасъ же увидитъ.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ вы не остались тамъ? Зачѣмъ вы вернулись? Онъ не пріѣдетъ...

— Пріѣдетъ. Горничная сказала,что онъ уѣзжаетъ завтра съ девятичасовымъ поѣздомъ. Навѣрное передъ отъѣздомъ заѣдетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Господи, я не вынесу... Господи, помоги!... — Екатерина Никитишна схватилась за голову и опять заметалась по комнатѣ, будто ища спасенія отъ душевной боли въ движеніи. — Ахъ, я придумала! Марфа Степановна, рано утромъ я поѣду сама.

— Да что вы! Вѣдь тамъ прислуга! Вы не старуха, — Богъ знаетъ, что говорить станутъ.

— Мнѣ все безразлично: пусть говорятъ. Я поѣду. Дайте вина. Ахъ, скорѣе, да скорѣе же, — нетерпѣливо вскрикнула она, встрѣтивъ укоризненный взглядъ Марфы Степановны. — Послушайте, милая. Я выпью нѣсколько рюмокъ, чтобы заснуть. Ровно въ шесть разбудите меня. Слышите: ровно въ шесть. Закройте балконъ. Помогите мнѣ улечься. Ахъ, какъ я измучена. Неужели онъ не сжалится?! Марфа Степановна, какой ужасъ эта любовь моя, какое страданіе, какое униженіе передъ нимъ и передъ самой собой. Голосъ Екатерины Никитишны дрожалъ отъ слезъ. Она говорила, обрывая слова, вздрагивая и ежась отъ нервнаго озноба. Марфа Степановна уложила ее въ постель, накрыла одѣяломъ, поправила подушки.

— Поставьте коньякъ на ночной столъ. Если не засну скоро, выпью еще. Я не могу терпѣть эту муку. Ну, вотъ хорошо, хорошо... Можетъ быть я засну. Такъ бы хорошо заснуть, забыть... — Голосъ ея слабѣлъ. Глаза стали смыкаться. Нѣсколько рюмокъ коньяку, выпитыхъ одна за другой, начали дѣйствовать. Марфа Степановна прибрала разбросанное на креслахъ платье и бѣлье и погасила свѣтъ.

— Перекрестите меня, — тихимъ соннымъ голосомъ проговорила Екатерина Никитишна.

Марфа Степановна наклонилась надъ ней и трижды осѣнила ее медленнымъ крестнымъ знаменьемъ.

— Не опоздайте... разбудить. Ровно въ шесть...

— Спите спокойно, я разбужу.

— Господи, за что Ты послалъ ей это наказаніе? За что эта напасть? — Тяжело вздыхая, съ горечью шептала Марфа Степановна, осторожно выходя изъ спальни. Она не ушла въ свою комнату, а примостилась на диванѣ въ гостинной, чтобы быть поближе къ Екатеринѣ Никитишнѣ.

Совсѣмъ разсвѣло. Первые лучи солнца залили багрянцемъ остроконечную башню купола «Гедехнискирхе». Длинная, прямая Тауэнцинштрассе съ двумя рядами аккуратныхъ липъ, засаженныхъ по обѣ стороны бульвара посреди улицы, казалась въ своей пустотѣ и широтѣ особенно нарядной. Лоснилась, отливая будто сталью, асфальтовая мостовая. Торжественно-благоговѣйная готика Гедехнискирхе неслась легкимъ полетомъ ввысь къ розовѣющимъ, какъ паръ, воздушнымъ облачкамъ, остановившимся надъ церковью, чтобы, озолотясь восходомъ, растаять надъ ней. На

противоположномъ концѣ улицы, противъ Унтергрунд-бангофъ, площадка, засѣянная крупными розами, разливала свѣжее благоуханіе, уносимое пролетавшимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Надъ большимъ наряднымъ городомъ стояла тишина, рѣдко нарушавшаяся запоздалымъ автомобилемъ.

Маленькіе бронзовые часики тихимъ торопливымъ звономъ пробили четыре, и въ ту же минуту Екатерина Никитишна открыла глаза, мгновенно все вспомнила и сразу почувствовала тяжелый комъ тоски, давившій грудь. Въ головѣ была хорошо знакомая слабость послѣ большой дозы алкоголя. Вѣки отяжелѣли. Она положила обѣ ладони на грудь и протяжно, жалобно вздохнула. Марфа Степановна подняла голову и насторожилась. Екатерина Никитишна сразу охваченная, во время недолгаго сна отошедшей, острой тоской и отчаяніемъ, протянула руку къ ночному столику, гдѣ стояла бутылка и большая рюмка, но вдругъ передумала, быстрой рукой откинула одѣяло, спустила ноги, просунула ихъ въ шелковыя туфли, набросила на плечи желтый, лежавшій рядомъ на стулѣ, капотъ и, подойдя къ туалету, посмотрѣла на часы.

— Екатерина Никитишна, вы встали? Еще рано, — отозвалась Марфа Степановна.

— Вы здѣсь?! Да, я встала. Больше спать не могу,— она вошла въ сосѣднюю комнату.

— Полежите, отдохните еще часокъ, — подымаясь съ дивана, пробовала уговорить Марфа Степановна.

— Нѣтъ, я не могу. Тоска... тревога... сердце какъ въ клещахъ. — Она подошла къ балкону, отдернула бѣлую муслиновую съ желтыми полосами зана-

вѣсъ, распахнула широкія стеклянныя двери и вышла на балконъ. Глубокой грудью она вздохнула свѣжесть ранняго утра, откинула голову, заложивъ подъ затылокъ сплетенные пальцы и, полными тоски глазами, устремилась къ прозрачно-ясной лазури небесъ.

—Зачѣмъ я люблю его этой ненужной любовью? Зачѣмъ я не сумѣла оберечь сердца моего отъ этого униженія? Я ли это?! Боже мой, неужели нѣтъ выхода? Неужели я обречена такъ страдать?! Павликъ... Милый мой Павликъ!.. .Я такъ любила эти свѣтлые, будто прозрачные глаза,всегда такіе ласковые, такіе привѣтливые, теперь... такіе холодные. Куда дѣвался тотъ милый мальчикъ, потомъ — юноша?..Меня влечетъ, преступно тянетъ къ себѣ этотъ новый, сосредоточенно-спокойный, что-то затаившій въ глубинѣ мыслей, мужчина, съ очевидно сильной волей и душой. Какъ я ласкала въ былые годы его голову ребенка и юноши, и онъ находилъ подлѣ меня покой и утѣшеніе, такъ я хочу теперь его ласки, хочу прижать голову мою, отуманенную страстными желаніями, къ его груди, хочу — всегда сильная — стать слабой, хочу его любви, только его любви... Зачѣмъ?! Ему двадцать девять, мнѣ сорокъ пять... Я хороша, но жизнь моя отжита, зачѣмъ мнѣ эта любовь?.. Не хочу, не хочу. Господи, вырви ее изъ сердца моего, помоги мнѣ, избави меня отъ муки, стыда и обиды... — Она начала горячо, усердно молиться. Изъ темныхъ прекрасныхъ глазъ медленно скатывались слезы. Широкіе рукава шелковаго капота соскользнули къ плечамъ, обнаживъ античную линію рукъ. Она была прекрасна въ чистомъ

порывѣ молитвы въ этомъ тихомъ и чистомъ восходѣ утра, окутанная первыми лучами солнца.

Когда она вернулась въ комнату, Марфа Степановна, уже умытая и причесанная, прибирала ея постель.

— Марфа Степановна, я сейчасъ, одѣнусь и пойду. Я не въ силахъ ждать.

— Подождать бы до шести: трамваи пойдутъ.

— Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ, — мнѣ легче будетъ.

— Я съ вами пойду: одной вамъ не хорошо.

— Да, да, это будетъ лучше.

Екатерина Никитишна начала со все усиливавшейся лихорадочной поспѣшностью приводить себя въ порядокъ. Ея кожа, сохранившая дѣвичью свѣжесть, послѣ холодной воды сразу посвѣжѣла; на лицѣ почти не осталось слѣда отъ слезъ, отъ выпитаго наканунѣ вина и отъ слишкомъ короткаго сна. Большія, сильныя и красивыя руки быстро мелькали въ черныхъ прядяхъ волосъ, укладывая ихъ въ узелъ. Она надѣла стального цвѣта гладкое платье, отороченное черной тесьмой и небольшую шляпу, оглянулась на молча ожидавшую ее Марфу Степановну и, тихой, осторожной поступью ступая по ковру корридора, прошла къ двери, открыла ее своимъ ключемъ и спустилась по лѣстницѣ. Было начало пятаго. Улицы, свѣтлыя, свѣжія, совершенно пустыя, казались шире и длиннѣе. Быстрымъ шагомъ Екатерина Никитишна шла мимо запертыхъ магазиновъ, молчавшихъ бульваровъ и рѣшетокъ, за которыми зелено и цвѣтуще просыпались кусты, засаженные передъ домами. Лоснился, какъ блестящая сталь, молчаливый въ раннемъ утрѣ, асфальтъ, немолчно до поздней ночи вбиравшій въ себя всѣ грохоты и шумы уличнаго дви-

женія. Утренняя заря, скользя и отражаясь въ накатанномъ глянцѣ, гнала прочь послѣднія легко-воздушныя тѣни отошедшей ночи. Тиргартенъ, весь озолоченный, стройно и строго охваченный длинными прямыми и широкими полосами въ даль убѣгающаго асфальта, казался нарядньмъ и безконечнымъ въ безмолвіи и пустотѣ восходящаго утра. Екатерину Никитишну охватила ароматная свѣжесть и торжественная красота пробуждающагося парка. Въ сердце, переполненномъ тоской и тревогой, вливались беззвучные аккорды гимна природы. Внезапно, прервавъ свой поспѣшный бѣгъ, она остановилась и съ тяжелымъ вздохомъ прошептала: — Такой покой, такая красота, а я не могу слиться съ ней... Зачѣмъ я такъ несчастна!

— Екатерина Никитишна, родная моя, вернитесь, бросьте вы все это... вѣдь, жили же до сихъ поръ! — умоляюще проговорила Марфа Степановна.

— Да, да, вы правы! — Она опустилась на скамью —и глубоко задумалась. Марфа Степановна, съ надеждой на возможность перелома, смотрѣла на нее.

— Вы правы... — опять заговорила Екатерина Никитишна. — Вѣдь, жила же раньше, еще такъ недавно. Не было счастья, но не было и этой тоски, этого отчаянія. Марфа Степановна, милая, если-бы вырвать все это изъ сердца и опять быть свободной и спокойной!..

— Ну, вы попробуйте, переломите себя; только попробуйте. Вернитесь, не надо идти къ нему. Подумать только! Ни свѣтъ, ни заря къ нему явитесь. Что онъ передъ вами?! Мальчишка... А въ то же время,

вѣдь, онъ любитъ васъ всей душой, какъ настоящій сынъ вашъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?! Зачѣмъ напоминаете мнѣ самое больное?! — съ горечью и гнѣвомъ воскликнула Екатерина Никитишна.

— Да, вѣдь, я словъ подобрать не умѣю! Я изстрадалась, на васъ глядя. Душу отдать готова. Не сердитесь на меня. Что прикажете, то и сдѣлаю, а только сердце подсказываетъ мнѣ, что лучше бы вамъ вернуться.

— Я вернусь, а онъ черезъ нѣсколько часовъ уѣдетъ, и я не буду знать съ какими мыслями онъ уѣхалъ... Нѣтъ, нѣтъ. Это невозможно.

— Я думаю, что самое лучшее ему уѣхать. И онъ, и вы успокоились бы...

— Перестаньте пустяки говорить! Какой можетъ быть у меня покой?! Я мѣста не нахожу. Ахъ, да что вы понимаете!

— Все понимаю... Страдаю за васъ, Богъ видитъ.. Ночи не сплю... — Марфа Степановна вытерла платкомъ слезы.

— Я знаю, что лечу въ пропасть, но остановиться уже не могу. Ничего не подѣлаешь! — Екатерина Никитишна поднялась со скамьи, тяжело вздохнула и взяла Марфу Степановну подъ руку. — У меня ноги ослабѣли. Далеко еще?

— Порядочно. Не бѣгите такъ: еще рано.

— Ахъ, нѣтъ. Пока дозвонитесь, пока вызовите, пока одѣнется...

Она опять пошла быстрымъ шагомъ, похожимъ на бѣгъ. Тоска давила сердце, и въ то же время какая-то

гдѣ-то далеко запрятанная тѣнь надежды на что-то давала силы двигаться впередъ и видѣть стройно-торжественную красоту пробуждавшагося утра среди ароматовъ сочно разросшейся листвы густого далеко раскинувшагося парка.

Подлѣ площади Екатерина Никитишна остановилась.

— Я не пойду къ нему. Идите вы, разбудите и скажите, что я жду его здѣсь.

Марфа Степановна пошла черезъ площадь, оставивъ Екатерину Никитишну на дорожкѣ парка. Она оперлась спиной о бѣлый стволъ березы, заалѣвшій подъ лучами солнца, и осталось такъ стоять въ тревожно-напряженномъ ожиданіи. Кругомъ была тишина. Надъ головой ея чирикнула какая-то птичка и перелетѣла дальше. Гдѣ-то далеко прокатили колеса, и опять была чуткая тишина яркаго восхода. Листва, пронизанная солнцемъ, горѣла свѣтлымъ изумрудомъ. Щедро и радостно ласкала природа утомленную тоской душу, и на нѣсколько минутъ Екатерина Никитишна какъ бы растворилась въ этой ласкѣ, уйдя отъ самой себя. Она подумала, что такъ стоять у бѣлаго ствола березы, въ сіяніи чистаго и тихаго утра, съ тѣнью надежды на какую-то возможность счастья, — есть само счастье въ сравненіи съ безсонными ночами, преисполненными мрачной тоски, тщетно заливаемой алкоголемъ...

Прямо передъ ней по дорожкѣ ровнымъ неторопливымъ шагомъ шелъ Павликъ. Онъ былъ безъ шляпы, блѣденъ, съ опущенными книзу глазами. У нее сразу что-то сорвалось въ сердцѣ, упало и вдругъ забилось и заколотилось, заливъ горячимъ потокомъ крови все лицо. Она отшатнулась отъ дерева, хотѣла идти впе-

редъ, но ноги совсѣмъ ослабѣли, дыханіе захватило, и она осталась стоять, глядя въ упоръ на приближавшагося Павлика. Руки и губы замѣтно дрожали. Онъ подошелъ вплотную, и тогда поднялъ поразившій ее глубокой печалью взглядъ:

— Вамъ угодно было, чтобы я пришелъ... — Онъ наклонился, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Она все продолжала смотрѣть на него. Только теперь она впервые увидѣла, какъ сильно измѣнились у него глаза, какая новая складка лежала между бровей, — тоски или упорной холодной мысли. Она почувствовала къ нему одновременно и жалость, и страхъ въ безсиліи побороть то, что залегло складкой на его большомъ чистомъ лбу.

— Павликъ... ты... уѣзжаешь? — Вопросъ прозвучалъ почти шопотомъ.

— Я уѣзжаю. Я написалъ вамъ.

— Павликъ, я пришла сюда, чтобы все выяснить... Я не могу... Ты видишь самъ.

— Я вижу... Екатерина Никитишна, не надо говорить. Я прошу васъ, не надо. Вѣдь, вы же понимаете, что нечего сказать. Простимся, и я уѣду. Я чту въ васъ женщину, которая...

— Нѣтъ, нѣтъ, Павликъ!.. — Она прижала къ груди конвульсивно сжатыя руки. — Не надо, не говори этого. Чти прошлое. Меня больше нѣтъ. Я другая. Павликъ, дай высказаться хоть разъ... вѣдь, я гибну, я презираю себя, я оскорблена въ самой себѣ, но огонь разгорается, я охвачена пожаромъ. Дай руку мнѣ. Послушай, я сгораю; скоро я вся сгорю и тогда я уйду отъ тебя навсегда, и ты ничего слышать обо мнѣ не будешь; теперь же, дай мнѣ глотокъ счастья. Пав-

ликъ, у меня средства есть... уѣдемъ далеко — въ Италію, въ Испанію, въ Америку, — куда хочешь! Вѣдь, мы же, наконецъ, не связаны родствомъ, въ моемъ чувствѣ нѣтъ ничего противоестественнаго и ничего уродливаго. Посмотри на меня: вѣдь, до сихъ поръ я хороша. О, какъ теперь я стала цѣнить свою красоту! Я дамъ тебѣ цѣлый океанъ счастья, потому что я люблю тебя любовію, для которой нѣтъ границъ... Ну, скажи, скажи же хоть слово, пожалѣй меня!.. — Екатерина Никитишна обѣими ладонями сжала руку Павлика. Онъ стоялъ мрачный, холодный, какъ будто весь пустой.

— Что я могу сказать вамъ? — наконецъ, проговорилъ онъ, слабо пожавъ плечами. — Вѣдь, вы же все знаете, все поняли... Я не могу любить васъ никакой любовью, кромѣ любви преданнаго вамъ сына... Иной любви во мнѣ нѣтъ и не будетъ.

Екатерина Никитишна сдѣлала движеніе головой, какъ будто бы она начала задыхаться. Она опять прислонилась къ стволу дерева и, не выпуская руки Павлика, опять заговорила горячимъ, прерывавшимся голосомъ:

— Я тебя умоляю, отрѣшись на нѣсколько минутъ отъ всего прошлаго, выслушай съ желаніемъ понять меня, съ желаніемъ пожалѣть... но нѣтъ, нѣтъ, жалости не надо, не хочу. Мой милый, я умоляю тебя: уѣдемъ куда-нибудь далеко, далеко. Тамъ, среди другой, красивой природы, въ иной рамкѣ, среди чужихъ людей ты, можетъ быть, привыкнешь смотрѣть на меня иными глазами, можетъ быть забудешь прошлое и увидишь передъ собой только женщину, тянущуюся къ тебѣ всѣми силами сердца. Не говори нѣтъ. Вѣдь, я сейчасъ

прошу такъ мало, я прошу только быть съ тобой, прошу не убивать послѣдней искры надежды. Павликъ?!.. Ради Бога!..— Она сжала руки у дрожащаго подбородка и потянулась къ нему.

Онъ стоялъ хмурый и блѣдный, устремивъ усталый взглядъ полузакрытыхъ глазъ куда-то въ сторону.

— Ничего не выйдетъ...—онъ безнадежно покачалъ головой.

— Почему, почему же не выйдетъ?! Павликъ, попробуй... уѣдемъ.

— Вѣрьте мнѣ, это будетъ мука худшая, чѣмъ сейчасъ и для васъ, и для меня. Екатерина Никитишна, я никогда не любилъ и не умѣлъ любить; я только обладалъ женщинами, съ благоговѣніемъ подходилъ къ нимъ, и тотчасъ же съ благодарностью уходилъ. Мнѣ была знакома лишь мимолетная страсть; никакихъ иныхъ чувствъ я не зналъ. На что же вы хотите промѣнять то чувство, которое до сихъ поръ я ношу по отношенію васъ въ сердцѣ своемъ? Я бы презиралъ самого себя, если бы былъ способенъ приблизиться къ вамъ, какъ подходилъ къ другимъ женщинамъ. Ради Бога, прекратимте это тягостное объясненіе. Я предвидѣлъ и не хотѣлъ его, я предпочиталъ уѣхать, не простясь.

— Какая жестокость!.. Нѣтъ, Павликъ, ты не уѣдешь, это невозможно. — У Екатерины Никитишны начали дрожать губы, она силилась удержать слезы.

— Это возможно, это единственный для насъ выходъ. Вы должны понять, Екатерина Никитишна, что надо дойти до крайнихъ предѣловъ нравственнаго мученія, чтобы принять вызовъ, брошенный мнѣ вами три дня тому назадъ въ лѣсу на пикникѣ. Я понималъ, чего

искали вы, и я согласился, отдавая вашу и свою, конечно, жизнь во власть судьбы. Если бы я промахнулся, цѣлясь въ букетъ фіалокъ, то послѣ этого не промахнулся бы, цѣлясь въ свой високъ. И это было бы лучше.

— Павликъ, если ты сегодня уѣдешь, — я не ручаюсь ни за что: и я дошла до предѣла.

Павликъ поднялъ на нее глаза: она стояла, залитая теплыми розовыми лучами. Вся ея фигура, съ закинутой слегка головой, расширенными зрачками и дрожащими на поблѣднѣвшемъ лицѣ губами, выражала страстную напряженную скорбь. На одно мгновеніе въ немъ оборвался клубокъ переживаній, уступивъ мѣсто поклоненію красотѣ, въ такой мѣрѣ была выпукло — прекрасна стоявшая передъ нимъ фигура, — олицетворявшая глубокую скорбь на фонѣ радостно-теплыхъ и нѣжныхъ красокъ рожденнаго утра.

Павликъ опустилъ глаза и тяжело вздохнулъ. Онъ зналъ, что все равно онъ уѣдетъ, такъ какъ иного выхода нѣтъ.

— Отвѣчай же, ради Бога... Ты не уѣдешь? Нѣтъ?

Онъ, молча, горько усмѣхнулся:

— Если я скажу вамъ нѣтъ, вѣдь, вы же не повѣрите мнѣ.

— Во имя Бога, останься. Я знаю, что если ты уѣдешь, то не вернешься. Нѣтъ, я не допущу до этого! Павликъ, умоляю тебя останься. Я понимаю, что тебѣ тяжело, что ты не находишь выхода. Я помогу тебѣ: уѣду я, а не ты, и не увижу тебя до тѣхъ поръ, пока ни почувствую, что справилась съ собой настолько, что задушивъ, зажавъ въ глубинѣ сердца эту мою страшную

мучительную болѣзнь, я ни словомъ, ни взглядомъ не буду выдавать ее тебѣ. Задушить такъ, чтобы ты думалъ, что все конечно, что я вылечилась. Я уѣду на дняхъ же, я даже не буду писать тебѣ; но только я должна знать, что ты тутъ, что все по-старому. Ты не можешь отказать мнѣ въ этой просьбѣ. Я уѣду... даю тебѣ слово. Павликъ, мой милый!... Она протянула къ нему обѣ руки. Крупныя частыя слезы закапали изъ ея печальныхъ глазъ.

— Извольте: при этомъ условіи я остаюсь.

— Ну, вотъ... хорошо!.. теперь мнѣ легче... — Она закрыла руками лицо, стараясь сдержать желаніе громко разрыдаться. — Ты... ты не обращай вниманія: это нервная реакція... я не спала почти всю ночь... Дай мнѣ руку, я сяду тамъ на скамью. Ноги совсѣмъ ослабѣли. Она взяла его подъ руку и, сразу вся ослабѣвшая, сильно опираясь на его руку, медленно прошла къ скамьѣ и опустилась на нее.

Павликъ сѣлъ рядомъ, оперся локтемъ о колѣно, положилъ подбородокъ на ладонь и, глядя передъ собой, задумался. Лицо его стало менѣе хмуро, въ глазахъ растаялъ стальной холодокъ.

— Я сейчасъ пойду за автомобилемъ, они тутъ стоятъ недалеко, — обратился онъ къ ней послѣ короткаго молчанія. — Вамъ надо скорѣе пріѣхать домой и хорошенько отдохнуть.

— И ты не выспался, благодаря мнѣ, — слабо улыбнулась она. — Да, пойди за автомобилемъ, я совершенно разбита.

Онъ поднялся и, свернувъ за уголъ дорожки, скрылся за деревьями. Съ другой стороны мелькнуло между

зеленью кустовъ платье Марфы Степановны. Екатерина Никитишна увидала и позвала ее:

— Сейчасъ Павликъ автомобиль достанетъ. Я совершенно изломана.

— Тутъ и говорить нечего: достаточно взглянуть на васъ, — участливо проговорила Марфа Степановна.

— Я убѣдила его не уѣзжать. Я сама уѣду; такъ будетъ лучше. Побуду одна, успокоюсь...

Марфа Степановна вздохнула. Вскорѣ послышался трескъ мотора. Екатерина Никитишна поднялась. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Прощаясь съ Павликомъ, она крѣпко поцѣловала его въ голову и, не произнеся ни слова, тяжело опустилась на сидѣнье автомобиля, закрыла глаза и велѣла ѣхать. Всю дорогу она молчала. Молча поднялась по лѣстницѣ, молча вошла въ свою комнату, закрыла дверь на ключъ, сбросила шляпку, подошла къ кровати, схватилась за голову и съ тихимъ протяжнымъ стономъ повалилась ничкомъ, лишившись чувствъ.

XI.

Въ небольшой, тепло натопленной артистической уборной было очень свѣтло отъ яркой электрической лампочки, горѣвшей надъ большимъ продолговатымъ зеркаломъ у туалетнаго стола, на которомъ были аккуратно разложены всѣ принадлежности грима. На вѣшалкѣ подлѣ двери висѣло платье, на диванѣ лежали

перчатки, два цвѣтныхъ шарфа, большая шляпа, ленты, вѣеръ, нѣсколько паръ шелковыхъ чулокъ.

Анна сидѣла въ бѣломъ пенюарѣ съ широкими, кружевомъ обшитыми, рукавами и, держа передъ собой небольшое ручное зеркало, осторожно подправляла бровь, въ то время, какъ говорливая, молодая, краснощекая парикмахерша быстрыми движеніями подкалывала локоны на надѣтомъ ею свѣтломъ парикѣ, сильно измѣнявшемъ лицо Анны. Гримъ еще болѣе измѣнялъ его, отнимая ту тонкую неуловимо-капризную прелесть, составлявшую особенность этого лица.

Анна была въ сильно приподнятомъ нервномъ состояніи съ самаго утра, обезпечивавшемъ успѣхъ въ исполненіи роли. Утромъ, совершенно неожиданно, она получила короткую записку отъ Полянова, что онъ только что пріѣхалъ, весь день будетъ занятъ, но въ театрѣ будетъ непремѣнно и проситъ ее послѣ окончанія спектакля поѣхать съ нимъ ужинать.

Мгновенно всколыхнулось все, что было затуманено тонкимъ налетомъ пыли протекшихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки, и сердце забилось желаніемъ встрѣчи съ человѣкомъ, съ которымъ не все еще было договорено, не все было выяснено, не все знакомо, но къ которому опять потянуло съ той же, за эти мѣсяцы забытой, силой.

Первый актъ прошелъ хорошо. Публика апплодировала. Анна чувствовала, что нервный подъемъ прибывалъ. Цѣликомъ уходя въ роль, она въ то же время сознавала, что гдѣ-то въ рядахъ темной, открытой за рампой, пропасти внимательно и одобрительно слѣдятъ за каждымъ ея словомъ и жестомъ улыбающіеся, ласко-

вые глаза Полянова. Каждымъ своимъ словомъ и жестомъ она посылала туда, въ темную пропасть, гдѣ сидѣлъ онъ, отвѣтную горячую волну.

Теперь, сидя передъ зеркаломъ въ свѣтломъ парикѣ, съ подведенными глазами и бровями, измѣнявшими ихъ линiю капризнаго излома, Анна думала о томъ, что снявъ парикъ и гримъ, въ гладкомъ черномъ шелковомъ платьѣ, она явится передъ нимъ болѣе интересная, чѣмъ сейчасъ онъ видитъ ее на сценѣ. Она думала о томъ, что онъ, тонко понимающiй искусство и самъ любящiй сцену, слѣдитъ за ея игрой и оцѣнитъ сильные моменты.

Она уже предвидѣла свой успѣхъ, и волна счастья и радости, подымаясь въ сердцѣ, отражалась въ продолговатыхъ карихъ глазахъ.

Третiй актъ, самый сильный, вызвалъ громъ апплодисментовъ по ея адресу. У Анны отъ сильнаго переживанiя роли дрожали губы, и пальцы были холодны какъ льдинки. Она склоняла голову, благодаря публику, но глаза ея благодарили и искали только одного. Изъ за кулисъ вынесли и подали ей два большихъ букета. Одинъ изъ нихъ былъ все тотъ же изъ алыхъ, любимыхъ ею, гвоздикъ, неизмѣнно кѣмъ-то въ послѣднiе три мѣсяца подносимый ей каждый разъ, когда она выступала. Тотъ, кто посылалъ ей гвоздики оставался для нее загадкой. Другой былъ изъ блѣдныхъ, желто-розоватыхъ чайныхъ розъ. Анна угадала, что эти розы присланы ей Поляновымъ. Она радостно вспыхнула и прижала ихъ къ груди.

Едва опустили занавѣсъ, послѣ долгихъ вызововъ и апплодисментовъ Анна бросилась къ себѣ въ убор-

ную, торопя парикмахершу снять парикъ и причесать ее.

Вошла Марфа Степановна, неизмѣнно состоявшая при ней каждый разъ, какъ она выступала.

— Милая Марфа Степановна, скорѣе помогите мнѣ одѣться. Меня ждутъ сегодня: ужинать поѣду.

— Все готово. Снимайте гримъ. Ахъ, какія чудесныя розы! Новый поклонникъ? И гвоздики тоже хороши. Хоть бы открылся этотъ вашъ гвоздичный обожатель.

— Что говорятъ въ публикѣ?

— Прекрасно! Очень всѣ хвалятъ. А чулки-то гдѣ? Какіе надѣнете?

— Тѣ, что въ кардонкѣ. Гдѣ о-де-колонъ? Марфа Степановна, приготовьте руки вымыть.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Сейчасъ, сейчасъ! — Анна вспыхнула.

— Это я, Анни, — раздался голосъ Павлика.

— Ахъ, это вы, Павликъ. Подождите минутку.

— Хорошо, я подожду тутъ.

Анна, уже снявшая гримъ, съ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы парикмахерша докончила прическу.

— Отъ Екатерины Никитишны письмо днемъ получила, — говорила Марфа Степановна, укладывая въ большой кардонъ театральныя вещи. — Проситъ васъ сообщить ей какъ спектакль сойдетъ и проситъ меня пріѣхать въ субботу, чтобы книги изъ библіотеки привезти и кружевъ на сорочки.

— Какъ себя чувствуетъ?

— Пишетъ, что хорошо. Цѣлый день въ лѣсу проводитъ.

— Это хорошо, что тетя поѣхала освѣжиться. Еслибы не сцена, и я бы поѣхала. Ну, Павликъ, теперь войдите. Анна, причесанная, поднялась отъ туалета и подошла мыть руки къ умывальнику.

— Очень, очень хорошо, Анни. Великолѣпно! Монологъ вы сказали удивительно! — Онъ присѣлъ на край дивана, стараясь не помять лежавшихъ на немъ букетовъ.

— Вы любите эти гвоздики?

— Страшно люблю. И, представьте, до сихъ поръ не знаю, кто ихъ мнѣ каждый разъ присылаетъ... Марфа Степановна, пойдите и раздайте тамъ на чай кому слѣдуетъ, а вы, Павликъ, повернитесь спиной: я переодѣну чулки.

Марфа Степановна вышла. Анна торопливо стала натягивать черный шелковый чулокъ.

— Который разъ я получаю все такія же алыя гвоздики и никакъ не могу добиться отъ кого онѣ, — продолжала Анна прерванный разговоръ.

— Я знаю отъ кого.

— Что?! Вы знаете? — она въ удивленіи повернулась въ сторону Павлика.

— Знаю.

— Ну, скажите: кто же?

— Я.

— Вы сочиняете, Павликъ, — недовѣрчиво проговорила Анна.

— Нѣтъ, я никогда не сочиняю.

— Такъ это вы?!

— Вы, кажется, разочарованы?

— Нѣтъ... я только удивлена. Это очень, очень мило съ вашей стороны, но зачѣмъ же вы молчали? Вѣдь, я не разъ терялась въ догадкахъ при васъ же. Павликъ молчалъ.

— А эти розы, вы тоже не знаете отъ кого? — спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Знаю, отлично знаю: отъ Полянова.

— Развѣ онъ здѣсь?

— Пріѣхалъ сегодня утромъ. Я его еще не видѣла. Мы вмѣстѣ ужинаемъ, онъ ждетъ меня у выхода.

— Вы рады, Анни?

— Мнѣ кажется, что я рада ужасно.

— Вамъ кажется?.. Это забавно! — Онъ разсмѣялся. — А я хотѣлъ предложить вамъ тоже, что сдѣлалъ Поляновъ: вмѣстѣ поужинать. Ну, дѣлать нечего... Я долженъ, значитъ, стушеваться. Однако, мнѣ все-таки очень бы хотѣлось повидать васъ завтра. Это возможно? Или теперь всѣ часы дня и ночи будутъ принадлежать господину Полянову?

— Не говорите глупости, Павликъ. Пріѣзжайте завтра.

— Когда? Можно вечеромъ?

Анна замялась:

— Вечеромъ? Можетъ быть лучше днемъ? Часовъ въ пять? Васъ устраиваетъ?

Павликъ улыбнулся: — Меня больше устраиваетъ вечеромъ, но, конечно, я подчиняюсь вашему приказанію.

— Скажите, что за тонъ! — разсмѣялась Анна. Она переодѣла чулки, надѣла лакированныя туфли и, покрывъ ногти розовой помадой, стоя, полировала ихъ

замшевой щеточкой. — Отъ тети письмо есть; Марфа Степановна сегодня получила.

— Что жъ она пишетъ?

— Хорошо себя чувствуетъ. Какихъ-то книгъ проситъ... Ну, Павликъ, уходите: теперь я готова, сейчасъ надѣну платье и покачу. Будьте душка, завезите ко мнѣ эти милые цвѣты и поставьте ихъ тамъ въ вазы съ водой, а то Марфа Степановна повезетъ массу всякихъ пакетовъ и кардонокъ и перемнетъ ихъ. Постойте, постойте... — Анна вытащила изъ букетовъ двѣ пышныхъ гвоздики и одну розу. — Это я надѣну въ волосы.

— А нельзя ли безъ розы? — спросилъ Павликъ безъ улыбки.

— Онъ обидится... зачѣмъ же?!

— Обидится?.. — Павликъ посмотрѣлъ Аннѣ въ глаза: — а если я обижусь?

— За что же вамъ обижаться? Что съ вами сегодня?

— Тоже, что и всегда... До свиданія.

— Завтра я жду васъ съ чаемъ въ пять часовъ. А вы куда сейчасъ?

— Къ «Ферстеру» ужинать.

— И будете пить?

— Это неизвѣстно.

— Вы же обѣщали мнѣ бросить это милое занятіе.

— Я все время не пилъ, даю вамъ слово.

— Такъ отчего же вы не увѣрены сегодня?

— Нѣтъ, я не буду и сегодня. Подожду до завтра вечера.

— Отчего это будетъ зависѣть?

— Отъ нашего съ нами разговора.

— Значитъ разговоръ будетъ о чемъ-то серьезномъ?

— Да, очень.

— Хорошо, я жду васъ, Павликъ. Еще разъ спасибо за всѣ букеты чудесныхъ гвоздикъ. Поставьте ихъ аккуратно въ воду. До свиданія. Скажите Марфѣ Степановнѣ, чтобы шла сюда; она тамъ въ корридорѣ.

Павликъ поцѣловалъ руку Аннѣ и вышелъ, бережно неся завернутые въ бумагу большіе букеты.

— Марфа Степановна, вы знаете, кто присылалъ мнѣ гвоздики? — говорила Анна, стоя передъ зеркаломъ въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ большимъ вырѣзомъ на спинѣ и на груди, и прикалывая цвѣты въ волосы подлѣ уха. Сочетаніе рыжеватаго цвѣта волосъ съ яркими тонами цвѣтовъ было очень эффектно, оттѣняя еще больше мраморный цвѣтъ лица, на которомъ горѣли каріе, продолговатые, съ длинными рѣсницами глаза. — Ну, какъ вы думаете, кто?

— Откуда же мнѣ знать?

— Павликъ присылалъ. Подумайте, какой скрытный!

— Павелъ Александровичъ? Да что вы? Кто вамъ сказалъ?

— Самъ только что признался.

— Очень это странно!

— Мнѣ жаль, что я, узнавъ это, должна была отказать ему въ просьбѣ ѣхать съ нимъ ужинать, но меня ждетъ Поляновъ. Онъ сегодня пріѣхалъ. Ваши карты не налгали, Марфа Степановна. У васъ третьяго дня выходило, что господинъ съ дороги будетъ и что сердечное объясненіе...

— Сердечное объясненіе выходило съ однимъ и съ другимъ, вы это запомните.

— Развѣ и съ другимъ?.. Интересно знать, съ кѣмъ же это будетъ?.. улыбнулась Анна. — Давайте мнѣ скорѣе шляпку. Гдѣ перчатки? Ну, вотъ, я готова. Милая, вы свезете всѣ вещи ко мнѣ и тамъ ихъ разберете. Я навѣрное вернусь поздно: не ждите меня. Завтра утромъ забѣгите. Вотъ вамъ деньги на извозчика. Ну, до свиданія, я бѣгу.

Натягивая перчатку, Анна вышла въ корридоръ, гдѣ столкнулась съ, неузнаваемой подъ гримомъ комической старой дѣвы, молодой, веселой артисткой.

— Прощайте, душечка — нарочно шепелявя въ тонъ только что игранной роли, мимоходомъ бросила она ей.

Анна прошла позади потемнѣвшихъ и опустѣвшихъ кулисъ, спустилась по нѣсколькимъ ступенямъ, вышла въ полукруглый корридоръ, огибающій ложи, и у широкихъ дверей, ведущихъ къ выходу, увидѣла Полянова, стоявшаго съ заложенными за спину руками и внимательно слѣдившаго за выходившей публикой. Онъ увидѣлъ ее тотчасъ же и, улыбаясь, подошелъ къ ней.

— Ну, вотъ, наконецъ, я вижу васъ. — Они отошли въ сторону и остановились, пропуская мимо себя выливающійся изъ всѣхъ ярусовъ и креселъ потокъ публики. Цѣлуя руку, онъ посмотрѣлъ ей въ глаза. Его взглядъ былъ все тотъ же ласково-смѣющійся. Аннѣ стало необычайно легко и весело. Она крѣпко сжала его руку и отвѣтила такимъ же ласковымъ взглядомъ.

— На сценѣ вы были не та. Я не узнавалъ вашихъ милыхъ глазъ, всего вашего лица. Такая — вы лучше. Поздравляю васъ съ успѣхомъ.

— Благодарю васъ за чудесныя розы.

— Это не отъ меня.

— Не отъ васъ?! — въ глазахъ Анны что-то измѣнилось.

— Я пошутилъ, конечно, отъ меня.

— Ну, вотъ, видите! А мнѣ сразу стало грустно. Если бы не отъ васъ, сейчасъ сняла бы эту розу.

— А какъ же гвоздики? — улыбнулся Поляновъ.

— Гвоздики «семейныя»; это отъ Павлика. Помните, я вамъ говорила о немъ?

— Какъ же, помню. Что же, пойдемте? Насъ ждетъ ужинъ у «Вилли».

Они вышли изъ театра.

У Анны слегка кружилась голова, когда послѣ полуночи она вошла въ свою комнату. Сильно пахло розами и гвоздиками. Она раздѣлась и, въ ночной сорочкѣ, потушивъ электричество, протянулась на кушеткѣ. Нервы были сильно приподняты, въ воображеніи вставали картины пережитаго дня. Свѣтъ уличныхъ фонарей ложился по ковру свѣтовыми четыреугольными бликами, перекрещенными тѣнями отъ стекольныхъ рамъ окна и балкона. Въ комнатѣ было душно, и ароматъ цвѣтовъ пьянилъ ослабѣвшую голову.

Въ совокупностяхъ переживанія минувшаго дня Аннѣ чудились туманныя, но уже коснувшіяся ея души очертанія перспективъ будущаго, тревожно-сложнаго и рѣшающаго. Фантазія, склонная къ мистическимъ исканіямъ, силилась прозрѣть будущее, довѣряясь предчувствіямъ и какимъ-то смутнымъ предвѣдѣніямъ.

Во время ужина она отгадывала желаніе Полянова знать возможно больше о ея личной жизни, и, съ при-

сущей ей въ моменты подъема экспансивностью, она вводила его во всѣ подробности настоящей своей жизни съ планами на ближайшее будущее. Онъ слушалъ внимательно, смотрѣлъ на нее улыбающимися ласковыми глазами, покрывалъ сухощавой энергичной рукой ея лежавшую на столѣ узкую руку и повторялъ свое обычное, заключавшее много оттѣнковъ: «ну, вотъ». Потомъ говорилъ самъ, слегка коснувшись своей сложной жизни, полной непредвидѣнностей и лишенной опредѣленной рамки; перешелъ на тему о необходимости имѣть въ данное, тяжелое для каждаго эмигранта, время потайной ящичекъ въ глубинѣ сердца, гдѣ бы хранились цѣнности, дающія возможность бодро переносить всѣ испытанія. Онъ говорилъ умныя и тонкія вещи, все время лаская взглядомъ свою собесѣдницу. Разговоръ скользилъ съ одной темы на другую, и Поляновъ одинаково умѣлъ оставаться интереснымъ и не шаблоннымъ. Анну плѣняла его сдержанность и неуловимая манера дать почувствовать тонкость своихъ къ ней отношеній.

Ей было съ нимъ хорошо и не хотѣлось разставаться. Ничего не было сказано рѣшающаго, не было возвратовъ мысли къ коротко-промелькнувшему прошлому, не заглядывалось въ будущее; и все-таки Анна, лежа въ легкой полудремотѣ на кушеткѣ, съ радостью думала о томъ, что не только не оборвались нити, но туже затянулась петля ихъ недосказанныхъ отношеній. Для ея фантазій, всегда ищущихъ новыхъ и сложныхъ переживаній, такое недосказанное, и въ то же время, несомнѣнное чувство, окрашивалось тѣми неопредѣленно-заманчивыми красками, которыя горячили и давали ей

новые полеты. Окутанная дымками неясныхъ мечтаній, она заснула на кушеткѣ.

Свѣтало, когда Анна проснулась и перешла на ожидавшую ее свѣжую постель. Глаза слипались отъ здороваго крѣпкаго сна, мысли отяжелѣли, но сознаніе, что есть что-то хорошее и радостное для сердца, вспыхнуло съ пробужденіемъ и тотчасъ же стало вплетаться и растворяться въ сонной, снова надвинувшейся, волнѣ. какъ только Анна склонила голову на подушки кровати.

На слѣдующій день въ пять часовъ Павликъ постучалъ въ дверь ея комнаты. Она встрѣтила его съ неопредѣленной улыбкой, блуждавшей на губахъ съ самаго утра. Глаза ея цвѣта пива были ясны и лучисты.

— Какая точность. — Она взглянула на часы, на которыхъ стрѣлка указывала двѣ минуты шестого.

— Да, иногда я бываю, несмотря на природную лѣнь, очень точнымъ. — Павликъ поцѣловалъ руку Анны и сѣлъ къ столу, гдѣ былъ приготовленъ чай. — Я очень торопился къ вамъ, боясь потерять время, предназначенное для меня. Я не сомнѣваюсь, что вечеромъ вы спять заняты?

— Вечеромъ я позвала къ себѣ Виктора Николаевича. Если вы останетесь, я буду очень рада.

— Нѣтъ, я не останусь, благодарю васъ. Онъ въ которомъ часу придетъ?

— Обѣщалъ въ семь.

— Значитъ до шести съ половиной я могу посидѣть у васъ?

— Конечно, и даже дольше, если захотите.

— Навѣрное не захочу, — спокойно отвѣтилъ Павликъ, поднявъ на Анну упорный взглядъ, въ которомъ

она ничего не могла прочесть. — Скажите, Анни,—продолжалъ онъ,—вы настроены поговорить со мной очень откровенно и очень серьезно?

— Настроена.

— А ласковой быть вы тоже настроены? — онъ улыбнулся.

— Я всегда ласкова съ вами, Павликъ.

— И съ Поляновымъ тоже?

Анна не сразу отвѣтила: — при чемъ тутъ Поляновъ? Онъ одно, вы другое.

— Вотъ именно, что я другое. Я предпочелъ бы, чтобы не я, а онъ былъ это другое.

Анна внимательно посмотрѣла на него: — Павликъ, что съ вами?

— Посмотрите внимательнѣе и вдумчивѣе на эти гвоздики; онѣ отвѣтятъ вамъ.

Анна, подчиняясь его словамъ, перевела взглядъ на букетъ, поставленный наканунѣ самимъ Павликомъ на ея туалетный столъ. Въ ея воображенiи воскресли подобные же букеты, увозимые ею изъ театра въ эту комнату, загадочные, ничего ей не подсказавшiе тогда, давно увядшiе. Она опять перевела взглядъ на Павлика. Въ то же мгновенiе ей все стало ясно. Ея глаза открылись шире; она слегка измѣнилась въ лицѣ. Павликъ не опустилъ пристальнаго взгляда.

— Да, Анни, вы отгадали... Это такъ.

— То есть... я не понимаю, Павликъ...

— Не ищите, Анни, это такъ: вы отгадали. Теперь вы должны понять, почему я не стремлюсь видѣть Полянова.

Онъ медленно потеръ себѣ лобъ и, облокоченной о колѣно рукой, закрылъ глаза.

— Могу я все сказать, Анни? — помолчавъ, спросилъ онъ.

— Да, говорите, но... это такъ неожиданно для меня, что я всѣ мысли растеряла.

— Я понимаю васъ. Я намѣренно молчалъ, дѣлая все, чтобы вы не замѣтили, потому что я не былъ увѣренъ, что неожиданно захватившее меня чувство, достойно того, чтобы вы замѣтили его.

— Но, вѣдь, вы говорили мнѣ, что для васъ женщины существуютъ лишь какъ мимолетная страсть. Я помню даже, когда вы это говорили.

— И я помню: это было на скамьѣ въ Тиргартенѣ. Я говорилъ правду, но очень скоро послѣ этого разговора мое отношеніе къ женщинѣ стало видоизмѣняться и, наконецъ, привело къ тому, что я вполнѣ отчетливо и безповоротно узналъ, что я полюбилъ, наконецъ. Полюбилъ не плотью моею, а всѣмъ существомъ. Сами того не зная, вы переродили меня. Я люблю васъ и ни одну женщину больше знать не хочу.

Все это Павликъ произнесъ, какъ и все что онъ говорилъ, медленно и невозмутимо. Ничто не выдавало его внутренняго волненія. Голова его была опущена, глаза прикрыты ладонью. Наступило долгое молчаніе. Анна сидѣла въ креслѣ, устремивъ на него глаза, отъ волненія полузакрытые длинными, густыми рѣсницами, придававшими особую красоту ея глазамъ.

— Я не торопился провѣрять себя, не торопился высказаться передъ вами, считая, что Поляновъ за дальностью разстоянія уже выдыхается. Я не предполагалъ,

что онъ все-таки окажется на моемъ пути. Замѣтьте, Анни, я говорю: онъ на моемъ пути, а не я на его.

— Почему же онъ на вашемъ, а не обратно?

— Потому что я васъ люблю, а не онъ. Кто любитъ, тотъ не можетъ молчать полъ года, не можетъ не видѣть полъ года.

— Сейчасъ обстоятельства сильнѣе насъ; вы это сами знаете.

— Когда любишь, то становишься сильнѣе всего. Онъ надолго пріѣхалъ?

— Послѣ завтра онъ долженъ уѣхать.

— Если онъ васъ любитъ дѣйствительно, онъ не уѣдетъ, не сказавъ вамъ этого слова; но онъ его не скажетъ, также какъ, я увѣренъ въ томъ, что и вчера онъ вамъ его не сказалъ.

— Почемъ вы это знаете?

— По вашему молчанію. Вы были откровенны со мной и послѣ его отъѣзда подѣлились вашими переживаніями.. Узнавъ, что вы не пріѣдете въ Парижъ, развѣ, любя, онъ могъ бы молчать? Развѣ для него не должно было быть мукой знать, что вы тутъ слишкомъ окружены. Какъ онъ могъ не закрѣпить за собой рѣшительнымъ поступкомъ право на вашу любовь? Чего онъ ждалъ? Свиданія съ вами? Но, вѣдь, прошло почти полъ года! Что это: любовь? Это какая-то сентиментальная идиллія, размазанная на безконечныхъ страницахъ писемъ. Такія идилліи, милая Анни, очень интересны, если рядомъ съ ними не бьется ничье сердце въ безумномъ желаніи окутать васъ настоящей любовью, заключающей въ себѣ всѣ ея элементы. Развѣ я не правъ? — Онъ поднялъ голову и глазами полными нѣж-

ности посмотрѣлъ на Анну. Она, молча, неопредѣленно пожала плечами.

— Если я окажусь не правъ, и за эти три дня онъ скажетъ вамъ о своей любви, предприметъ какіе-нибудь шаги, чтобы найти возможность быть подлѣ васъ, и вы скажете мнѣ, что любите его, то я никогда больше не возобновлю этого разговора. Въ противномъ случаѣ, я прошу васъ, не гоните меня...

Едва Павликъ произнесъ эти слова, какъ въ воображеніи его воскресла картина ранняго утра, когда у ствола березы, озолоченной лучами пурпурнаго восхода, стояла Екатерина Никитишна и, протягивая къ нему дрожащія руки, молила его о томъ же. Ярко и отчетливо остро постигъ онъ въ эту минуту силу ея страданія, еще не законченнаго, еще бьющагося въ ея безсильномъ желаніи задушить его, затопить въ слезахъ, въ винѣ, въ полномъ одиночествѣ и сознаніи своей слабости. Впервые чувство жалости неуловимой тоской задѣло его душу, какъ крыломъ безшумно пролетѣвшей черной птицы. Ему стало жутко за себя: неужели судьба броситъ его въ эту же темную бездну безнадежныхъ страданій?!.. Онъ очнулся отъ нахлынувшихъ на него мыслей. Анна прервала молчаніе:

— Помните, Павликъ, вы говорили мнѣ за ужиномъ послѣ пикника о двухъ женщинахъ?

— Помню.

— Вы любили тогда двухъ женщинъ?

— Нѣтъ, тогда я уже любилъ васъ.

— А другую?

— Другую я не любилъ и не могъ бы никогда любить такъ, какъ она этого хотѣла.

— И это васъ мучило?

— Меня мучило ея желаніе и моя любовь къ вамъ, въ которой я не рѣшался вамъ признаться.

— А та — другая — разлюбила васъ?

Павликъ пожалъ плечами:

— Я не знаю.

— Вы ее не видите?

— Нѣтъ.

— Я думаю, это большая трагедія любить и не быть любимой, — вдумчиво произнесла Анна.

— О, да..... — Павликъ напряженно думалъ, устремивъ взглядъ на Анну. Она была поражена его признаніемъ и не могла разобраться, что творилось въ ея сердцѣ по отношенію его. То, что онъ сказалъ о Поляновѣ, дало толчекъ ея мыслямъ.

— Анни, вы не прогоните меня? Ни въ какомъ случаѣ.

— Я всегда любила васъ, Павликъ...

Онъ поморщился: — Не будемъ говорить о той любви...

— Но, вѣдь, вы сами сказали, что Поляновъ оказался на вашемъ пути, значитъ вы понимаете, что я не могу сейчасъ найти отвѣтныхъ словъ на ваши чувства.

— Я подожду, я заставлю себя ждать терпѣливо. Что бы вы мнѣ сейчасъ ни сказали, гдѣ-то далеко въ подсознаніи моемъ таится увѣренность, что я назову васъ своей женой.

Анна вздрогнула.

— Да... это такъ будетъ... иначе для меня жизнь не можетъ имѣть ни смысла, ни цѣли. Поляновъ безъ васъ жить можетъ, я — не могу, потому что я еще

ни разу не любилъ, а онъ любилъ. Я не искалъ и не звалъ любви. Она пришла сама собой, какъ посланный мнѣ свыше даръ, и я, грѣшникъ, благоговѣйно склонивъ колѣни, весь преисполненъ таинственнаго трепета передъ этимъ дивнымъ чудомъ. Дайте мнѣ вашу руку. Положите ее на голову. Вотъ такъ. Я очень усталъ за это безконечно долгое время молчанія передъ вами, когда вся душа, все существо рвалось къ вамъ. Мы оба свободны, Анни, и можемъ быть такъ счастливы! Я отдамъ вамъ всю душу, все сердце, мозгъ, энергію; во имя васъ я сдѣлаю, что угодно... Анни, милая, могу ли я надѣяться?...

Онъ говорилъ будто въ полузабытьѣ, тихо, растягивая слова, иногда шепча ихъ. Своей рукой онъ прижималъ къ головѣ ея прохладную руку.

— Ради Бога, не будемте теперь говорить объ этомъ. Не спрашивайте меня ни о чемъ. У меня въ мозгу все перепуталось. Вы являетесь для меня въ иномъ свѣтѣ. Меня это поражаетъ, я не могу понять, не могу усвоить этого. Мнѣ кажется это такъ странно, такъ дико!..

— Да, да.. конечно. Но вы постарайтесь привыкнуть къ этой мысли, постарайтесь понять, что вы для меня стали уже давно другой: не той подругой дѣтства и юности, съ которой было только весело и уютно, но новой, желанной, страстно и нѣжно любимой женщиной, для которой я готовъ на что угодно... Родная моя, не гоните меня... Я весь вашъ... Никогда ничьимъ не былъ, теперь весь и навсегда вашъ. Мнѣ никогда никого не нужно было, я гордился и радовался этому сознанію абсолютной свободы. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ васъ, я почувствовалъ свое одиночество, уз-

налъ тоску его и безотрадность... Вотъ сидѣлъ бы такъ безъ конца съ опущенной головой, чтобы ваша милая рука покоилась на ней. Какъ я люблю васъ, Анни! Какъ я боготворю васъ! Я молюсь на васъ! Я готовъ цѣловать на колѣняхъ края вашей одежды.

— Довольно, Павликъ, очнитесь.. — Анна осторожно высвободила руку. — Вы мнѣ все сказали, и теперь не будемъ больше говорить про это. Я должна привыкнуть къ этимъ мыслямъ, и пусть сама жизнь направитъ меня...

— Жизнь тутъ не при чемъ. Вы сами должны рѣшить.

— Для этого надо время.

— Да, время. Я буду ждать и вѣрить; но не мучьте меня слишкомъ долго: я отъ многаго очень усталъ душой.

Анна посмотрѣла на него и поняла, что въ словахъ его была правда: въ лицѣ, во взглядѣ его большихъ свѣтлыхъ глазъ было выраженіе усталости, которой она не замѣчала раньше.

— Чай совсѣмъ простылъ. Вы будете пить? — Прервала она молчаніе подходя къ столу.

— Буду. — Онъ вздохнулъ и придвинулся къ столу.

— Сегодня я писала въ Нейштрелицъ. Подробно описывала тетѣ вчерашній спектакль и мой успѣхъ. А вы давно ей писали?

— Давно.

— Очень скверно.

— Я знаю, что Марфа Степановна напишетъ ей обо мнѣ.

— Милая отговорка! — разсмѣялась Анна. — Скажите, Павликъ, откровенно: вы пьянствуете?

— Нѣтъ. Я совсѣмъ пересталъ пить, потому что вы мнѣ запретили.

— Это хорошо. Я терпѣть не могу пьяныхъ людей. У меня къ нимъ чувство гадливости и какого-то неуважительнаго раздраженія. Съ пьянымъ человѣкомъ я не могу говорить, и что бы онъ ни говорилъ, для меня не имѣетъ никакого значенія, потому что мнѣ кажется, что говорить не онъ, а кто-то отвратительный, внутри его сидящій.

— Я никогда пьяницей не былъ, и задатковъ у меня на это нѣтъ. Пилъ случайно, увѣряю васъ.

Когда на часахъ стрѣлка указала половину седьмого, Павликъ всталъ. Онъ попрощался съ Анной, попросивъ вызвать его къ себѣ послѣ отъѣзда Полянова.

XII.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи. Анна, подъ руку съ Поляновымъ, прошла Бранденбургерторъ и направилась вглубь Тиргартена. Въ густыхъ аллеяхъ было таинственно и красиво отъ лунныхъ узорчатыхъ бликовъ, проникавшихъ сквозь густую неподвижную листву. Было тихо и тепло. Бѣлое платье Анны серебрилось перебѣгающими по немъ бликами высоко всплывшаго въ небесахъ мѣсяца.

На слѣдующій день Поляновъ долженъ былъ уѣхать. Это была ихъ послѣдняя встрѣча. Они вдвоемъ обѣдали въ ресторанѣ, и Поляновъ провожалъ ее домой. Затягивая минуту разставанья, они обогнули громадный паркъ отдаленными узкими и безлюдными дорожками.

— Ну, вотъ!.. Я уѣду, и опять вы съ головой окунетесь въ вашу обычную пеструю жизнь, — говорилъ Поляновъ, закинувъ голову и слѣдя за тѣмъ, какъ облачко, тонкое какъ паутина, медленно наплывая на луну, туманило ея зеленовато-матовый свѣтъ. — А я опять помчусь по волѣ судьбы, безъ опредѣленнаго пристанища, безъ опредѣленной жизни: кочевникъ...

— Вы устали, Викторъ Николаевичъ? — участливо спросила Анна.

— О, да, я очень усталъ, но стараюсь не думать объ этомъ. Будете ли вы по прежнему писать мнѣ? Ваши письма бодрятъ меня и вливаютъ струю энергіи и надежды на лучшее будущее. У васъ — талантъ, у васъ искусство, окутывающіе жизнь тѣмъ фантастическимъ свѣтомъ, который стушевываетъ ея уродливыя пятна. Происходитъ тоже, что съ луннымъ сіяніемъ: поглядите, какая вокругъ красота и поэзія!

Они остановились на перекресткѣ широкой, длинной аллеи. Лунный свѣтъ заливалъ серебристо-зеленоватой мглою глянцевитый асфальтъ, казавшійся ледянымъ путемъ. На голубомъ безбрежіи небесъ появилась воздушная цѣпь облачковъ, плывущая навстрѣчу яркому холодному свѣтилу.

— ...Степью лазурною, цѣпью жемчужною, мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники, съ сѣвера милаго

въ сторону южную... — съ затаенной тоской медленно продекламировалъ Поляновъ. — Да, съ сѣвера милаго въ сторону южную мчусь и я, изгнанникъ моей Родины.

Онъ умолкъ.

— Всѣ мы изгнанники, — тихо и грустно нарушила Анна долго длившееся молчаніе.

— Надоѣли мнѣ эти углы въ чужихъ и чуждыхъ духу моему семьяхъ, надоѣли, утомили ухо чуждые сердцу моему инородные говоры, утомили душу распри. Больно за Россію, жаль оплеванную душу ея, жаль самого себя! Все глубже и глубже въѣдается въ меня страданіе за мученичество Царя. На каждомъ изъ насъ лежитъ несмываемое пятно вины въ его смерти. Если бы я не былъ монархистомъ, то сдѣлался бы имъ во имя идеи искупленія. Я бы хотѣлъ, чтобы монархисты подверглись гоненіямъ, я бы хотѣлъ нести крестъ этотъ, чтобы искупить вину мою передъ мертвымъ, замученнымъ со всей семьей Монархомъ. И какъ бы я теперь ни усталъ, этого будетъ мало для того, чтобы забыть, что и я допустилъ убить его... Бываютъ дни, когда эти мысли до того мучаютъ меня, что я готовъ вернуться въ Россію и явиться въ «Чрезвычайку», чтобы они меня прикончили.

— Нѣтъ, ужъ вы этого не дѣлайте, а то мнѣ некому будетъ писать мои длинныя письма — улыбнулась Анна.

— Ваши письма?!.. Но я думаю иногда, что вы ихъ пишете не мнѣ.

— Какъ не вамъ?

— Да, не мнѣ, а какому-то абстрактному лицу въ моемъ образѣ, созданному вашей фантазіей.

— Какіе пустяки! — Едва Анна произнесла эту фразу, какъ тотчасъ же поняла, что въ словахъ Полянова много правды.

Они пошли по большой аллеѣ. Стремительно скользили запоздалые автомобили, мелькая парой какъ бы живыхъ гигантскихъ, неподвижно устремленныхъ въ пространство, глазъ.

— Какъ бы то ни было, но мнѣ хорошо съ вами, и я счастливъ, что опять видѣлъ васъ. Если я долго не пишу вамъ, значитъ иначе нельзя, и вы не сердитесь на меня, не думайте ничего для меня непріятнаго.

Они вышли изъ «Тиргартена».

— Мнѣ жаль, что вы такъ скоро уѣзжаете, — съ грустью проговорила Анна.

— Что дѣлать! Такова судьба моя.

Они подошли къ ея подъѣзду. Онъ снялъ шляпу и крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Въ которомъ часу вы завтра уѣзжаете?

— Въ одиннадцать утра.

— Хотите я пріѣду на вокзалъ?

— Нѣтъ. Мнѣ бываетъ гораздо грустнѣе разставаться, когда меня провожаютъ. Подумайте обо мнѣ въ тотъ часъ. Хорошо?

— Хорошо. Милый Викторъ Николаевичъ, помните, что я много думаю о васъ и жду новой встрѣчи.

Онъ молча еще поцѣловалъ ея руку, подождалъ, пока она открыла тяжелую дверь и повернулъ обратно. Онъ шелъ медленно, снявъ съ головы шляпу и держа ее въ рукѣ.

Утромъ, совершенно неожиданно, ему было переслано адресованное въ Парижъ письмо отъ женщины,

связь съ которой была порвана почти годъ тому назадъ, и онъ считалъ, что никакое напоминаніе другъ о другѣ уже невозможно.

Письмо, полученное какъ внезапно отдернутая занавѣсъ, открыло передъ нимъ картину все еще тлѣющаго пожара минувшей страсти, могущаго отъ малѣйшаго вѣтерка вновь разгорѣться въ сердцѣ покинутой женщины. Она писала ему, что стоитъ ему сказать слово, и она вернется, что жизнь ея, это только мысль о немъ, мысль о минувшемъ. Каждое слово этого письма дышало искренностью чувства непотухшей еще страсти.—Скажи вернись, — и я пріѣду къ тебѣ хоть на край свѣта, — писала она.

Письмо это взволновало Полянова, разбудивъ и воскресивъ пережитые четыре года неподдѣльно горячей взаимной любви, оборвавшейся неожиданно и странно. Онъ ушелъ безъ страданья, она — затаивъ его. Встрѣча съ Анной затушевала картины того минувшаго, воскресшаго въ этотъ день, благодаря неожиданному призыву съ покинутаго берега.

— Да, — думалъ Поляновъ, направляясь къ себѣ въ гостинницу по утихавшимъ улицамъ. — Да, та любила могучей, широкой любовью и все еще любитъ. Эта думаетъ, что любитъ. Принимаетъ фантазію за дѣйствительность. Но она мила мнѣ, и я готовъ добросовѣстно вторить ей. Ея переживанія тонки и интересны, ея сердечная близость грѣетъ и ласкаетъ. Останься я въ Берлинѣ, быть можетъ связующія насъ нити окрѣпли бы, и фантазія облеклась бы въ конкретную форму; разстояніе, неизмѣнно отдѣляющее насъ, дѣлаетъ

обратное: протянувшіяся отъ одного къ другому нити все болѣе и болѣе утончаются, и фантазія ея все дальше и дальше отходитъ отъ жизни. Пусть будетъ такъ. Надо будущее предоставить жизни. Кто знаетъ?!... — закончилъ онъ свои мысли, входя въ номеръ гостинницы, гдѣ на письменномъ столѣ лежало полученное имъ утромъ письмо. Оно напомнило ему, что въ то время, какъ Анна спокойно ляжетъ спать, мысленно перебирая впечатлѣнія проведеннаго съ нимъ вечера, другая далекая, годъ тому назадъ дорогая и близкая ему женщина, все еще тоскуетъ, все еще желаетъ и ждетъ.

Не задумываясь, не ища въ своихъ поступкахъ логики, онъ, перечтя письмо, сѣлъ къ письменному столу и написалъ ей, что пробудетъ въ Баваріи три мѣсяца, найдетъ возможность достать ей визу и зоветъ ее на нѣсколько времени къ себѣ. «Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря, оно къ землѣ воротится опять»... такъ докончилъ онъ свое письмо.

Въ это же самое время Анна, войдя въ свою комнату, благоухающую букетами подносимыхъ ей цвѣтовъ, увидѣла на кругломъ столикѣ визитную карточку отъ Андрея Андреевича Вишнева, съ припиской о томъ, что второй разъ онъ тщетно старается ее увидѣть и проситъ позвонить ему. Она отложила карточку. Мелькнули картины нѣсколькихъ вечеровъ, проведенныхъ съ Вишневымъ, нѣсколько странныхъ разговоровъ, рисующихъ Вишнева въ высшей степени симпатичной окраскѣ. Она знала, что Вишнева считали утонченно развращеннымъ человѣкомъ, относящимся къ женщинѣ съ эгоистической точки зрѣнія, знала, что Вишневъ поддерживалъ этотъ взглядъ на себя, но она, особенной ей

присущей чуткостью, скоро разобралась въ его психологіи и поняла, что, рядомъ съ чувственностью, онъ былъ одаренъ громадной бережливостью къ переживаніямъ каждой женщины и дотрогивался до ихъ сердечныхъ струнъ нѣжной и ласковой рукой. Онъ цѣнилъ мимолетныя къ себѣ привязанности съ чувствомъ знатока драгоцѣнностей и никогда не рвалъ грубой и безжалостной рукой связующія нити. Въ его любви включалось много дружбы, въ дружбѣ много любви. Онъ любилъ всѣхъ женщинъ за то, что онѣ женщины, онъ всѣмъ имъ измѣнялъ и всѣмъ оставался вѣренъ. Анна чувствовала въ его глазахъ ласкающій взглядъ эстета, всегда готоваго замкнуть въ своей большой, теплой рукѣ хорошо отшлифованный, сверкающій гранями камень. Привыкшая къ быстрымъ побѣдамъ, Анна цѣнила спокойную сдержанность опытнаго и уже остывающаго поклонника культа любви. Она понимала, что его бурная страстность съ годами утихла, но что мозгъ его по прежнему готовъ любить и измѣнять. Ихъ частыя встрѣчи, сперва у Екатерины Никитишны, затѣмъ у нее или за рестораннымъ столикомъ, породили особыя отношенія, застывшія на границѣ, гдѣ все полно догадокъ, неясныхъ желаній и возможностей. Въ ея отношеніяхъ къ Вишневу и къ Полянову она провела параллель и изумилась, какъ много было общаго, съ той лишь разницей, что въ первомъ случаѣ она сознавала тонкую игру артистки, тогда какъ съ Поляновымъ одерживала верхъ фантазія, которой подчинялся мозгъ. Она вспомнила слова Павлика о томъ, что Поляновъ уѣдетъ не произнеся слова люблю; вспомнила послѣднее свиданіе съ Павликомъ, его неожиданное, но неподдѣльное въ сво-

ей искренности и любви признаніе, вспомнила его просьбу вызвать его къ себѣ, какъ только уѣдетъ Поляновъ.

Она сѣла къ письменному столу, достала листокъ толстой продушенной почтовой бумаги, и, безъ размышленій, подчиняясь минутному импульсу, написала ему:

«Жду васъ, Павликъ, завтра вечеромъ. Только что простилась съ Поляновымъ: да, вы были правы... До сихъ поръ не могу привыкнуть къ мысли о всемъ томъ, что вы мнѣ говорили. Это такъ странно и такъ ново. До завтра».

Анна запечатала конвертъ, и сама пошла опустить письмо въ почтовый ящикъ, находившійся наискось отъ дома. Вернувшись обратно, она распахнула окно и, не зажигая электричества, стала раздѣваться въ матово-голубоватомъ сіяніи луны, озарявшемъ ея комнату. Громадное овальное зеркало въ бѣлой лакированной рамѣ, повѣшенное надъ большимъ, тоже бѣлымъ лакированымъ столомъ, отражая лунный свѣтъ, казалось таинственнымъ и сказочнымъ. Стоя передъ нимъ въ одной сорочкѣ и расчесывая длинные рыжеватые волосы, она казалась самой себѣ тоже сказочной и таинственной. Она думала о Поляновѣ и о Павликѣ, отгадывая тонкимъ чутьемъ, что Павлику суждено будетъ сыграть въ ея жизни какую-то серіозную роль.

XIII.

Екатерина Никитишна проснулась поздно и нарочно, чтобы затянуть время, лежала въ кровати, закинувъ руки подъ голову и глядя на потолокъ, гдѣ лежали яркія полосы солнечнаго свѣта, проникавшаго сквозь опущенные зеленые рѣшетчатые ставни. Въ комнатѣ, несмотря на открытыя на ночь окна, было душно, потому что августъ стоялъ жаркій и потому что потолокъ, въ незатѣйливой чистенькой комнатѣ стараго патріархальнаго и старомоднаго отеля, былъ низкій. Обстановка была простая. Брошенный на спинку кресла желтый крепъ-де-шиновый капотъ, открытый дорогой кожи несессеръ съ хрустальными принадлежностями туалета, тонкій запахъ духовъ и всѣ тѣ непередаваемыя мелочи, окружающія привыкшую къ роскоши женщину, не соотвѣтствовали общему настроенію комнаты.

Екатерина Никитишна шевельнула головой и тотчасъ же почувствовала привычную въ ней тяжесть, которая исчезала только среди дня. Мысли ползли медленно и тяжело въ усталой, не освѣженной сномъ, головѣ. Это были все однѣ и тѣ же мысли, и все также онѣ давили мозгъ, все также оставались безотрадны и безотвѣтны. Она думала о томъ, что вотъ уже три недѣли, какъ она уѣхала изъ Берлина въ этотъ маленькій го-

родокъ, пропитанный ароматомъ окрестныхъ полей и лѣсовъ, съ тихой, нетребовательной, провинціальной жизнью, гдѣ вставали и ложились рано, гдѣ въ одиннадцать часовъ городокъ былъ погруженъ въ покой, тишину и темноту, и гдѣ бурныя страсти казались неумѣстны и искусственны. Городокъ былъ занятъ своей личной жизнью, своими повседневными интересами, и никому не было дѣла до красивой иностранки, одиноко поселившейся въ маленькомъ отелѣ на маленькой площади.

Она надѣялась въ полномъ одиночествѣ найти въ себѣ силы, чтобы справиться съ чувствомъ, безнадежно сжигавшемъ ея сердце или, по крайней мѣрѣ, задушить его настолько, чтобы боль, оставаясь въ глубинѣ сердца, не рвалась наружу. Марфу Степановну она не взяла съ собой, не смотря на всѣ ея просьбы: кромѣ желанія оставаться совершенно одной, Екатерина Никитишна хотѣла черезъ нее знать о жизни Павлика, оставшагося въ Берлинѣ. Разъ въ недѣлю Марфа Степановна пріѣзжала въ Нейштрелицъ съ книгами изъ библіотеки, со всевозможными порученіями для рукодѣлія и съ нѣсколькими бутылками неизмѣннаго хорошаго коньяку.

Солнце было высоко, когда она поднялась съ кровати и стала лѣниво одѣваться. На ея звонокъ вошла всегда улыбавшаяся неуклюжая блондинка горничная. Она открыла ставни, приготовила холодной воды для умыванья и пошла за кофе. Красота русской знатной дамы плѣняла и притягивала простодушную, мало видѣвшую на своемъ вѣку, деревенскую дѣвушку, и она съ особеннымъ удовольствіемъ прислуживала ей. Вмѣстѣ съ утреннимъ кофе она принесла на подносѣ письмо

изъ Берлина. Екатерина Никитишна равнодушной рукой вскрыла его. Письмо было отъ Вишнева, сообщавшее, что въ этотъ день, ниболѣе для него свободный, онъ пріѣдетъ въ часъ дня навѣстить ее, согласно ея желанію, переданному ему черезъ Марфу Степановну.

Тѣмъ же безразличнымъ жестомъ она отложила письмо и посмотрѣла на часы въ браслетѣ: оставалось полтора часа до прихода поѣзда. Она чувствовала такую апатію послѣ скверно проведенной, по обыкновенію, ночи, такую усталость жизни, что пріѣздъ Вишнева, который она сама вызвала, представлялся ей въ эту минуту ненужной обузой. На дняхъ она думала, что если передъ нимъ, посвященнымъ въ ея тайну, она выльетъ за эти долгія три недѣли одиночества накопившуюся тоску и боль сердца, то ей станетъ легче; сегодня же ей казалось ненужнымъ раскрывать передъ кѣмъ бы то ни было незаживаемыя язвы сердца. Что можетъ сказать онъ ей въ утѣшеніе? Зачѣмъ ей его сочувствіе или жалость? Чѣмъ глуше замкнуться ото всѣхъ, тѣмъ лучше. Все равно никто не въ силахъ остановить движеніе ея жизненной стрѣлки къ глухой и безотрадной полуночи.

Такъ думала она, медленно одѣваясь и причесываясь, не глядя въ зеркало, совершенно безразличная къ самой себѣ, ко всему, что только не было ея страданіемъ. Только пріѣзды Марфы Степановны слегка выводили ее изъ замкнутаго тѣснымъ кольцомъ страданія и полнаго отсутствія интереса къ жизни, потому что Марфа Степановна обстоятельно и подробно разсказывала ей о Павликѣ, котораго нарочно для этой цѣли подъ разными предлогами навѣщала;

кромѣ того она всегда знала о немъ отъ Анны. Такимъ образомъ Екатерина Никитишна узнала, что Павликъ ведетъ спокойный образъ жизни, часто бываетъ у Анны, всегда справляется о ней, самъ ѣздитъ въ библіотеку, чтобы отобрать для нея книги. Марфа Степановна не нашла нужнымъ подѣлиться съ Екатериной Никитишной нѣкоторыми своими наблюденіями, начавшимися съ того вечера, какъ Анна сказала ей въ артистической уборной, кто тайно подносилъ ей громадные букеты гвоздикъ. Несложный умъ Марфы Степановны схватывалъ сложныя жизненныя положенія и безошибочно отгадывалъ ихъ развитія.

— Пересталъ кутить, — значитъ пересталъ страдать, — подумала о Павликѣ Екатерина Никитишна. Въ своемъ одинокомъ страданіи она почувствовала себя еще болѣе одинокой.

Когда башенные часы на маленькой, озаренной солнцемъ, площади пробили половину перваго, она надѣла шляпу, вышла изъ своей комнаты, спустилась по вощеной деревянной лѣстницѣ и, черезъ каменную терраску, уставленную столиками для посѣтителей, вышла на площадь. День былъ жаркій и безвѣтренный. Городокъ утопалъ въ сіяніи солнца. Черезъ площадь видны были окраины небольшихъ прямыхъ улицъ, заканчивавшихся зелено-сиреневатыми далями полей и рощъ. Екатерина Никитишна свернула влѣво и, мимо великолѣпнаго парка, направилась къ вокзалу. Она шла медленной, усталой походкой. Рѣдкіе прохожіе съ интересомъ смотрѣли на высокую, красивую иностранку, одѣтую слишкомъ нарядно для ихъ провинціальнаго, городка. Въ большой черной шляпѣ, съ густымъ вуа-

лемъ, сквозь который глядѣли печально и безразлично прекрасные глаза, она шла, погруженная въ тягостно опутавшія ея мозгъ мысли, прямо глядя передъ собой, не замѣчая наивной прелести небольшихъ домиковъ съ палисадниками, въ которыхъ пышно цвѣли кусты розъ. Прямыя улички, не знающія немолчнаго грохота извозчичьихъ колесъ и трамвайныхъ звонковъ, лишенныя сутолоки разношерстной толпы, казались, въ своей пустотѣ и тишинѣ, озаренныя лучами горячаго солнца, обвѣянныя ароматами садовъ и близкихъ полей и лѣсовъ, цѣломудренно чисты.

Перейдя небольшую, зеленѣющую по краямъ, площадь, она поднялась по широкимъ ступенямъ вокзала. Нѣсколько человѣкъ мущинъ и скромно одѣтыхъ дамъ, съ чемоданчиками и пакетами, ожидали прибытія поѣзда. Строгаго покроя сѣрое шелковое платье, такого же цвѣта замшевыя туфли и тонкій запахъ дорогихъ духовъ, вызвали любопытство къ ея личности. Она, стоя неповижно у самаго края платформы и глядя вдоль рельсъ, откуда долженъ былъ появиться поѣздъ, не замѣчала настойчиво устремленныхъ въ ея сторону взглядовъ. Она думала о томъ, что можетъ быть Вишневу внезапно что-нибудь помѣшаетъ, и онъ не пріѣдетъ; тогда она вернется въ свою комнату, гдѣ ей будетъ поданъ обѣдъ, во время котораго она сможетъ, по обыкновенію, выпить нѣсколько рюмокъ крѣпкаго вина и, съ затуманившимися мыслями, опоенная, пойдетъ одиноко тихо бродить до вечера по лѣсу, единственному живому свидѣтелю ея неутѣшныхъ слезъ. Когда будетъ смеркаться, она вернется усталая въ свою комнату, попробуетъ читать, потомъ опять будетъ ду-

мать все о томъ же, сонъ будетъ бѣжать ея глазъ, она сядетъ у открытаго окна; тишина мирно засыпающаго городка, вмѣстѣ съ ночными тѣнами, будетъ вливаться въ ея одинокую комнату, тоска будетъ рости и нестерпимо давить сердце, пока она не зальетъ ее крѣпкимъ виномъ. Тогда тоска зашипитъ какъ змѣя и будетъ извиваться кольцами, крѣпче опутывая и сжимая сердце, но дурманъ, мало по мало вливаясь въ ея отравленное жало, сдѣлаетъ свое дѣло: она разомкнетъ кольца и на нѣсколько часовъ уляжется на двѣ сердца. Она распуститъ узелъ своихъ черныхъ волосъ, ближе придвинетъ къ раскрытому окну кресло, и, откинувъ ослабѣвшую отъ дурмана голову, будетъ долго глядѣть въ ночное, усѣянное звѣздами небо.

Минувшая жизнь пройдетъ передъ ея глазами яркими картинами. Воскреснетъ все утерянное дорогое, согрѣетъ мимолетнымъ прикосновенiемъ утомленную и одинокую душу, и все настоящее покажется блѣднымъ, ненужнымъ заблужденiемъ, отъ котораго такъ просто и легко отойти, — стоитъ только захотѣть.
Опять она будетъ вѣрить, что воля ея сильна, что утромъ она проснется, какъ бывало раньше, бодрая и безпечная и, шутя, отстранитъ злое навожденiе, тяготѣющее надъ сердцемъ. Слезы вѣры въ освобожденiе отъ унизительной сжигающей страсти польются изъ глазъ, и она будетъ творить сбивчивую молчаливую молитву, обращенную къ звѣзднымъ небесамъ и такъ уснетъ, пока первые лучи солнца ни скользнутъ по ея опущеннымъ на колѣни рукамъ...

Екатерина Никитишна очнулась отъ своихъ мыслей: поѣздъ по второму пути подходилъ къ платформѣ.

Желаніе, чтобы Вишнева въ немъ не оказалось, стало напряженнымъ. Дверцы вагоновъ распахнулись, и тотчасъ же изъ вагона напротивъ вышелъ Вишневъ въ сѣромъ англійскомъ костюмѣ, съ небольшимъ, желтой кожи, сакомъ въ одной рукѣ и палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ въ другой. Онъ сейчасъ же увидѣлъ ее и, переходя рельсы, улыбался ей, кивая головой.

— Здравствуйте, милая. Ну, какъ же вы тутъ?..— сгибаясь, чтобы поцѣловать протянутую ему руку, говорилъ Вишневъ, пытливо оглядывая ея немного похудѣвшее лицо.

Темные, съ мягкимъ блескомъ, глаза казались больше на осунувшемся, попрежнему прекрасномъ лицѣ.

Она отвѣтила ему блѣдной, молчаливой улыбкой, взяла подъ руку, и они пошли къ выходу.

— Какъ тутъ хорошо! Я и не зналъ, что существуетъ такое прелестное мѣсто и такъ недалеко отъ Берлина, — говорилъ Вишневъ, подлаживая свой шагъ къ ея шагамъ. Всю дорогу до гостинницы, ничего не спрашивая о ней самой, онъ разсказывалъ ей берлинскія новости изъ жизни эмиграціи. Она была ему благодарна за эту чуткость.

— Мы гдѣ будемъ обѣдать? — спросилъ онъ, подымаясь по ступенямъ отельной террасы.

— Обыкновенно я ѣмъ у себя въ комнатѣ, но сегодня я думаю отобѣдать съ вами здѣсь на террасѣ. Намъ мѣшать не будутъ, такъ какъ всѣ столующіеся здѣсь обѣдаютъ внутри ресторана.

— Отлично, — согласился Вишневъ, бросая на стулъ подлѣ столика шляпу и перчатки.

Во время обѣда, который Вишневъ, любившій тонкую кухню, заказывалъ съ особенной тщательностью, Екатерина Никитишна почувствовала, что пріѣздъ его ей не въ тягость, и что она опять заговоритъ съ нимъ о томъ, что привело ее въ это изгнаніе. Она видѣла, что онъ, умѣвшій тонко разбираться въ женской психологіи, отгадываетъ ея настроеніе и намѣренно обходитъ молчаніемъ все, что можетъ имѣть близкое соприкосновеніе съ ея переживаніями.

Они обѣдали одни. Площадь въ этотъ обѣденный часъ была совершенно пуста, всѣ магазины были заперты. Тишина и спокойствіе часовъ отдыха нарушались только боемъ часовъ на башнѣ, возвышающейся надъ всѣмъ городкомъ. Среди площади зеленѣлъ небольшой квадратный скверъ, густо засаженный деревьями, съ памятникомъ одного изъ курфюрстовъ.

Солнце начинало захватывать уголъ террасы и подбираться къ столику, когда обѣдъ былъ оконченъ. Вишневъ съ удовольствіемъ допилъ янтарнаго цвѣта хорошее столовое вино. Екатерина Никитишна отодвинула свой стулъ.

— Отдохните немного и тогда пойдемте въ вильдпаркъ. Онъ великолѣпенъ, — предложила она Вишневу.

— Съ удовольствіемъ. Черезъ полъ часа я буду въ вашемъ распоряженіи.

Они поднялись по деревянной лѣстницѣ и прошли въ свои комнаты. Екатерина Никитишна чувствовала себя бодрѣе. Она сѣла писать письмо Аннѣ, такъ какъ Вишневъ сказалъ, что увидитъ ее въ этотъ же вечеръ: прямо съ вокзала онъ проѣдетъ къ ней пить вечерній

чай. Едва она докончила письмо, какъ онъ прислалъ сказать, что ждетъ ее на террасѣ.

Медленнымъ шагомъ, подъ руку, пройдя короткую тихую улицу, они, мимо парка со статуями римскихъ боговъ и богинь, прошли къ желѣзнымъ рѣшетчатымъ воротамъ, украшеннымъ наверху двумя бронзовыми фигурами оленей.

Подчищаемый, но не тронутый въ своей дикости, сосновый вильдпаркъ, залитый солнцемъ, высился могучими прямыми золотисто-бронзовыми стволами къ безоблачно синему небу. Опавшія иглы покрывали землю мягкимъ скользкимъ ковромъ. Сквозь томно свѣсившіяся подъ лаской солнца хвойныя вѣтви, разогрѣтыя тепломъ, испускавшія пьяный смолистый ароматъ, на землю падали яркія золотыя пятна и прозрачныя тѣни. Кругомъ была тишина, и было величіе лѣса, безмолвно творящаго свою тайную, одной землѣ вѣдомую, вѣковую жизнь произрастанія.

— Какъ хорошо!.. прознесъ Вишневъ, останавливаясь подъ громадной сосной и наполняя легкія смолистымъ теплымъ воздухомъ. — Какая тишина!.. Да, здѣсь можно отдохнуть отъ немолчной жизненной суеты. Вы здѣсь часто бываете?

— Каждый день. Отсюда иду въ паркъ, расположенный черезъ поле по другую сторону шоссе. Тамъ еще лучше.

Изъ за отдаленной сосны вышелъ олень и, насторожившись, неподвижно сталъ, красивымъ изгибомъ повернувъ въ ихъ сторону голову, увѣнчанную раскидистыми рогами, казавшимися легкими, въ изящномъ

очертанія линій. Екатерина Никитишна, молча, указала на него.

— Какъ хороша природа, и какъ жизнь оторвала насъ отъ нее, — вздохнулъ Вишневъ. — Все въ ней до краевъ полно и успокоительно.

— Ахъ, нѣтъ, не успокоительно. — Екатерина Никитишна тяжело вздохнула. Они опустились на почернѣвшую скамью подъ старой развѣсистой сосной. — Вотъ уже три недѣли, какъ я тутъ одиноко брожу со своей тоской, и природа не шлетъ мнѣ успокоенія. Вокругъ меня все цвѣтетъ и поетъ, все тянется къ жизни, а я, выброшенная изъ этого міра, въ мірѣ тѣней и скорби: некуда мнѣ дѣваться, нѣтъ мнѣ нигдѣ успокоенія.

— Успокоеніе придетъ неминуемо. Tout passe, tout lasse, tout casse, — задумчиво проговорилъ Вишневъ.

— Да, tout passe, tout lasse, а до тѣхъ поръ какъ дожить? Вы видѣли его? — помолчавъ спросила она.

— Недавно видѣлъ гдѣ-то въ ресторанѣ.

— Одинъ или въ компаніи?

— Онъ былъ съ вашей племянницей.

— То, что я его не вижу, еще болѣе увеличиваетъ мое страданіе. Въ то же время, вѣдь, я опредѣленно поняла, что ничто измѣниться не можетъ, что я, цѣной какихъ угодно страданій, должна примириться съ этой мыслью и задушить, заколотить какъ въ гробѣ мое безумное чувство. Все это я поняла, отогнавъ безвозвратно всякія надежды, смирившись передъ суровой судьбой. Значитъ, такова доля моя. По мнѣ сходили съ ума, изъ за меня дрались на дуэли, съ восторгомъ

ловили мою улыбку, и вдругъ нашелся человѣкъ, которому оказалась не нужна моя любовь.

— Потому что человѣкъ этотъ слишкомъ мало опытенъ, чтобы оцѣнить даръ, который вы, такой щедрой рукой, протягиваете ему. Я знаю людей, которыхъ головы закружились бы отъ счастья, подари вы ихъ долей вашего вниманія. Я увѣренъ, что когда ему стукнетъ лѣтъ сорокъ, онъ за голову схватится при мысли о томъ, что онъ потерялъ. Что дѣлать! Чтобы понимать сложное, тонкое и необычайное, надо самому многое пережить, узнать основныя краски жизни, чтобы умѣть разбираться въ составныхъ. Что можетъ вамъ дать этотъ милый, но совершенно не соотвѣтствующій вамъ ни въ чемъ человѣкъ? Вы избалованы поклоненіемъ и вниманіемъ, вамъ нужна извѣстная утонченность чувствъ и отношеній. Vous êtes une raffinée. Хорошо, что судьба не допустила васъ подойти къ нему слишкомъ близко, иначе вы скоро поняли бы, что не туда попали, и отошли бы, но тогда ваши отношенія навсегда были бы искалѣчены, и у васъ остался бы отвратительный осадокъ непоправимо совершеннаго безразсудства и униженія.

— Все это есть и теперь.

— Теперь страдаетъ лишь чувство самолюбія, но и оно ничѣмъ не запятнано: переживанія не есть факты. Когда онъ будетъ думать, что вы выздоровѣли, ваши отношенія мало по малу вольются въ прежнюю форму, и съ годами у него будетъ назрѣвать сожалѣніе, что вы все-таки сумѣли убить въ себѣ нѣчто цѣнное, чѣмъ онъ не сумѣлъ воспользоваться, причинивъ вамъ, при этомъ, массу страданія.

— Мнѣ безразлично, что онъ будетъ думать, когда я буду старуха...

— Вы долго пробудете здѣсь? — помолчавъ, спросилъ Вишневъ.

— Пока не почувствую, что у меня достанетъ силы видѣться съ нимъ, дѣлая видъ, что все покончено, и что я здорова. Да, будь Анатолій подлѣ меня, ничего подобнаго не могло бы случиться. — Она тяжело вздохнула.

Они поднялись со скамьи и пошли въ лѣсъ, расположенный черезъ поле. Высокія груды щебня для настилки шоссе были навалены по краю лѣса. Тутъ же были налажены, убѣгающія узкой полосой, рельсы съ маленькими вагонетками для подвоза щебня. Отъ лѣса тянуло влажной, пахнувшей землей и листомъ, прохладой. Между могучими стволами буковъ, дубовъ и каштановъ, виднѣлась небольшая ложбина съ зацвѣтавшей на днѣ водой и сухимъ прошлогоднимъ листомъ. Гущина лѣса была таинственна и маняща.

Перешли черезъ рельсы, черезъ разсыпанный, бѣлѣющій подъ солнцемъ, щебень и спустились по отлогому склону въ лѣсъ. Они шли молча: не хотѣлось нарушать тишину, въ которой творилась, невидимая съ перваго взгляда, непрерываемая жизнь лѣсного царства.

По зеленой, яркой какъ изумрудъ, прогалинкѣ быстро пробѣжала рыжая проворная бѣлочка, скользнула по стволу березы и, держась лапками за ея бѣлый опоясанный солнечнымъ лучемъ, стволъ, замерла, что-то выжидая. Потомъ рванулась внизъ, опять вверхъ и исчезла въ зеленой гущинѣ вѣтвей.

Они дошли до небольшой площадки, на которой, слившись громадными, похожими на слоновую кожу, стволами, росли три бука. Дальше стояла каменная низкая скамья. Кругомъ все заросло раскидистыми густыми старыми деревьями. Въ травѣ что-то неумолчно гомозилось и шуршало. Все было пропитано солнцемъ, тепломъ, ароматами и радостью бытія, радостью жизни, той радостью, которая отлетѣла отъ души Екатерины Никитишны.

— Вотъ на этой скамейкѣ я сижу цѣлыми днями съ книгой или работой, которая падаетъ изъ рукъ подъ наплывомъ тяжелыхъ и докучныхъ мыслей, — проговорила Екатерина Никитишна, опускаясь на скамью, надъ которой нависли вѣтви. — Въ этомъ зеленомъ царствѣ, въ тишинѣ и одиночествѣ проходятъ передъ моими глазами картины моей жизни, начиная чуть ли ни съ дѣтства. Такъ странно мнѣ, что изъ свѣтлаго прошлаго вылилось такое печальное, безвыходное для души, настоящее. — Она умолкла и поникла головой, опустивъ руки на колѣни.

— Смотрю я на васъ со стороны, хорошая вы моя, и просто вѣрить не хочется: этакая красавица и разумница сохнетъ, плачетъ и мѣста себѣ не находитъ по человѣкѣ, который и оцѣнить-то ее не можетъ. Ужъ лучше бы вы въ меня влюбились, — улыбнулся Вишневъ и посмотрѣлъ на нее блеснувшими улыбавшимися глазами.

— Ужъ, конечно, было бы лучше, — улыбнулась и она ему въ отвѣтъ.

Когда солнце стало спускаться, они вернулись въ отель и ужинали на той же террасѣ. Екатерина Ни-

китишна, выпивъ крѣпкаго вина, слегка освободилась отъ навязчивой тоски. Она проводила Вишнева на вокзалъ, постояла на платформѣ, пока поѣздъ ни отошелъ и медленно, не глядя по сторонамъ, вернулась въ отель, поднялась въ свою комнату и сѣла въ кресло у открытаго окна. Внезапно и неожиданно для самой себя она рѣшила, что черезъ недѣлю вернется въ Берлинъ, чтобы встрѣчаться съ Павликомъ, надѣвъ маску полнаго спокойствія и душевнаго равновѣсія. Отъ такого рѣшенія ей стало сразу легче. Въ эту ночь она первый разъ заснула безъ сильной дозы алкоголя.

Вишневъ прямо съ вокзала проѣхалъ къ Аннѣ, засталъ у нея Павлика и сразу понялъ, что его приходъ былъ непріятенъ Павлику, который, просидѣвъ еще нѣсколько минутъ, и не проронивъ почти ни слова, поднялся и уѣхалъ.

— Я, кажется, спугнулъ его? — улыбнулся Вишневъ, когда за Павликомъ закрылась дверь.

Анна пожала плечами:

— Не знаю.

— Навѣрное. Я стрѣляный воробей: и не хочу видѣть, а вижу все, что касается области чувствъ.

— И не ошибаетесь?

— Никогда. Вѣдь, ничего не зналъ, а вотъ вошелъ сейчасъ къ вамъ и сразу все понялъ.

Въ эти минуты Вишневу стало понятно, почему Павликъ уступилъ просьбамъ Екатерины Никитишны и остался въ Берлинѣ.

— Чѣмъ дольше она останется тамъ, тѣмъ лучше будетъ для нея, — подумалъ онъ объ ней.

Анна въ этотъ вечеръ была особенно интересна, въ

темно зеленомъ легкомъ шелковомъ платьѣ, похожемъ на хитонъ. Ея лучистые глаза блестѣли загадочно, губы ярко алѣли, на мраморномъ лицѣ выступила легкая краска. Она была въ нервно-приподнятомъ настроеніи. Вишневъ въ первый разъ почувствовалъ силу ея скрытаго темперамента, въ тотъ вечеръ вылившагося въ длинной бесѣдѣ съ нимъ. Онъ почувствовалъ, какъ ея очарованіе слегка пьянило и дурманило его. Она много говорила о своихъ фантазіяхъ, которыми наполняла жизнь и которыми всецѣло жила; онъ понялъ, что вся ея сила и обаяніе именно въ этихъ фантазіяхъ, что въ ней горитъ неугасаемый огонь, зажигающій искры даже въ такихъ отвѣдавшихъ горѣніе всякимъ пламенемъ, какимъ былъ онъ.

— Вы любили когда-нибудь?

— Не знаю, — отвѣтила она, сидя съ закинутыми подъ голову руками и блестя изъ подъ опущенныхъ густыхъ рѣсницъ такими же рыжевато-пивными, какъ волосы, глазами. — Когда я бывала вмѣстѣ, то мнѣ казалось, что я люблю такъ, что жить не могу безъ «него», но какъ только «онъ» уходилъ, я понимала, что это не такъ, что мою любовь «онъ» приноситъ и уноситъ съ собой.

— Что жъ, это хорошо, — глядя на Анну взглядомъ внимательнаго оцѣнщика, произнесъ Вишневъ.

— Я тоже думаю, что это хорошо, потому что такимъ образомъ я остаюсь свободной.

— Ну, а теперь какъ?

Анна скосила на него глаза и встрѣтила его одобрительный, улыбавшійся взглядъ.

— Я еще сама ничего не знаю. Пусть само все сдѣлается....

— Нѣжный вампиръ, — подумалъ Вишневъ.

Онъ ушелъ отъ нее поздно, едва поймавъ послѣднiй подземный поѣздъ.

Выйдя изъ «унтергрунда», онъ пошелъ вдоль засаженной густыми деревьями, длинной, прямой улицы. Было поздно и пусто. Яркое лунное сiянiе заливало голубыя небеса и воздухъ, ложась на широкую панель узоромъ разсыпанной сажи сквозь густую, неподвижную листву.

Онъ снялъ шляпу и, не спѣша, пошелъ по этому черному узору.

— Если бы лѣтъ десять назадъ, захватилъ бы я ее. А теперь — зачѣмъ?... — Онъ вздохнулъ:— Развѣ я тотъ?! Старость, о которой я всю жизнь боялся думать, вотъ она уже и на мнѣ. Самое страшное, что не во мнѣ, а только на мнѣ. Мысли, желанiя — все тѣ же... Мозгъ рисуетъ все тѣ же горячiя картины, а старость, какъ только протягиваешь къ нимъ руку, тушитъ, расплываетъ въ сознанiи слабѣющихъ силъ. Какъ любилъ «ихъ» раньше, такъ люблю и теперь, но раньше любилъ любовью активной, теперь любовью воображенiя, какъ называютъ это французы l'amour cérebral. -А прежде!......... — Вишневу начали рисоваться одна за другой пестрыя картины его блестящей жизни въ столицѣ, поѣздки за границу, неожиданныя, полныя страстныхъ аккордовъ, встрѣчи... дальше, глубже назадъ: служба въ гвардiи, юность, война на Балканахъ... и все женщины, вездѣ женщины, къ которымъ страстно тянутся его руки и которыя такъ же

страстно отвѣчаютъ на его желанія. Самая сильная, самая доминирующая нота изъ всѣхъ его любовныхъ аккордовъ, это, какъ стрѣла промелькнувшая, страсть къ гибкой цыганкѣ, тамъ... далеко на берегахъ Невы, жившей въ деревянномъ домикѣ въ Новой Деревнѣ.... Пріѣзжалъ въ свѣтлыя морозныя ночи, стряхивалъ съ усовъ и съ разгорѣвшагося лица пушинки снѣга... звенѣли шпоры... звенѣли радостью всѣ струны сердца, бурлила молодая кровь... Она встрѣчала его вспыхивавшимъ румянцемъ и блескомъ въ черныхъ влажныхъ глазахъ... неловко протягивала руку съ большимъ изумрудомъ на среднемъ пальцѣ... Раздражающе томно въ сосѣдней комнатѣ вздыхали подъ чьими-то пальцами струны гитары.. кто-то низкимъ голосомъ тихонько подпѣвалъ «Ахъ, не забыть мнѣ васъ, дивныя очи,.. еще хоть разъ.. увидѣть васъ..» она кутала плечи въ яркій пестрый платокъ и украдкой улыбалась ему, и въ этой улыбкѣ онъ уже отгадывалъ ея признаніе... О, молодость! О, счастье бурь!... Онъ всегда чувствовалъ свою мужскую силу, свою власть надъ женщинами, смягченную пониманіемъ ихъ и, въ силу этого, всегда бережливую. Не было ни одной женщины, съ которой бы онъ разстался врагомъ: для всѣхъ онъ остался другомъ, и, при случайныхъ потомъ встрѣчахъ, было тепло сердцу.

Подходя къ дому, Вишневъ, неожиданно для самого себя, выяснилъ почему его любовь къ женщинамъ стала теперь только мозговой: потому что всю жизнь онъ давалъ имъ болѣе, чѣмъ онѣ могли ему дать. Въ этомъ заключалась его сила и его мужская гордость. Годы, незамѣтно посеребрившіе его волосы, начинали ска-

зываться, и, въ сознанiи невозможности дать женщинѣ прежнюю бурю переживанiй, начала уменьшаться въ немъ жажда ихъ близости. Съ отсутствiемъ этой близости стала изчезать тайна, всегда порхающая вокругъ женщины. Роль зрителя отрезвляла, и холодному мозгу, не затуманенному страстными порывами, вся формула любви становилась слишкомъ ясна и понятна....

Войдя съ такими мыслями въ свой кабинетъ, Вишневъ написалъ Аннѣ письмо, въ которомъ называлъ себя Крезомъ, растратившимъ свое богатство и завидующимъ тому, къ кому протянется ея рука, полная драгоцѣнныхъ самоцвѣтныхъ камней.

На слѣдующее утро онъ послалъ это письмо, вложенное въ букетъ чайныхъ розъ.

XIV.

Прошло два мѣсяца. Стояли для поздней осени необычайно теплые дни. Послѣднiй желтый листъ въ обилiи осыпалъ длинные бульвары и широкiе тротуары Берлина. Возвратившаяся изъ курортныхъ мѣстъ публика пестрой толпой наполняла улицы, освѣщенныя косыми, все еще теплыми лучами осенняго солнца.

Екатерина Никитишна, послѣ сильнѣйшаго сердечнаго припадка, все чаще и чаще повторявшагося за послѣднее время, полулежала на кушеткѣ, съ распущенными волосами, блѣднымъ лицомъ и глубокими тѣнями вокругъ глазъ. Марфа Степановна, проведя тревож-

ную безсонную ночь, тоже была блѣдна, но не измѣняла себѣ, оставаясь спокойной и распорядительной.

— Присядьте ко мнѣ, — слабымъ голосомъ позвала ее Екатерина Никитишна въ то время, какъ она, окончивъ вытирать пыль, хотѣла выйти изъ комнаты.

— Вы думаете, онъ возьмется за это дѣло? — спросила она, послѣ того, какъ Марфа Степановна, придвинувъ стулъ, сѣла подлѣ кушетки.

— Обязательно возьмется. Тутъ и думать нечего. Развѣ вы не знаете, что разъ онъ что рѣшилъ, то и выполнитъ.

— Это ужасно!... — вздохнула Екатерина Никитишна, болѣзненно сдвигая брови.

— А по моему, ничего тутъ ужаснаго нѣтъ, и напрасно вы все это такъ близко къ сердцу принимаете, разстраиваетесь и болѣете.

— Что вы говорите, Марфа Степановна! Развѣ вы не понимаете, что онъ хочетъ взяться за это дѣло, чтобы матеріально не зависѣть отъ меня?!

— Очень понимаю. И что жъ тутъ особеннаго? Коли хочетъ, пусть такъ и дѣлаетъ. Все равно послѣ вашей смерти свое получитъ, если до тѣхъ поръ сами всего не спустите, бросая безъ толку направо и налѣво.

— Онъ сопьется съ этимъ ресторованнымъ дѣломъ.

— Не ребенокъ, чтобы за нимъ ходить. Коли сопьется — себѣ хуже сдѣлаетъ. Слава Богу, тридцать лѣтъ; свой разумъ имѣетъ..

— Онъ соглашается на это дѣло только потому, что у меня денегъ брать не хочетъ. Развѣ мнѣ это не больно?!

— Я увѣрена, что онъ все равно за это дѣло взялся бы, такъ какъ по теперешнему времени и въ его годы совсѣмъ невозможно безъ дѣла быть и самому не зарабатывать. Хотѣлъ бы спиться, такъ на ваши деньги давно бы могъ пьяницей стать.

— Это совсѣмъ не то. Сидѣть по обязанности каждый вечеръ до поздней ночи въ угарной и пьяной обстановкѣ, по неволѣ будешь втягиваться въ нее.

— А я вамъ скажу, что вы на него не тѣми глазами смотрите. Отлично онъ свою жизнь понимаетъ. Вотъ вы захворали и думаете, онъ не пойметъ отчего? Отлично пойметъ. А этого не слѣдовало бы...

Екатерина Никитишна только вздохнула въ отвѣтъ.

— Онъ сегодня будетъ у меня?

— Говорилъ, что заѣдетъ, если рано освободится.

Раздался осторожный стукъ въ дверь, и вошелъ средняго роста брюнетъ, хорошо сохранившійся, съ очень пріятнымъ лицомъ, спокойными, увѣренными манерами и внимательно и пристально глядящими умными глазами. Взглядъ ихъ былъ очень глубокъ и мягокъ; въ немъ легко отгадывался сильный волевой импульсъ.

— Вотъ и докторъ, — произнесла, вставая, Марфа Степановна

Докторъ Кенигъ неторопливыми шагами подошелъ къ кушеткѣ, протянулъ руку Екатеринѣ Никитишнѣ, внимательно посмотрѣлъ на нее и привѣтливо улыбнулся:

— Ну, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ онъ по нѣмецки.

— Сейчасъ лучше, но какая тоска!...

— Вы выполняете ваше обѣщаніе?

— Да, я ничего не пила, но.... если тоска не уменьшится, я, конечно, опять буду пить, потому что другого исхода нѣтъ.

— Тогда будетъ еще хуже. Чѣмъ больше пьете, тѣмъ сильнѣе реакція послѣ отрезвленія. Это надо понять. Вамъ не жаль себя? Вы разрушаете свое здоровье и красоту.

— Ни того, ни другого мнѣ больше не надо, милый докторъ.

— Сейчасъ вамъ можетъ быть и не надо, но вы не знаете, что ждетъ васъ въ будущемъ.

— Будущаго у меня больше нѣтъ: я окончена, я — полный банкротъ.

— Это я не думаю. — Кенигъ покачалъ головой, серьезно глядя въ полузакрытые глаза больной. Онъ провѣрилъ ея пульсъ, который оказался довольно слабъ, выслушалъ сердце и, оставшись недоволенъ ея состояніемъ здоровья, что-то обдумывая, молчалъ.

— Что, милый докторъ, не хорошо? — прервала его молчаніе Екатерина Никитишна.

— Да, не хорошо. Вы относитесь къ себѣ слишкомъ небрежно. Это можетъ окончиться скверно.

— Если бы вы знали, докторъ, какъ мнѣ все это безразлично! Вѣдь, вы же понимаете, что я не живу: я только страдаю.

— Уѣзжайте отсюда.

— Нѣтъ, я не могу уѣхать: будетъ хуже. Вѣдь я уже пробовала.

— Вы продолжаете все въ тѣхъ же условіяхъ видѣть этого человѣка?

— Да, мы видимся, и я теперь не выдаю себя ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ.

— Это для васъ хуже, чѣмъ если бы вы совсѣмъ не видѣлись, такъ какъ волненіе и сильное напряженіе воли, повторяющіяся при каждомъ свиданіи, пагубно дѣйствуютъ на ваше слабое сердце. Для васъ было бы лучше уѣхать и не видѣть этого человѣка, если вы увѣрены, что онъ не можетъ отвѣтить на ваши чувства.

— Я не могу уѣхать.

— Тогда бросьте пить.

— А чѣмъ заглушать тоску? Милый докторъ, вы сами видите, что положеніе мое безвыходно! уѣду — буду еще больше пить отъ тоски, остаюсь — меньше пью, но сильнѣе страдаю при каждомъ свиданіи. Такъ ли, иначе ли — моему сердцу надлежитъ страдать безъ конца.

Кенигъ отошелъ къ письменному столу и написалъ рецептъ.

— Можете ли вы обѣщать мнѣ, что вмѣсто алкоголя будете принимать это лекарство при сильныхъ приступахъ тоски?

— Хорошо, я вамъ обѣщаю.

— Вамъ было бы полезно немного уснуть: вы очень ослабѣли, — проговорилъ Кенигъ, садясь подлѣ больной, вплотную придвигая къ кушеткѣ стулъ и кладя руку на ея лобъ. Рука его была теплая, и прикосновеніе ея вызвало у Екатерины Никитишны пріятное, успокоительное ощущеніе.

— Ахъ, какъ хорошо! подержите такъ еще, — проговорила она, закрывая глаза. На лицѣ Кенига сколь-

знула едва уловимая улыбка. Онъ плотнѣе прижалъ ладонь, не отрывая пристальнаго волевого взгляда. Мало по малу съ лица больной какъ будто бы стали отлетать тѣни, туманившія его прелесть; оно становилось спокойнѣе, складки между бровей сгладились, опущенные углы губъ приняли обычно мягкую, нѣжную линію.

— Какъ хорошо... — тихо и сонно повторила она, хотѣла поднять руку, чтобы пожать руку доктора, но сейчасъ же безвольно опустила; грудь ея поднялась отъ глубокаго облегченнаго вздоха, и она крѣпко и спокойно заснула. Во время этого короткаго сна Кенигъ, по прежнему не отрывая взгляда и не снимая руки, внушалъ ей не пить вина и быть спокойной.

Тѣмъ же способомъ внушенія онъ разбудилъ ее.

— Вы еще здѣсь, докторъ? — удивилась она, открывая глаза. — Мнѣ казалось, что я такъ долго и крѣпко спала.

Онъ ничего не отвѣтилъ, провѣрилъ ея пульсъ, посидѣлъ еще нѣсколько минутъ и ушелъ, взявъ съ нее обѣщаніе, что въ этотъ день она никого къ себѣ не приметъ и рано ляжетъ спать. Это же самое онъ повторилъ Марфѣ Степановнѣ:

— Если она не будетъ настаивать, то сдѣлайте такъ, чтобы и завтра она не видѣла тѣхъ, чье присутствіе вызываетъ ея волненіе.

— Да, я это устрою, если она не будетъ слишкомъ настойчива. Вы не можете себѣ представить, докторъ, какъ она бываетъ настойчива и властна, если что-нибудь хочетъ.

— Я это знаю, — улыбнулся Кенигъ, — но вы очень

энергичны и сумѣете успокоить ее и предотвратить то, что можетъ усилить ея болѣзненное состояніе.

— Ну вотъ, Павликъ и не пришелъ, — уныло отозвалась Екатерина Никитишна, когда наступилъ вечеръ.

— Это и лучше для сегодняшняго дня, — отвѣтила Марфа Степановна — Послѣ припадка вамъ нуженъ полный покой. Докторъ просилъ, чтобы вы приняли лекарство и пораньше легли спать.

Послѣ ухода Кенига Марфа Степановна телефонировала Павлику, прося ни въ этотъ день, ни на слѣдующій не заѣзжать къ Екатеринѣ Никитишнѣ, которой предписанъ полный покой.

Послѣ пріема лекарства Екатерина Никитишна почувствовала легкую сонливость. Съ кушетки она перешла въ свою спальню. Мысли ея плыли медленно и были легки и пріятны. Хотя сердце было слабо, но и оно казалось облегченнымъ, освобожденнымъ отъ острыхъ тисковъ обычной тоски. Несмотря на блѣдность, лицо просвѣтлѣло, линія губъ приняла мягкое очертаніе.

— А что, Марфа Степановна, не заходилъ тотъ молодой человѣкъ, который папиросы продавалъ? Бывшій офицеръ?

— Заходилъ. Я сказала, чтобы зашелъ завтра.

— Ахъ, Боже мой, кто васъ просилъ?! Отчего вы не доложили мнѣ.

— Да не сердитесь вы, ради Бога, не волнуйтесь. Одинъ день подождетъ, не велика важность.

— Нѣтъ, важность очень велика, когда человѣкъ безъ денегъ, и у него голодная семья. Второй разъ даромъ приходитъ. Это невозможно! Если не хотѣли

меня безпокоить, могли вложить въ конвертъ, какъ я вамъ сказала, пятьсотъ марокъ и передать отъ меня.

— Вы опять на меня разсердитесь, а только, воля ваша, если будете по пятисотъ марокъ раздавать, такъ скоро процентовъ не станетъ и придется вамъ капиталъ тронуть.

Екатерина Никитишна нетерпѣливо поморщилась:

— Пожалуйста, Марфа Степановна, не учите меня. Я сама знаю, какъ мнѣ надо обращаться съ деньгами. И какъ вамъ не стыдно?! Свои родные русскіе офицеры, по всей Европѣ слоняющіеся безъ крова и безъ работы, а вы жадничаете.

— Я не жадничаю, а только ужъ слишкомъ вы размашисты. Одному пятьсотъ, другому пятьсотъ, такъ и самимъ не хватитъ.

— Пусть лучше не хватитъ, чѣмъ слишкомъ много будетъ. Вы отобрали кое-что изъ моего бѣлья и платья? — помолчавъ спросила Екатерина Никитишна?

— Отобрала.

— Навѣрное дрянь всякую.

— Совсѣмъ не дрянь, а ужъ, конечно, не новыя вещи.

— Да, да, я понимаю васъ, — укоризненно улыбнулась Екатерина Никитишна, и такъ прекрасна была эта улыбка щедраго сердца на блѣдномъ усталомъ лицѣ, что Марфа Степановна, скупо оберегавшая интересы своей любимой госпожи и друга, почувствовала, какъ волна умиленія залила тепломъ ея сердце. Съ глубокой любовью и преданностью она опустилась передъ ней на колѣни, чтобы расшнуровать ей ботинки.

— Ахъ, легко вамъ будетъ умирать, Екатерина Никитишна, — проговорила она, стараясь удержать навертывавшуюся слезу.

— Умирать?!.. Да, можетъ быть, а жить не легко мнѣ теперь.

— Это навожденіе. Оно скоро отойдетъ отъ васъ. Вотъ сегодня уже вамъ легче. И вина этого проклятаго не пили.

— Да, мнѣ легче. Кажется, я скоро засну. Потушите свѣтъ.

Екатерина Никитишна опустила голову на подушку и черезъ нѣсколько минутъ крѣпко заснула, благодаря усыпительной микстурѣ, прописанной докторомъ.

XV.

Въ большомъ очень нарядномъ и модномъ ресторанномъ залѣ, раздѣленномъ аркой на двѣ части: болѣе обширную и меньшую, носившую интимный и уютный характеръ, горѣли подъ сиреневыми и желтыми, какъ гигантскіе тюльпаны, абажурами яркіе электрическіе огни. Почти всѣ столики были заняты и, подъ заливающіеся звуки небольшого струннаго оркестра, стоялъ оживленный говоръ слегка охмелѣвшей публики. Мужчины, опустошая бокалы, съ наслажденіемъ выпускали, вмѣстѣ съ горячимъ дыханіемъ, кольца папироснаго и сигарнаго дыма. У женщинъ алѣли губы и щеки, блестѣли и искрились влажные глаза, изъ подъ рѣсницъ

змѣились грѣшные, полные запретныхъ желаній взоры. Порой взоры скрещивались и, какъ электрическіе токи, вспыхивали мгновенными ослѣпительными искрами, рождавшими въ тѣлѣ минутный трепетъ.

Павликъ, взявшій на себя, по довѣренности капиталиста собственника, обязанность завѣдыванія всѣмъ дѣломъ ресторана, сидѣлъ недалеко отъ стойки съ винами и, вмѣстѣ съ двумя помощниками, поминутно отлучавшимися по хозяйственнымъ дѣламъ, пилъ черный кофе съ ликеромъ. Онъ былъ щегольски одѣтъ въ черный костюмъ. Среди посѣтителей ресторана онъ выдѣлялся чѣмъ-то неуловимымъ въ манерахъ и лицѣ. Его спокойствіе, какъ и всегда, граничило почти съ апатіей. Это сказывалось въ удобныхъ, немного небрежныхъ позахъ, а больше всего, въ свѣтлыхъ глазахъ съ поволокой, затуманенныхъ невысказанной грустью. Иногда онъ устремлялъ взглядъ въ какую-нибудь неопредѣленную точку и забывалъ все окружающее, думая о чемъ-то такъ напряженно, что не видѣлъ и не слышалъ того, что вокругъ него происходило. Ресторанная атмосфера, въ ея специфическомъ угарѣ и дурманѣ, обнажаетъ во всемъ трагизмѣ срывъ человѣческой души. Въ эти поздніе часы ночи, въ фантастическомъ желто и сиренево-опаловомъ освѣщеніи, подъ цыганскіе и русскіе мотивы, его охмелѣвшій мозгъ слабѣлъ, не будучи въ силахъ сдержать стонъ наболѣвшей души. Въ пьяныхъ рѣчахъ и пьяномъ смѣхѣ Павлику слышались рыданія и жалобы потерявшихъ свою Родину и заливающихъ пьянымъ виномъ горечь тайныхъ слезъ. Устремивъ въ пространство взглядъ, Павликъ чувствовалъ, какъ подымаются въ сердцѣ его

подобные же потоки горькихъ непроливаемыхъ слезъ. Душевный срывъ готовъ былъ дойти до крайнихъ предѣловъ, потому что сердце его, въ которомъ все глубже и ярче росла и разцвѣтала первая безбрежная любовь, тщетно рвалось, ища рѣшающаго и безповоротнаго отвѣта. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сказалъ Аннѣ о своей любви, ихъ отношенія мало измѣнились. Не за долго передъ возвращеніемъ Екатерины Никитишны въ Берлинъ, Анна уѣхала въ артистическое турнэ. Она исполняла свое обѣщаніе и писала, отвѣчая короткими записками на его длинныя, полныя горячаго чувства, письма. Она никогда не упоминала ни о Поляновѣ, ни о своихъ къ нему отношеніяхъ. Долго не получая отвѣта на свои опредѣленно поставленные вопросы, Павликъ рѣшилъ во что бы то ни стало хоть на время попробовать заглушить въ себѣ чувство къ ней, не дающее ему ничего, кромѣ мучительныхъ переживаній. Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ онъ принялъ другое: освободить себя отъ всякой матеріальной зависимости по отношенію Екатерины Никитишны, которая, несмотря на всю выдержку, несмотря на искусстную и жестокую для своего сердца игру, все же не могла обмануть его: онъ отгадывалъ, что подъ маской спокойныхъ дружескихъ отношеній, бьется, истекая слезами, тяжело раненное сердце.

Теперь, матеріально независимый, онъ чувствовалъ себя легче въ ея присутствіи. Сравнивая ея переживанія со своими .о отношенію Анны, ему становилось ее глубоко жаль.

Было поздно. Павликъ оставилъ столикъ, гдѣ сидѣлъ съ двумя помощниками, и, пересѣвъ въ кре-

сло въ углу за аркой, смотрѣлъ передъ собой неподвижнымъ отсутствующимъ взглядомъ, напоминавшимъ взглядъ человѣка, нанюхавшагося кокаина. Лицо его было устало; въ откинутой на ручку кресла рукѣ и протянутыхъ ногахъ чувствовалась тоже усталость. Нѣсколько дней онъ перемогалъ себя; его лихорадило и болѣла голова, но онъ не сдавался, продолжая вести обычный образъ жизни. На душѣ было не хорошо, такъ какъ нѣсколько дней отъ Анны не было извѣстій, и ему мерещилось, что извѣстій нѣтъ потому, что Поляновъ пріѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ она находилась въ данное время. Въ этотъ вечеръ онъ тщетно старался заглушить щемящее чувство боли и ревности. Онъ не замѣчалъ бросаемыхъ въ его сторону ласковыхъ и вызывающихъ женскихъ взглядовъ, напряженно думая объ Аннѣ, образъ которой съ необычайной ясностью стоялъ передъ его глазами. За это время для него стало несомнѣннымъ, что ни разлука, ни разстояніе, ни ея нерѣшительная сдержанность, ничто не въ силахъ измѣнить или ослабить его чувства къ ней, самаго сильнаго, самаго глубокаго изъ всѣхъ его переживаній.. Онъ пробовалъ не думать о ней, пробовалъ ослабить любовь мимолетными встрѣчами, наконецъ рѣшилъ отдаться во власть сильному увлеченію женщины, встрѣча съ которой становилась по своимъ послѣдствіямъ роковой для нея, для него же она оказалась только утомительной обузой.

Лакей обогнулъ, обошедши позади столиковъ, ресторанный залъ, подошелъ вплотную къ креслу, въ которомъ неподвижно сидѣлъ глубоко задумавшійся,

будто что-то упорно созерцавшій Павликъ, и, перегнувшись изъ за его плеча, проговорилъ вполголоса:

— Васъ проситъ дама. Она ждетъ въ автомобилѣ.

Павликъ медленно повернулъ голову въ сторону говорившаго:

— Сейчасъ.

Онъ о чемъ-то подумалъ и, съ неизмѣннымъ выраженіемъ безразличія и апатіи на блѣдномъ лицѣ, поднялся и, не спѣша, направился позади столиковъ къ тяжелой выходной стеклянной двери. У подъѣзда стоялъ автомобиль. Павликъ подошелъ.

— Я за тобой. Уже двѣнадцать часовъ. — Въ открытую дверцу высунулась нарядная женщина въ дорогихъ мѣхахъ. Она была красива, съ тонкимъ профилемъ, большимъ характернымъ ртомъ и сѣрыми, казавшимися совсѣмъ темными, глазами. Изъ подъ мѣховой шляпы падали на уши пепельнаго цвѣта завитки. Она говорила по нѣмецки, сильно картавя. Протянутая Павлику рука безъ перчатки была очень бѣла, нѣжной формы, съ крупнымъ бриллiантомъ на безымянномъ пальцѣ.

— Сегодня мнѣ трудно освободиться, — отвѣтилъ Павликъ, цѣлуя протянутую руку.

— Прошу тебя освободись. Мужъ вернется домой очень поздно, и часа два я могу быть съ тобой. Я нарочно уѣхала съ вечера пораньше. Вѣдь, ты мнѣ обѣщалъ.... Мы сговорились.

— Развѣ мы сговорились на сегодня?

— Конечно. Какъ ты сталъ забывчивъ!

— Мнѣ нездоровится.... — вяло проговорилъ Павликъ, зябко поводя плечами.

— Что съ тобой? Зачѣмъ же ты выбѣгаешь безъ пальто и шапки? Сегодня такъ вѣтренно. Милый, не раздумывай такъ долго: поѣдемъ къ тебѣ. — Она обѣими руками сжала его руку. — Мнѣ надо многое разсказать тебѣ...

— Хорошо. Обожди минуту. — Онъ оставилъ ее и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ пальто и шапкѣ.

Указавъ шофферу адресъ, онъ сѣлъ въ автомобиль.

Отворивъ входную дверь своимъ ключемъ, осторожно, чтобы не шумѣть, пройдя по темному корридору, Павликъ, держа Грету Меснаръ за руку, прошелъ съ нею въ свою хорошо обставленную комнату, повернулъ въ двери ключъ и зажегъ электрическую, подъ голубымъ обажуромъ, лампу. Грета Меснаръ сбросила мѣховое пальто и, снявъ шляпу, передъ зеркаломъ оправила прическу. Въ черномъ полуоткрытомъ платьѣ, съ крупными бриллiантами въ ушахъ и на груди, она была красива замѣтной породистой красотой. Венгерка по происхожденiю, замужемъ за нѣмцемъ — виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, она привыкла къ поклоненiю и первый разъ въ жизни чувствовала себя порабощенной.

Оглядѣвъ хорошо знакомую, милую для нея комнату, она сѣла на диванъ, слѣдя за каждымъ движенiемъ Павлика. Онъ подошелъ къ письменному столу, прочелъ полученную въ его отсутствiи открытку, прошелъ къ стоявшему подлѣ дивана креслу, устало опустился на него, закрылъ глаза и провелъ рукой по волосамъ.

— Усталъ я, да и нездоровится мнѣ что-то.

— Милый, эта ресторанная жизнь безъ отдыха каждую ночь истреплетъ твои нервы. Долго ли это такъ будетъ продолжаться? — грустно произнесла Грета Меснаръ, придвигаясь къ нему и притягивая его къ себѣ.

Онъ молча, безразлично пожалъ плечами. Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Ты сегодня меня любишь меньше.... Отчего?

— Не знаю.

Она вздрогнула:

— Значитъ, я угадала. Пауль, прошу тебя, скажи мнѣ, что съ тобой? Ты измѣнился ко мнѣ, я это ясно вижу. Мнѣ кажется, что ты теперь не такъ охотно встрѣчаешься со мной. Отчего это?

— Грета, я усталъ жить.

— Ты жить усталъ? Такой молодой?! Впрочемъ, конечно, эта жизнь не для тебя, я понимаю, но.... за что же ты ко мнѣ измѣнился?

— Ахъ, не знаю, не знаю.... Не спрашивай.

Опечаленная, она положила голову ему на плечо:

— А я весь день только о тебѣ думаю. Людвигъ сталъ раздражителенъ, такъ какъ замѣчаетъ перемѣну во мнѣ и, можетъ быть, подозрѣваетъ, что съ моимъ сердцемъ что-то случилось. Я избѣгаю быть съ нимъ наединѣ.... Пауль, я такъ люблю тебя, я готова для тебя на все.....

— Грета, мнѣ ничего не надо.

— И меня не надо?!

Онъ промолчалъ. Она быстро сняла голову съ его плеча и испуганными глазами посмотрѣла ему въ лицо:

— Ты разлюбилъ меня?!

— Грета, не надо ничего говорить. Слова не нужны. Жизнь сильнѣе словъ: она все покажетъ.

— Да, да.... ты разлюбилъ меня.... —Она опять склонила голову и затихла. Павликъ продолжалъ сидѣть съ закрытыми глазами. Кругомъ стояла полная тишина, нарушаемая рѣдкими доносившимися съ улицы звонками послѣднихъ трамваевъ.

— Ты хочешь бросить меня? Скажи откровенно, — шопотомъ, не поднимая головы, спросила она.

— Грета, не надо драмъ. Я цѣню твои чувства и никогда не перестану относиться къ тебѣ такъ, какъ отношусь сейчасъ, то есть съ глубокой благодарностью.

Она тихо, горько разсмѣялась:

— Съ благодарностью?!.... Оставь, Пауль, подбирать слова. Мнѣ нужна любовь, а не благодарность. Грета Меснаръ, закусивъ нижнюю губу, сжала до боли пальцы рукъ.

— Ахъ, Пауль, клянусь тебѣ, я чувствовала съ первыхъ же дней нашей встрѣчи, что эта любовь принесетъ мнѣ много горя. Я не ошиблась.

— Прости меня, Грета, я виноватъ передъ тобой въ томъ, что далъ волю твоему чувству. Я этого не долженъ быть дѣлать.

— Поздно теперь, поздно!

— Грета, попробуемъ быть сердечными друзьями и пожалѣемъ другъ друга: я тоже страдаю.

— Ты страдаешь потому, что уже не любишь меня?

— Да, и потому. — Произнеся эти слова, Павликъ сейчасъ же вознегодовалъ на себя за ложь, такъ какъ причиной его страданія была только Анна.

— А еще почему? — Грета Меснаръ почувствовала, какъ сердце ея билось часто и тревожно.

— Грета, оставимъ это. Не надо словъ. Не всякія переживанія души и сердца выливаются въ словахъ. Къ тому же, право, я не въ состояніи сейчасъ прикасаться къ наболѣвшему сердцу.

— Да, Пауль, не надо больше словъ. Ты уже все сказалъ. Помнишь, я говорила тебѣ при первой встрѣчѣ, что я не признаю драмъ. И это вѣрно. Не бойся, драмъ не будетъ.

Грета Меснаръ поднялась съ дивана. Она чувствовала нервный ознобъ.

Павликъ открылъ глаза: она стояла въ полуоборотъ къ нему, нарядная, хорошо сложенная, со всѣмъ обаяніемъ красоты и женственности, но все въ ней было ему чуждо и ненужно.

— Проводи меня до автомобиля, — не глядя на него, она надѣла шляпу. Павликъ всталъ. Ему стало ее жаль.

— Грета, ты хочешь уѣхать, унеся съ собой нехорошее ко мнѣ чувство? Прости меня.

— Теперь я скажу: не надо словъ. — Она горько усмѣхнулась и протянула руку къ шубкѣ. Павликъ подалъ ей. Ему было неловко, но онъ не находилъ словъ. Молча они вышли на улицу. Автомобиль случайно оказался въ двухъ шагахъ. Когда она садилась въ него, онъ крѣпко пожалъ ей руку, но она не отвѣтила на его пожатіе и уѣхала, не проронивъ больше ни слова.

На слѣдующій день Павликъ долженъ былъ остаться въ постели, такъ какъ у него была сильно повышенная температура и нестерпимая головная боль. Утромъ

квартирная хозяйка сообщила ему, что уже дважды былъ телефонъ отъ госпожи Меснаръ, просившей его къ аппарату, какъ только онъ встанетъ. Павликъ просилъ передать ей, что онъ боленъ. Черезъ часа два дверь его комнаты открылась, и вошла Грета Меснаръ съ букетомъ розъ.

— Я пришла къ тебѣ какъ другъ, и буду сидѣть подлѣ тебя какъ сестра милосердія. Сейчасъ пріѣдетъ докторъ.

Она сѣла подлѣ него, полная заботы и любви. Когда къ семи часамъ вечера она, нѣжно поцѣловавъ его въ лобъ, уѣхала, онъ почувствовалъ облегченіе: она мѣшала ему думать объ Аннѣ.

XVI.

Павликъ нѣсколько дней пролежалъ въ кровати и вставъ почувствовалъ себя надломленнымъ: отъ Анны писемъ не было. Онъ рисовалъ себѣ картины ея свиданій въ Мюнхенѣ съ Поляновымъ, которыя, можетъ быть, окончились иначе, чѣмъ онъ ей предсказывалъ. При этой мысли у него болѣзненно сжималось сердце: онъ проклиналъ разстояніе, раздѣлявшее ихъ и недопускавшее возможности броситься къ ней, чтобы растолковать, что никогда сердце Полянова не сможетъ быть опаляемо такой страстной любовью, какой полонъ къ ней онъ. Невозможность эта и полная неизвѣстность приводили его въ состояніе полной подавленности.

Грета Меснаръ, каждый день во время его болѣзни проводившая у него по нѣсколько часовъ, съ тоскующимъ взглядомъ наблюдала, какъ безразличнѣе и холоднѣе становился онъ. Въ свой послѣдній пріѣздъ, сидя у его кровати, она послѣ долгаго унылаго молчанія, спросила:

— Пауль, ты совсѣмъ разлюбилъ меня?

— Да, я не люблю тебя,—проговорилъ онъ медленно и отчетливо.

— Почему?—съ трудомъ произнесла Грета Меснаръ.

— Потому что я любилъ и люблю другую. Я надѣялся забыть ее въ твоихъ объятіяхъ. Ничего не вышло.

Грета Меснаръ молча, не прощаясь, вышла изъ комнаты и больше не возвращалась.

Выздоровѣвъ, Павликъ навѣщалъ Екатерину Никитишну чаще обыкновеннаго, надѣясь отъ нея узнать что-нибудь объ Аннѣ, но и тамъ ничего не было извѣстно. Прошло недѣли двѣ, когда неожиданно въ тоскливое, туманное утро раздался звонокъ по телефону, и вслѣдъ за тѣмъ Павликъ услышалъ пѣвучій голосъ, отъ котораго ему бросилась въ голову струя горячей крови, и сердце учащенно забилось: говорила Анна.

— Павликъ, я пріѣхала сегодня утромъ. Очень устала и ложусь спать. Вечеромъ жду васъ къ себѣ.

— Милая, отчего вы не писали? Я истерзался.

— Не писала, чтобы многое понять.

— Это было для ме.. ужасно!....

— Ну, ничего. Вотъ я пріѣхала, и мы поговоримъ обо всемъ

— Анни, вы мнѣ не скажете ничего непріятнаго?

Она разсмѣялась:

— Скажите, какой несчастненькій!

Отъ этого смѣха, бодраго и звонкаго,отъ шутливо сказаннаго слова Павлику сразу стало легко и радостно, какъ будто бы она пообѣщала ему счастіе. Передъ нимъ мелькнулъ ея образъ, со смѣющимися глазами и влажнымъ алымъ ртомъ, который Шебаревъ называлъ развратнымъ. Въ тоскливо-туманное утро откуда-то брызнули алые лучи горячаго солнца и ослѣпили его. Жизнь показалась ему опять прекрасной.

Анна разбирала кардонку съ кружевами, шарфами и лентами, когда онъ постучался въ ея дверь. Она обернулась къ нему, и онъ, стоя на порогѣ, почувствовалъ, что задыхается отъ счастія снова видѣть ее.. Она была въ легкомъ пенюарѣ сиреневаго цвѣта, съ широкими какъ крылья, отдѣланными кружевами, рукавами и обнаженной шеей. Улыбаясь, она протянула ему руку:

— Ну, здравствуйте, несчастненькій.

Никогда она не казалась ему такой очаровательной какъ въ этотъ мигъ.

— Боже мой, какъ я стосковался по васъ! — Онъ схватилъ ея руку и сталъ покрывать быстрыми поцѣлуями.

— Тише, Павликъ, тише, — смѣялась она короткимъ смѣшкомъ. Павликъ не замѣчалъ, что въ этомъ смѣшкѣ звучали нервныя нотки. Анна въ первый разъ видѣла его въ такомъ возбужденномъ состояніи. Когда онъ поднялъ голову, она, переставъ смѣяться, пытли-

во посмотрѣла на него: у него было лицо, какого она еще не знала. За два мѣсяца разлуки въ немъ произошла какая-то перемѣна: появилось что-то опредѣленное, значительное.

— Я была днемъ у тети Кэтъ. Она говорила, что вы теперь возитесь съ какимъ-то ресторанoмъ и стали очень богаты. Это и видно: вы одѣты какъ элегантный парижанинъ. — Она опять разсмѣялась.

— Анни, ради Бога, оставьте все это. Мнѣ нужно сейчасъ!, сію секунду знать, гдѣ Поляновъ, и что вы съ нимъ рѣшили.

— Поляновъ сейчасъ въ Сербіи, и съ нимъ я ничего новаго не рѣшала.

— Онъ пріѣзжалъ въ Мюнхенъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Вы любите его, Анни?.. Нѣтъ, это невозможно! Вы должны любить меня.

— Я люблю васъ, Павликъ.

— Но кого же изъ насъ двоихъ: его или меня?

— И его, и васъ, но только совсѣмъ разнымъ чувствомъ.

— Не тратьте чувства вашего на Полянова: тамъ ничего нѣтъ и не будетъ, вѣрьте мнѣ.

— Я ничего не ищу, увѣряю васъ. Чувство мое къ Полянову внѣ всякихъ колебаній окружающихъ меня волнъ жизни. Оно хранится въ сердцѣ, какъ герметически закупоренный ароматъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? Ему это не нужно!

— Это нужно мнѣ, потому что это красиво. Поляновъ единственный въ мірѣ человѣкъ, сумѣвшій вну-

шить мнѣ такое абсолютно красивое въ своей чистотѣ чувство.

— Если бы Поляновъ васъ любилъ по настоящему, то чувство ваше было бы сильнѣе, а потому и красивѣе. Все это какая-то идиллія, что-то мертворожденное. Ну, да Богъ съ нимъ! Я не о томъ пришелъ говорить. Вы знаете, какого отвѣта я жду отъ васъ.

Анна стояла спиной къ письменному столу, опираясь о его края обѣими ладонями. Падавшій сверху, смягченный шелковымъ, розовымъ абажуромъ, электрическій свѣтъ выдѣлялъ ея гибкую, казавшуюся въ легкомъ шелку воздушной, фигуру; каріе — пивные глаза излучали мягкій свѣтъ; рыжевато-свѣтлые волоса оттѣняли бѣлизну кожи. Павликъ, сидѣвшій подлѣ, съ возбужденнымъ и строгимъ лицомъ былъ красивъ, и Анни впервые отмѣтила, что его красота притягательна. Взглянувъ передъ собой, она увидѣла въ широкомъ зеркалѣ его и свое отраженіе на фонѣ розово-матоваго освѣщенія. Въ одно мгновеніе она почувствовала внѣшнюю и внутреннюю красоту положенія и тотчасъ же реальная жизнь отошла въ сторону: ей показалось, что она на сценѣ, что весь нервный подъемъ его и ея долженъ вылиться въ красивыхъ монологахъ передъ публикой, сидящей тамъ, за какой-то невидимой рампой. Знакомый холодокъ пробѣжалъ отъ волосъ по затылку и по спинѣ. Глаза ея расширились, въ лицѣ что-то дрогнуло. Проснулась артистка, влюбленная въ красоту позъ, положеній и настроеній. Спутались концы двухъ клубковъ: жизненнаго и фантастическаго. Творчество влилось въ жизнь, жизнь вплелась въ узоръ фантазій.

— Павликъ, я постараюсь объяснить вамъ все, что я сейчасъ чувствую, — заговорила она тѣмъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, который, звуча со сцены, волновалъ толпу. — Мысль о томъ, что въ глубинѣ сердца я бережно таю чувство къ Полянову, окутанное неясными мечтаніями, мѣшаетъ мнѣ перейти мостъ, отдѣляющій васъ. Мнѣ кажется, что идя навстрѣчу къ вамъ, я нарушу гармонію, что я....

Она не договорила. Павликъ стремительно поднялся со своего мѣста и подошелъ къ Аннѣ почти вплотную:

— Вы смѣетесь надо мной?! — Въ лицѣ его, всегда спокойномъ и неподвижномъ, появилось выраженіе сдерживаемаго гнѣва.

— Нѣтъ, я говорю серіозно.

— Чтобы не нарушить какую-то, вами самой смутно понимаемую отвлеченную гармонію, вы жертвуете настоящимъ чувствомъ человѣка, мучительно любящаго васъ?! Во имя фантазіи вы жертвуете счастіемъ?! Гдѣ логика? Я спрашиваю васъ, Анни, гдѣ тутъ логика?!

— До логики мнѣ нѣтъ дѣла!—пожала она плечами.

— Дѣла нѣтъ?... вамъ дѣла нѣтъ?! — глухо, съ разстановкой произнесъ онъ, и вдругъ что-то въ немъ сорвалось, помчалось, захватило всю его волю и всего его: не помня себя, не сознавая своихъ поступковъ, онъ схватилъ Анну за плечи, рванулъ къ себѣ, крѣпко обнялъ и приникъ губами къ ея алымъ губамъ. Она не успѣла проронить ни одного звука. Въ крѣпкихъ стальныхъ рукахъ, державшихъ ее, не было возможности сопротивляться, да и не надо было: сила порыва, охватившаго Павлика, передалась ей, какъ только его

губы коснулись ея губъ. Что-то сорвалось и въ ней, подхватило ея волю и понесло......

— Люблю... люблю... одну тебя люблю... до безумія люблю... — шепталъ Павликъ, прерывая поцѣлуи. — Скажи, скажи, что любишь....

Анна молчала, закрывъ глаза и тяжело переводя дыханіе. Наконецъ, онъ опомнился и съ блѣднымъ, будто безумнымъ лицемъ, отошелъ отъ нее. Она провела обѣими ладонями по измѣнившемуся лицу, шатаясь подошла къ креслу и опустилась въ него. Молчаніе длилось долго. Павликъ сѣлъ на диванъ въ другомъ концѣ комнаты.

— Анни, умоляю васъ... Вы любите меня?...

— Не знаю, — чуть слышно раздался отвѣтъ.

Онъ повалился ничкомъ на диванъ и истерично зарыдалъ. Его тѣло вздрагивало и билось въ припадкѣ нестерпимой сердечной боли. При первомъ же звукѣ этого глухого, полнаго отчаянія и горя рыданія, Анна вздрогнула и повернула лицо въ сторону Павлика; затѣмъ она стремительно поднялась, подбѣжала къ нему, опустилась на колѣни и положила руки на его голову и плечи:

— Павликъ!... Павликъ!... Я здѣсь. Любишь? Такъ сильно любишь?

Она старалась обѣими руками обернуть къ себѣ его мокрое отъ слезъ лицо.

Онъ продолжалъ рыдать.

— Ну скажи мнѣ: ты такъ сильно любишь меня?

— Умру, если оттолкнешь, — простоналъ онъ.

Анна охватила руками его шею:

— Не оттолкну. Я остаюсь съ тобой.....

XVII.

Счастіе Павлика было неизмѣримо. Подъ холоднымъ сѣрымъ небомъ наступающей зимы онъ видѣлъ голубыя небеса весеннихъ зорь съ робкой соловьиной пѣсней, съ ароматами лопающихся зеленоватыхъ почекъ и распускающагося узорнаго листа папоротника. Но и въ этихъ весеннихъ небесахъ проносились грозы, и Павлику часто приходилось страдать.

— Вѣнчаться? Зачѣмъ это?! Мнѣ не двадцать лѣтъ; я могу любить тебя и безъ вѣнчанія, — заявила Анна.

— Я люблю тебя, Анни, навсегда. Мнѣ нуженъ съ тобою бракъ, а не связь, — болѣзненно сдвигая брови, доказывалъ Павликъ.

— Въ любви я хочу тайны.

— Мы повѣнчаемся, уѣдемъ подальше и никому не скажемъ о томъ, что любимъ другъ друга, — улыбался онъ.

— Этого не скроешь.

— Въ такомъ случаѣ, какая же разница? Тебѣ не нравится слово бракъ или ты боишься потерять свою свободу?

— И то, и другое.

— Анни, будемъ ли мы обвѣнчаны или нѣтъ, все равно твоя свобода потеряна, потому что, полюбивъ въ первый разъ, я узналъ впервые, что я ревнивъ.

— О, Павликъ, это ужасно! Ты забываешь, что я артистка, что у меня есть имя, и что сцену я люблю также какъ и тебя.

Ему показалось, что кто-то изо всѣхъ силъ толкнулъ его въ грудь. Онъ поблѣднѣлъ, отвернулся и ничего не отвѣтилъ.

Настойчивое желаніе Павлика, наконецъ добившагося долгими увѣщеваніями согласія Анны на бракъ, объявить объ этомъ близкимъ роднымъ и друзьямъ, опять встрѣтило съ ея стороны сопротивленіе. Она упросила еще на нѣкоторое время сохранить ихъ намѣренія и ихъ любовь въ тайнѣ даже отъ Екатерины Никитишны, пока она окончательно освоится съ мыслью о близкомъ будущемъ, которое измѣнитъ ея жизнь. Павликъ согласился, но страдалъ: ему казалось, что Анна боится взорвать за собою послѣдній мостъ, соединяющій настоящее съ ея прошлымъ, о которомъ она не говорила, но онъ отгадывалъ. Всего же больнѣе его тревожила мысль о Поляновѣ: Анна продолжала съ нимъ переписку, и Павлику казалось, что она ждетъ еще чего-то, что можетъ наложить тѣнь на его счастіе. Въ то же время онъ видѣлъ, что она заражается его мощнымъ чувствомъ и начинаетъ отвѣчать ему горячими порывами нѣжности.

Анна должна была играть. Репетиціи и повтореніе роли на нѣсколько дней оторвали ее отъ обычныхъ каждодневныхъ свиданій съ нимъ. Павликъ испытывалъ боль, видя, что она отдалилась въ сферу театраль-

ныхъ подмостковъ, которыя стали ему съ этихъ дней ненавистны. Когда онъ просилъ у нея разрѣшенія сопровождать ее на репетиціи, она отговаривалась тѣмъ, что его присутствіе будетъ отвлекать ее, будетъ мѣшать сосредоточиться. За цѣлую недѣлю онъ видѣлъ ее урывками не болѣе двухъ-трехъ разъ и сколько ни звонилъ по телефону — не заставалъ. Наканунѣ спектакля онъ пріѣхалъ къ ней вечеромъ, надѣясь провести нѣсколько часовъ, но она сказалась очень утомленной и просила его уѣхать рано, такъ какъ предстоящій спектакль волновалъ ее и требовалъ полнаго отдыха и силъ. Павликъ уѣхалъ раздраженнымъ, ненавидящимъ сцену и все, что соприкасалось съ этимъ міромъ, отвлекавшимъ отъ него любимую женщину и окружавшимъ какими-то тѣнями ея прошлое, которое онъ боялся знать.

Павликъ сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, ловя каждое движеніе, каждый взглядъ Анны, такой ему близкой и въ то же время такой далекой подъ гримомъ, съ черными бровями, въ прическѣ, мѣнявшей лицо. Она говорила волнующія слова актеру, державшему обѣ ея руки и смотрѣвшему на нее горячимъ взглядомъ. Онъ ненавидѣлъ этого актера и за этотъ взглядъ, и за то, что онъ сжималъ въ своихъ рукахъ ея руки.

Во время антракта онъ пошелъ къ ней. Дверь въ ея уборную была полуоткрыта. Онъ вошелъ и увидѣлъ, что она, съ распущенными волосами, въ томъ самомъ сиреневомъ пенюарѣ,который былъ на ней въ незабываемый для него вечеръ ихъ объясненія, съ закинутыми рукавами, обнажавшими до плечъ ея руки,

что-то возбужденно говорила ненавистному для него актеру.

— Не мѣшай, не мѣшай, — замахала она ему руками. — Мы повторяемъ роль; ради Бога уходи....

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ готовъ былъ на какой угодно грубый поступокъ.

— Уходи же, ты мѣшаешь, — повторила Анна, и онъ, едва побѣждая гнѣвъ, ушелъ.

Всю ночь онъ не спалъ, обдумывая, что надо ему предпринять, чтобы оберечь свое счастіе. Для него стало ясно, что видѣть Анну на сценѣ, знать, что ея жизнь включаетъ въ себя нѣчто ненавистное и чуждое для него, равносильно тому, какъ если бы кто-нибудь не переставая нашептывалъ ему или рисовалъ передъ нимъ картины того ея прошлаго, о которомъ онъ не хотѣлъ знать. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ полюбилъ ее, у него на многое открылись глаза: онъ понялъ, что Анна внушала сильныя чувства, что ея вниманія добивались, что она привыкла къ легкимъ побѣдамъ. Послѣ безсонной ночи онъ почувствовалъ себя разбитымъ отъ того, что не пришелъ ни къ какому окончательному рѣшенію.

Спектакли участились, и каждый разъ онъ чувствовалъ, какъ въ немъ сильнѣе назрѣвалъ глухой протестъ. Однако онъ сдерживался, и Анна ничего не замѣчала.

Былъ послѣдній спектакль распадающейся труппы. Анна имѣла большой успѣхъ. Послѣ окончанія, какъ это всегда бывало, она отправила Марфу Степановну къ себѣ домой съ кардонками и букетами полученныхъ цвѣтовъ, сама же, уже одѣтая, стояла въ корридорѣ подлѣ уборной, разговаривая съ артистами.

— Я не могу съ тобой ѣхать, — подошла она къ Павлику, завидя его въ концѣ корридора. — Я ѣду ужинать съ небольшой компаніей артистовъ и къ нимъ присоединяются двое изъ моихъ всегдашнихъ поклонниковъ.

Павликъ измѣнился въ лицѣ:

— Пожалуйста, Анни, откажись. Мнѣ это очень непріятно.

— Невозможно. Ужинъ затѣянъ для меня. Я обѣщала, я не могу отказаться. Если хочешь, я тебя представлю, и ты можешь ѣхать съ нами, только..,.. — она лукаво улыбнулась, — надо быть паинькой и не мѣшать моимъ поклонникамъ и моимъ товарищамъ выражать...

— Я не слушаю, Анни, довольно! Я не поѣду.

— Ну, какъ хочешь, а я должна ѣхать.

— Анни, пожалуйста!....

— Нѣтъ, милый, это никакъ невозможно.

Онъ круто повернулся и ушелъ. Анна досадливо пожала плечами. Она была огорчена, что невольно доставила ему непріятность, но не поѣхать — было бы обидой для тѣхъ, кто ее ожидалъ. За ужиномъ ея досада прошла. Она поздно вернулась домой, счастливая успѣхами на подмосткахъ и въ жизни.

Опять Павликъ провелъ безсонную ночь, но на этотъ разъ въ немъ окрѣпло рѣшеніе заставить Анну отказаться отъ сцены. Онъ понималъ, что сила его любви была такова, что вѣчное присутствіе подлѣ нее постороннихъ мужчинъ въ атмосферѣ, изъ которой онъ исключался, должно было привести къ трагическому краху. Посколько до сихъ поръ онъ былъ безразличенъ къ личной жизни женщинъ, съ которыми мимо-

летно сталкивался, постольку теперь онъ оказался не терпимъ: Анна со всѣмъ ея внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ должна была принадлежать только ему одному, иначе онъ допустить не могъ.

Всякое рѣшеніе, къ которому онъ, долго обдумывая, приходилъ, вклинивалось въ его мозгъ и измѣнить его было невозможно. Идя къ Аннѣ съ этимъ рѣшеніемъ, онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что можетъ произойти, если она окажется непреклонной.

— Я тебя, Павликъ, съ такимъ нетерпѣніемъ жду, — проговорила она, едва онъ переступилъ порогъ ея комнаты. — Черезъ полъ часа мнѣ надо уйти. Вчера мы разстались съ тобой чуть-чуть недовольные другъ другомъ и мнѣ было бы грустно уйти, не повидавъ тебя сегодня.

— Куда уйти?

— Поляновъ пріѣхалъ: мы сговорились по телефону.

— Опять Поляновъ?! — Павликъ пристально посмотрѣлъ на Анну и измѣнился въ лицѣ.

— Отчего: опять? Ты же знаешь, что Поляновъ....

— Да, я все это знаю, — нетерпѣливо прервалъ онъ, продолжая смотрѣть на нее, будто силясь прочесть то, что таилось въ ея мозгу и сердцѣ, силясь отгадать близкій неминуемый рѣшающій отвѣтъ на то, съ чѣмъ онъ пришелъ къ ней.

— Присядь, Анни, и внимательно выслушай меня. Я пришелъ сказать тебѣ, слѣдующее: я люблю тебя абсолютной любовью, и сила моей любви къ тебѣ такова, что я не могу мириться съ мыслію, что ты дѣлишься между мной и чуждой для меня атмосферой подмост-

ковъ. Если бы у меня были сценическія способности, то я бы пошелъ на сцену ради того, чтобы тамъ быть съ тобой. Этихъ способностей у меня нѣтъ, а потому ты должна уйти изъ чуждой мнѣ атмосферы.

— Что ты сказалъ?! Бросить сцену?!

— Да.

— Павликъ, опомнись!! Это невозможно!

— Для меня еще болѣе невозможно допускать близость къ тебѣ мужчинъ хотя бы на подмосткахъ, хотя бы въ артистической уборной. Я ненавижу этотъ міръ. Или я тебя вырву изъ него, или....

— Ну, продолжай, договаривай.

— Или ты меня недостаточно любишь. Тогда лучше смерть, чѣмъ вѣчныя муки.

— Это все изъ за вчерашняго ужина?

— Вчерашній спектакль былъ послѣдней каплей. Я страдаю все время. Которую ночь я не сплю, напряженно обдумывая, заглядывая въ будущее. Въ эту ночь я понялъ, что лучше храбро идти на смерть, чѣмъ медленно умирать въ безконечныхъ мукахъ.

Анна молчала. Павликъ сидѣлъ на диванѣ, опустивъ на руки голову. Ему казалось, что онъ стоитъ надъ пропастью, въ которую вотъ-вотъ его столкнетъ чья-то страшная рука.

— Послушай, Павликъ — заговорила Анна, садясь рядомъ съ нимъ и кладя ему на плечо руку. — Тебя взвинтила моя вчерашняя поѣздка въ ресторанъ, но ты долженъ понять, что все это происходитъ отъ нашей ненормальной эмигрантской жизни, лишающей насъ возможности принимать у себя въ комнатахъ пансіоновъ или въ комнатахъ частныхъ семей. Въ прежнее

время я приглашала бы къ себѣ; теперь же всѣ мы, по неволѣ, ѣздимъ по ресторанамъ; надо на это смотрѣть проще.

— Я не ребенокъ, Анни, я долго и много думалъ и разубѣдить меня никто не сможетъ. Если ты любишь меня, то ты уйдешь съ подмостковъ, чтобы замкнуться только въ атмосферѣ моей абсолютной любви. Ты видишь сама въ какомъ теперь нищенскомъ положеніи сценическое искусство; что можетъ оно дать тебѣ въ смыслѣ духовнаго удовлетворенія? Ничтожныя крохи! Я же даю тебѣ мою громадную любовь. Если бы ты была міровой величиной, я бы не посмѣлъ требовать этой жертвы, такъ какъ зналъ бы, что всѣ страны свѣта для тебя открыты, и ты, прогнавъ меня, найдешь счастіе славы повсюду. Этого нѣтъ. Прогнавъ меня, ты должна будешь ждать счастія славы въ далекомъ, туманномъ будущемъ, довольствуясь въ настоящемъ крохами искусства, которыя могутъ изсякнуть, если ничего не измѣнится къ лучшему. Тогда ты все равно отойдешь отъ рампы.

— Можетъ быть въ твоихъ словахъ есть доля правды, но я до такой степени поражена неожиданностью твоего требованія, что не нахожу отвѣта. — Она поднялась. — Мнѣ пора уходить.

— Какъ ты могла назначить Полянову свиданіе, любя меня? Развѣ ты не понимаешь, что твои къ нему чувства, какого бы они ни были платоническаго характера, обидны для моей любви?!

— Знаешь, Павликъ, я замѣчаю, что ревность начинаетъ тебя дѣлать деспотомъ, а я привыкла къ свободѣ.

— Въ любви неограниченной свободы быть не можетъ. Прошу тебя не идти на это свиданіе и вообще отдалить Полянова. Напиши записку: я берусь доставить ему немедленно. Пусть придетъ сюда завтра при мнѣ, и ты представишь ему меня какъ своего жениха.

— Я сговорилась съ нимъ, — упрямо проговорила Анна, — и я пойду.

Павлику показалось, что полъ колыхнулся подъ его ногами. Сердце сжалось острой болью. Онъ остановилъ на Аннѣ тяжелый пристальный взглядъ и взялъ шляпу, брошенную на стулъ.

— Въ такомъ случаѣ, я ухожу.

— Не проводишь до трамвая?

— Лучше нѣтъ. — Онъ поцѣловалъ ее въ голову и вышелъ.

Анна почувствовала, что произошло нѣчто значительное и трудное. Она хотѣла вернуть Павлика, но въ ту же минуту раздумала, такъ какъ поняла, что у нее не будетъ никакихъ словъ и, вернувъ его, она только продлитъ и усложнитъ настоящій тяжелый моментъ.

Поляновъ ожидалъ ее, сидя за столикомъ того кафе, въ которомъ они встрѣчались каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Берлинъ. Онъ былъ все тотъ же. Только взглядъ выражалъ большую усталость души, и подлѣ глазъ увеличилась сѣть мелкихъ морщинокъ. Онъ задержалъ въ своей рукѣ ея тонкую руку:

— Отчего вы не улыбаетесь? Я привыкъ васъ видѣть съ улыбкой на губахъ. Что съ вами?

— Ничего серіознаго. Маленькая непріятность.

Анна, какъ ни старалась, весь вечеръ не могла стряхнуть съ себя грустнаго чувства: передъ ней стоялъ Павликъ, съ устремленнымъ на нее тяжелымъ взглядомъ, котораго она у него до сихъ поръ не знала. Ей было жаль его; серiознаго значенiя его требованiю уйти со сцены она не придавала, думая, что все окончится одними разговорами.

— Скажите мнѣ, Викторъ Николаевичъ, — прервавъ разговоръ на полусловѣ, обратилась Анна во время ужина, — какое чувство у васъ ко мнѣ?

— Очень хорошее, сложное и далеко не обыденное.

— Любовь?

Онъ помолчалъ:

— Назовемъ это любовью.

— А могли бы вы любить меня абсолютной любовью?

— Нѣтъ, не могъ бы.

— Почему?

— Невозможность этого лежитъ въ васъ, а не во мнѣ. Я слишкомъ хорошо знаю женщину, а потому знаю и васъ, хотя, сознаюсь, узнать васъ трудно. Узнавъ, я понялъ, что чувства ваши основаны на узорахъ фантазiй, поэтому вы не всегда любите самого человѣка, а того, котораго сами себѣ создали. Съ угасанiемъ красокъ созданной фантазiи, угасаетъ и ваше чувство.

— Слѣдовательно, любить меня не стоитъ?

— О, нѣтъ, очень стоитъ, но не иначе какъ для васъ самихъ, а не для себя.

— Значитъ тотъ, кто полюбилъ бы меня абсолютной любовiю, проявитъ доказательства высшаго напряженiя чувства во имя меня, а не себя?

— Непремѣнно. Абсолютная любовь все пойметъ, проститъ и останется въ той же силѣ.

— А ревность возможна при абсолютной любви?

— Конечно. Полное отсутствіе ревности переводитъ чувство изъ области половой въ область только сердечную, т. е. любовь по человѣчеству. Эта форма любви очень высокаго качества, но въ ней не можетъ быть элементовъ страсти, потому не можетъ быть и ревности.

— Скажите мнѣ, вамъ было бы непріятно, если бы я вамъ сказала, что я кого-нибудь люблю?

— Я къ этому вполнѣ приготовленъ.

— Почему?—удивилась Анна.

— Потому что фантазія не можетъ быть въ состояніи неподвижности. Я видѣлъ васъ на сценѣ, я наблюдалъ васъ въ жизни: на сценѣ вы творите жизнь, а въ жизни вы творите сцену. Я думаю, что тотъ, котораго вы любили или любите фантазіей, могъ бы закрѣпить эту любовь за собой только при постоянной близости къ вамъ.

— А вы бы могли это сдѣлать?

Поляновъ задумался:

— Раньше могъ бы, теперь боюсь, что нѣтъ. Мнѣ кажется, что краски уже потускнѣли. Я правъ?

— Не вполнѣ правы, — смущенно улыбнулась она и, помолчавъ, добавила:—краски эти не потускнѣютъ никогда.

Она задумалась. Павликъ, потребовавшій удаленія Полянова съ ихъ пути, выдвинулъ въ большемъ рельефѣ всегда спокойную, сдержанную манеру отношеній

Полянова, и Анна, въ эти минуты, глядя на него, поняла, что никогда его не отстранитъ.

— Изъ масляныхъ онѣ обратились въ пастелевыя и въ этомъ видѣ, быть можетъ, рисунокъ сохранится надолго. — Поляновъ улыбнулся. — Что дѣлать! C'est la vie!... — Онъ грустно покачалъ головой.

Анна ничего не сказала ему о своихъ чувствахъ къ Павлику, хотя чувствовала, что сказать надо. Она отложила это до слѣдующаго дня, пригласивъ его къ себѣ и имѣя въ виду позвать Павлика.

Съ утра она позвонила Павлику по телефону. Ей сказали, что онъ вышелъ. Она позвонила вторично. Сказали, что у него кто-то по дѣлу, и онъ не можетъ подойти. Анна просила передать, что непремѣнно ждетъ его вечеромъ. Она провела вечеръ съ Поляновымъ, тщетно поджидая Павлика.

На другое утро она получила отъ него письмо. поразившее ее категоричностью тона. Онъ писалъ, что не явится къ ней до тѣхъ поръ, пока она не призоветъ его сама съ тѣмъ, чтобы сказать, что ея любовь къ нему сильнѣе любви къ подмосткамъ, которыя она ради него оставляетъ, и что она согласна окончательно устранить Полянова, который нарушаетъ въ ихъ отношеніяхъ полноту и цѣльность гармоніи.

Прочтя это письмо, Анна схватилась за голову и застыла въ оцѣпенѣніи. Ни на минуту она не предполагала, что эти условія были окрѣпшимъ рѣшеніемъ, которое онъ поставитъ на карту своего счастія. Она была увѣрена, что послѣ недолгой размолвки, ей удастся его успокоить, убѣдивъ, что сцена ей необходима какъ залогъ душевнаго равновѣсія, что никакая любовь

не должна требовать непосильныхъ жертвъ, что отнять у нее любимое искусство значило бы то же, что у орла оторвать крылья. Чувство возмущенія поднялось изъ глубины ея души.

— Что такое Павликъ, — думала она — чтобы могъ такъ рѣшительно требовать подобной жертвы?! Какъ можетъ онъ желать, чтобы, я оторвала часть моего я въ угоду ему?! Отказаться отъ сцены, значитъ наполовину умереть, сдѣлаться ничѣмъ. Ему мало моей громадной уступки — согласія на бракъ.... Бросить сцену... вышвырнуть изъ жизни Полянова!... За что? Зачѣмъ? Абсолютная любовь любитъ во имя любимаго существа, а не для себя, — вспомнила она свой разговоръ съ Поляновымъ, — значитъ Павликъ любитъ во мнѣ себя. Потускнѣютъ краски, какъ говоритъ Поляновъ, и ничего не останется отъ моей фантазіи въ этой любви. А сцена не фантазія, сцена — это мое я....

Она долго и напряженно думала. Все быстрѣе неслись мысли, все сумрачнѣе рисовались картины будущаго безъ яркаго свѣтильника передъ алтаремъ искусства. Павликъ началъ рисоваться ей эгоистичнымъ деспотомъ безъ тонкихъ запросовъ. Рядомъ съ нимъ личность Полянова выступала все въ болѣе и болѣе яркихъ краскахъ.

Она поднялась съ кресла. Сердце ея учащенно билось, мозгъ горѣлъ. Мгновенно принятое рѣшеніе требовало дѣйствія. Она прошла къ телефонному аппарату и позвонила въ гостинницу, гдѣ остановился Поляновъ. Онъ оказался дома и черезъ нѣсколько минутъ откликнулся.

— Я васъ прошу немедленно ко мнѣ пріѣхать.... немедленно, — задыхаясь отъ волненія проговорила Анна

— Что-нибудь случилось? — съ тревогой спросилъ онъ.

— Да.

— До вечера отложить нельзя?

— Можно, но для меня очень трудно.

— Въ такомъ случаѣ, я немедленно пріѣду.

— Благодарю васъ, я жду.

Она вернулась въ свою комнату. Волненіе наростало, а вмѣстѣ съ волненіемъ наростало что-то новое, красочное, что-то сильное, что стремилось вылиться изъ области мечтаній и воплотиться въ жизнь. Она еще разъ перечла письмо Павлика, скомкала и бросила.

— Ну вотъ!... Что случилось? Вы улыбаетесь, но губы ваши дрожатъ, — говорилъ Поляновъ, внимательно глядя на ея возбужденное и взволнованное лицо.

— Садитесь. Мы видѣлись съ вами вчера, но съ тѣхъ поръ во мнѣ многое измѣнилось. Сейчасъ я должна рѣшить нѣчто для меня очень важное. Вы будете отвѣчать на мои вопросы только правду. Да?

— Какъ и всегда. Вы начинаете заражать меня волненіемъ. Мнѣ становится страшно, — улыбнулся Поляновъ.

Анна сѣла противъ него и крѣпко, нервно сжала на колѣняхъ руки:

— Когда вы уѣзжаете въ Парижъ?

— Вѣроятно, дня черезъ два-три.

— Надолго?

— Теперь, кажется, надолго.

— Съ вами тамъ есть кто-нибудь?

— Нѣтъ и.... не будетъ.

— Помните, почти годъ тому назадъ, когда вы также уѣзжали въ Парижъ, я надѣялась уѣхать вслѣдъ за вами, и вы этого хотѣли. Хотите ли вы теперь, чтобы я пріѣхала и была тамъ съ вами? Правду, ради Бога, правду!

— Конечно, хочу!

— Но не на мѣсяцъ или два, а надолго.... На столько, насколько достанетъ любви моей и вашей. Быть можетъ и навсегда, я не знаю.

— Все, что вы меня сейчасъ спрашиваете — серіозно или только ваша фантазія? — лицо Полянова измѣнилось, улыбка исчезла, онъ пытливо и удивленно смотрѣлъ на нее.

— Очень, очень серіозно, Викторъ Николаевичъ. Фантазіи тутъ нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, и я задамъ вамъ вопросъ: развѣ вы любите меня?

— Я чувствую къ вамъ то, чего ни къ кому не чувствовала: что-то прекрасное, глубокое и чистое. Я не знаю, какъ это чувство называется, но знаю, что оно никогда не угаснетъ. Это цвѣты, которые расцвѣли въ сердцѣ моемъ съ нашей первой встрѣчи.

Поляновъ молчалъ. Онъ провѣрялъ себя, закрывъ глаза, прислушиваясь къ тому, что творилось въ немъ самомъ: изъ глубины сердца подымалась теплая, нѣжная волна.

— А я думалъ, что цвѣты эти отцвѣли и лепестки ихъ давно развѣялись въ вихрѣ вашихъ жизненныхъ сновъ.

— Вы были всегда такъ строго сдержанны, Викторъ Николаевичъ, что я все глубже и глубже запрятывала эти цвѣты въ моемъ сердцѣ.

— Я боялся довѣриться вашимъ фантазіямъ.

— Фантазіямъ?! Однако онѣ живутъ во мнѣ почти годъ.

— И такъ, вы хотите ѣхать въ Парижъ? — серіозно проговорилъ онъ послѣ длинной паузы.

— Я хочу быть съ вами, хочу чувствовать, что вы меня любите и буду любить васъ.

— Не слишкомъ отвлеченной любовью? — улыбнулся онъ, вспомнивъ ея письмо, полное фантастическихъ мечтаній.

— Нѣтъ!...

— А вы знаете, что я могу быть ревнивъ и не захочу, чтобы вы любили кого-нибудь другого.

— Я буду любить только васъ, если вы не будете связывать моихъ крыльевъ. Я говорю о сценѣ.

— Да развѣ я вправѣ отнимать у васъ то, что дано вамъ небомъ?! Я люблю вашъ талантъ и буду гордъ имъ. — Онъ взялъ обѣ ея руки и прижалъ ихъ къ своему сердцу: — ну что жъ, попробуемте связать нити нашихъ жизненныхъ клубковъ и пойдемте вмѣстѣ, стараясь не обрывать ихъ. Кто знаетъ, быть можетъ среди цвѣтовъ вашей свободной фантазіи найдется одинъ неувядающій, который вы будете хранить только для меня. Не будемте заглядывать въ будущее, не будемте накладывать другъ на друга цѣпей, пустимся въ путь, какъ подобаетъ эмигрантамъ, съ легкимъ багажомъ. Авось, дойдемъ рука объ руку до желанной земли; тогда мы разсадимъ много цвѣтовъ и сплетемъ изъ

нихъ пышные вѣнки.... Вы этого хотите, милая фантазерка?... Какъ странно! Вчера, когда я былъ у васъ, мнѣ казалось, что вы взволнованы, что вы что-то переживаете.... я не думалъ, что въ этихъ переживаніяхъ замѣшанъ я.

— Мнѣ страшно вспомнить о томъ, что чуть было ни случилось! Но не надо объ этомъ. Я вамъ когда-нибудь разскажу, только не теперь. Можно?

— Хорошо, когда захотите этого сами.

— Какъ съ вами легко и просто, — съ облегченіемъ вздыхая, проговорила Анна. — Также мнѣ кажется легко и просто то, что я черезъ два дня уѣду съ вами.

— А виза?

— У меня давно есть.

— Значитъ, я совсѣмъ увезу васъ отсюда и больше никому не отдамъ.

— Мы поселимся въ одномъ отелѣ, а лѣтомъ уѣдемъ на берега синяго моря, подъ горячіе лучи солнца, въ пьяные ароматы....

— Будемъ, какъ захотите и какъ жизнь позволитъ.

— Все равно будемъ вмѣстѣ.

— Конечно, вмѣстѣ. Думалъ ли я сегодня утромъ, что меня ждетъ такой свѣтлый день?! Дорогая моя, благодарю васъ за него.

Когда онъ ушелъ, она долго сидѣла охваченная тихой радостью надвинувшагося счастья, и ей было непонятно и странно, что вчера еще она думала связать свою жизнь съ другимъ. Павликъ отошелъ далеко. Къ нему у нея не было больше ни чувства любви, ни жалости.

XVIII.

Екатерина Никитишна съ добродушной блуждающей на губахъ улыбкой стояла у двери своей комнаты, ведущей въ корридоръ и слушала какъ Марфа Степановна, ревниво оберегая ея интересы, переговаривалась съ продававшимъ папиросы молодымъ офицеромъ:

— Можетъ быть вы все-таки будете любезны доложить Екатеринѣ Никитишнѣ, — слышала она голосъ офицера.

— Она отдыхаетъ; не стоитъ безпокоить. Оставьте сотню, я заплачу.

— Екатерина Никитишна заказала три сотни.

— Что вы, что вы, молодой человѣкъ! Да куда мы дѣнемъ ваши три сотни?! Вѣдь, она сама не куритъ. Гостямъ пойдетъ.

— Вы бы лучше доложили ей. Что жъ я напрасно тащилъ сюда этотъ пакетъ!

Екатерина Никитишна открыла дверь:

— Вы папиросы принесли? Здравствуйте! Сколько у васъ всѣхъ? Пять сотенъ по пятьдесятъ марокъ? Отлично, я всѣ беру. Марфа Степановна, дайте папиросы и возьмите деньги. До свиданія, — ласково обратилась она къ молодому человѣку, обрадованному, что

въ холодный морозный день ему не нужно больше никуда забѣгать для сбыта товара.

— Какъ вамъ не совѣстно, Марфа Степановна! Вѣдь, вы знаете, что онъ этими папиросами живетъ. Столько разговору изъ за двухъ сотенъ марокъ! — съ досадой упрекала Екатерина Никитишна.

— Молчу, молчу! Дѣлайте какъ хотите, — замахала руками Марфа Степановна. — У васъ ни сотни, ни тысячи — не деньги. Скоро сами будемъ папиросы продавать. Вонъ Андрей Андреевичъ Вишневъ этой дрянью въ прошлый разъ всю комнату закурилъ.

— Отнесите деньги, онъ ждетъ тамъ, — перебила ее Екатерина Никитишна.

— Не велика птица, — пусть подождетъ.

— Чего вы скупитесь, Марфа Степановна? На нашъ съ вами вѣкъ достанетъ, — сдерживая улыбку заговорила Екатерина Никитишна, когда Марфа Степановна, отдавъ деньги, вернулась и съ недовольнымъ лицомъ стала приготовлять столъ къ вечернему чаю.

— Что мнѣ скупиться? Деньги не мои. Правильно говорилъ Анатолій Васильевичъ, царствіе ему Небесное, что много въ васъ этого самаго мотовства. Швыркъ деньги сюда, швыркъ деньги туда, а что необходимое, на то не достаетъ. Вонъ у васъ ноги зябнутъ, а теплыхъ туфель до сихъ поръ не купили.

— Въ этомъ мѣсяцѣ большой перерасходъ, оттого и не покупаю, — намѣренно поддразнила Екатерина Никитишна.

— На туфли перерасходъ, а на ненужную дрянь — папиросы, деньги есть. Охъ, что ужъ тамъ говорить:

плохо наше бабье дѣло, коли безъ мужчины остаемся, — сокрушенно вздохнула Марфа Степановна.

Екатерину Никитишну забавляли эти пререканія. Сдерживая улыбку, она умостилась съ ногами на кушетку, прикрыла ихъ плэдомъ, плотнѣе запахнула на плечахъ пелеринку и взялась за книгу.

Послѣднее время она чувствовала себя лучше, такъ какъ Павликъ, по невѣдомымъ ей причинамъ, точно переродился: онъ часто навѣщалъ ее, разсказывалъ о своихъ дѣлахъ, былъ очень внимателенъ, почти нѣженъ, и она, затаивъ свои бурныя къ нему чувства, была счастлива, что ледъ растаялъ, что ихъ отношенія стали напоминать прежнее милое время, когда они были связаны нѣжнымъ чувствомъ ея чистыхъ къ нему отношеній. Она не предполагала, что Павликъ, въ своемъ торжествѣ завоеваннаго счастія, несъ ей, какъ Крезъ, крохи со своего пышнаго праздника любви.

Марфа Степановна приготовила чай и, наливъ двѣ чашки, одну подала ей. Когда онѣ бывали однѣ, Екатерина Никитишна любила, чтобы она садилась за столъ вмѣстѣ съ ней.

— Только что Павелъ Александровичъ звонилъ. Просилъ вамъ передать, что два дня не заходилъ, потому что по какимъ-то дѣламъ очень бѣгаетъ. Говоритъ, передайте, что ручки цѣлую и завтра заѣду непремѣнно.

— Я такъ и думала, что его что-то задерживаетъ, — отвѣтила Екатерина Никитишна, поражаясь странному, часто повторявшемуся явленію отгадыванія ея мыслей Марфой Степановной: именно въ ту минуту

она думала о томъ, что Павликъ третія сутки не былъ у нее.

— Можно? — раздалось за дверью. Вошла Анна.

— Вотъ это мило, что зашла. Снимай шляпку и садись пить чай.

Марфа Степановна помогла Аннѣ снять шубку.

— Что это ты въ тепломъ дорожнемъ костюмѣ? Развѣ такъ холодно? — удивилась Екатерина Никитишна, привыкшая видѣть Анну въ легкихъ шелковыхъ платьяхъ.

— У меня все уложено. Я завтра уѣзжаю. Произошло все это очень стремительно, и я пріѣхала проститься съ тобой, милая тетя Кэтъ.

Анна замѣтно волновалась, садясь подлѣ Екатерины Никитишны и принимая изъ рукъ Марфы Степановны чашку съ чаемъ.

— Опять артистическое турнэ? Или какое-нибудь иное?

— Нѣтъ, я уѣзжаю въ Парижъ, совсѣмъ.... Уѣзжаю не одна.... У Марфы Степановны задрожали руки. Она поблѣднѣла:

— Матерь Божья!.. Съ Павликомъ уѣзжаетъ!... — мелькнула у нее страшная мысль. — Мнѣ выйти, я мѣшаю? — спросила она, подымаясь со стула.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько! — остановила ее Анна. Секрета нѣтъ. Конечно, ты не ожидаешь, тетя Кэтъ....

— Отъ тебя ожидаю все, что угодно, — улыбнулась Екатерина Никитишна, любуясь взволнованнымъ, сильно похорошѣвшимъ лицомъ племянницы. Анна была необыкновенно мила въ темно синемъ, строгаго англій-

скаго покроя, костюмѣ. Въ лицѣ ея что-то трепетало, въ глазахъ горѣли звѣзды, губы алѣли.

— Ну, ну, разсказывай: героиню какой драмы воплощаешь въ жизнь? — продолжала улыбаться Екатерина Никитишна, не замѣчавшая наростающей тревоги и усиливавшейся блѣдности въ лицѣ Марфы Степановны. Низко склонивъ голову надъ чашкой чая, она отпивала изъ нея, обжигая губы и не замѣчая этого.

— Завтра въ два часа дня я уѣзжаю въ Парижъ вмѣстѣ съ Поляновымъ. Уѣзжаю совсѣмъ.... Ты понимаешь, конечно.... Поляновъ любитъ меня, и мнѣ будетъ хорошо съ нимъ. Я его тоже люблю.

— Давно ты его любишь? И надолго? Я не ожидала, что Поляновъ окажется le vrai héros de ton roman. Или это такъ, мимолетное?.. Тебя, вѣдь, не разберешь.

— Нѣтъ, тетя, это серьезно.

— Отчего же ты такъ мало мнѣ говорила о немъ?

— Я не думала, что наши отношенія, очень тонкія и сложныя, выльются въ эту форму.

— Поздравляю васъ, Анна Кирилловна! Господинъ Поляновъ очень симпатичный человѣкъ. — Марфа Степановна мысленно приносила Господу благодарственную молитву. Въ эту минуту ея сердце было полно нѣжнаго чувства къ Полянову, оказавшемуся на мѣстѣ Павлика, романъ съ которымъ она отгадывала. Кромѣ радости она была полна недоумѣнія.

— Когда же все это выяснилось? — спросила Екатерина Никитишна, съ интересомъ наблюдавшая волненіе и игру лица племянницы. Анна не подозрѣвала, что тетка многое знала изъ ея жизни и никогда не осуждала, охватывая широкимъ многостороннимъ умомъ тѣ

тонкія психологическія стороны ея натуры, которыя ускользали отъ менѣе зоркаго наблюдателя.

— Вчера все рѣшилось.

— Такъ почему же такая стремительность въ твоемъ отъѣздѣ?

— Онъ пріѣзжалъ всего на пять дней и завтра ему необходимо возвращаться въ Парижъ.

— Я понимаю, что ему можетъ быть необходимо, но развѣ ты не можешь ѣхать позже? А виза какъ?

— Виза у меня была, и сегодня онъ все это наладилъ. Въ моемъ стремительномъ отъѣздѣ, конечно, существуетъ серіозная причина.... Я пріѣхала къ тебѣ съ просьбой помочь мнѣ. Есть человѣкъ, съ которымъ я не хочу объясняться: это поведетъ къ ненужнымъ и лишнимъ для него страданіямъ. Я ничего не измѣню и завтра уѣду непремѣнно. Я рѣшила, что лучше всего будетъ, если онъ узнаетъ о моемъ рѣшеніи, когда я уже уѣду. Я приготовила ему письмо и прошу тебя очень передать его и смягчить ударъ.

Лицо Екатерины Никитишны какъ будто потускнѣло: что-то слабо ударило въ сердце.

— О комъ ты говоришь, Анна?

— О Павликѣ.

— О Павликѣ?... Почему о Павликѣ?...—глаза ея стали совершенно круглыми; кровь отлила отъ лица.

— Я была невѣстой его и вчера рѣшила все порвать.

Екатерина Никитишна со всей силой схватилась за ручками кушетки, вцѣпилась въ нихъ конвульсивно сжатыми пальцами. Она откинула голову и закрыла глаза.

Въ рукѣ Марфы Степановны дрожала ложка, ударяясь о края чашки.

— Тетя, что съ тобой?!..

— Оставь, оставь.... Подожди.... Почему же вы скрывали отъ меня? — съ усиліемъ произнесла она.

— Павликъ хотѣлъ сказать тебѣ, но я не позволила; вѣроятно, это происходило потому, что я не чувствовала увѣренности въ самой себѣ.

— Давно онъ любитъ тебя?

— Онъ сказалъ мнѣ вскорѣ послѣ того, какъ ты уѣхала въ Нейштрелицъ. Ты не сердись на меня, тетя Кэтъ, но, какъ видишь, я была права, что отставила это въ тайнѣ.

Екатерина Никитишна молчала. Въ головѣ ея всѣ мысли точно сорвались и закружились вихремъ. Все, что было запрятано въ глубинахъ сердца, поднялось бурливой, захлестывающей волной. Встали, какъ на яву, воспоминанія ужасныхъ дней передъ отъѣздомъ въ Нейштрелицъ, полныхъ безумной и страстной любви, ищущей, взывающей къ отвѣтному чувству.... Вспомнилась страшная въ своемъ страданіи ночь ожиданія разсвѣта, чтобы бѣжать къ нему и умолять его не уѣзжать.... Вспомнился паркъ, залитый первыми лучами солнца, весь сіяющій утренней свѣжестью, и она, ослабѣвшая подъ гнетомъ унизительной страсти, вымаливающая любви и жалости у того, чье сердце было переполнено такой же какъ и у нее самой любовью, но къ другой женщинѣ.... Онъ стоялъ передъ ней холодный и пасмурный, не проронивъ ни звука о томъ, что сердце его не свободно. Онъ щадилъ ее, онъ жалѣлъ ее.... И теперь Анна, отталкивая его, хочетъ, чтобы именно

она нанесла ему тотъ безпощадный ударъ, которымъ онъ тогда поразилъ ея сердце. Какая странная жестокость судьбы по отношенію ихъ обоихъ!... Можно ли его винить за то, что онъ стоялъ передъ ней въ то странное для нея утро, холодный и непроницаемый, нанося смертельную рану ея сердцу? Нѣтъ.... Она не винила его и тогда; теперь же она понимаетъ и оправдываетъ. А Анна? Какъ могла она такъ легкомысленно посулить ему счастье, озарить радостью, зная свою измѣнчивую натуру? И теперь она, съ этими губами и глазами пьяной вакханки, заворожившими его сердце, съ этимъ странной красоты лицомъ, такъ просто говоритъ о смертельномъ ударѣ его сердцу, вручая ножъ въ ея руки, которыя съ первыхъ годовъ его дѣтства умѣли только ласкать и нѣжить его голову, руки, которыя готовы, чтобы спасти его, направить предназначенный для него ударъ въ свое сердце.

— Несчастный Павликъ!... — прошептала Екатерина Никитишна и открыла глаза. Лицо ея было строго и печально. — Анни, что ты надѣлала?! Какъ могла ты съ такой легкостью, съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ отнестись къ его любви?! Развѣ ты не знаешь себя?! Развѣ память не подсказала тебѣ десятокъ именъ, которымъ ты, съ безразсудной легкостью, присущей твоей безпечной натурѣ, сулила счастіе, закатъ котораго былъ всегда близокъ и видѣнъ тебѣ. Но то были чужіе люди, счастіемъ которыхъ ты не дорожила. Но Павликъ?! Павликъ — другъ твоего дѣтства!..

— Я никакъ не могла ожидать отъ него этихъ чувствъ; онъ много разъ повторялъ мнѣ, что никогда не любилъ и не знаетъ чувства любви.

— Тѣмъ болѣе ты должна была понять, что если въ немъ это чувство пробудилось, то оно будетъ мощно. Ты обязана была открыть ему глаза на ту фантастичную легкость, съ которой ты относишься къ любви. Ты уѣзжаешь съ Поляновымъ?!... — она пожала плечами, — опять фантазія, бредъ или, наконецъ, настоящее, я не знаю. Во всякомъ случаѣ, Поляновъ съ большимъ жизненнымъ опытомъ, знаетъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и, можетъ быть, обуздаетъ и твои фантазіи и тебя самое. Ему ты не оборвешь всѣхъ струнъ сердца, если бросишь его. Павлика ты слишкомъ не пощадила. Ты уѣзжаешь, даже не объяснившись съ нимъ!

— Повѣрь мнѣ, тетя Кэтъ, что такъ лучше для насъ обоихъ.

— Для насъ обоихъ?! — гнѣвно повторила Екатерина Никитишна. — Себя оставь въ сторонѣ. Для тебя это только непріятная волна въ морѣ радостныхъ, охватившихъ тебя, переживаній въ связи съ Поляновымъ. Здѣсь идетъ рѣчь только о Павликѣ. Я не передамъ ему твоего письма: я требую, чтобы ты сама съ нимъ объяснилась. Ты должна найти слова, чтобы смягчить свою жестокость. Если ихъ не подскажетъ тебѣ сердце, поищи ихъ въ обширномъ репертуарѣ твоихъ блестящихъ ролей.

Анна лукаво улыбнулась:

— Зачѣмъ — ролей? У меня достаточно фантазіи.

Екатерина Никитишна встала и прошла въ сосѣднюю комнату. Дѣлая видъ, что ей тамъ что-то понадобилось, она, отойдя вглубь комнаты, стиснула руками голову и стояла, охваченная безмѣрно тягостнымъ чувствомъ скорби, тоски и хаосомъ противурѣчивыхъ, смѣ-

нявшихся острыхъ, болѣзненныхъ переживаній. Ни на одну секунду ея души не коснулось торжество отвергнутаго чувства за счетъ готовящагося страданія тому, кто его отвергнулъ. Ее жгла смутная, но острая обида за то, что ея сердце стонало, плакало и трепетало передъ маской, скрывавшей такія же чувства къ другой... Рядомъ съ этой острой обидой подымалось возмущеніе противъ Анны, жалость къ Павлику,... какія то новыя смутныя туманныя надежды.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это! — Съ ужасомъ, она сильнѣе стиснула голову, къ чему-то прислушалась внутри себя, потомъ выпрямилась и непроницаемо спокойная вышла изъ своей спальни:

— Марфа Степановна, сейчасъ же позвоните къ Павлику. Добейтесь его и скажите, чтобы немедля пріѣзжалъ сюда, такъ какъ я и Анна Кирилловна ждемъ его по неотложному дѣлу. Ты согласна Анна?

Марфа Степановна вышла. Она опустилась въ кресло и глубоко задумалась.

— Какъ она сильно привязана къ Павлику, — подумала Анна.

— Да.... такъ вотъ что.... — очнулась черезъ нѣсколько минутъ Екатерина Никитишна. — Не можешь ли ты мнѣ разсказать какимъ образомъ, по какимъ причинамъ ты рѣшила разойтись съ нимъ? Я спрашиваю тебя не изъ любопытства, а ради того, чтобы помочь тебѣ и ему.

— Я охотно разскажу тебѣ все, тетя Кэтъ, и надѣюсь, что, выслушавъ, ты будешь не такъ строго осуждать меня. Въ своихъ требованіяхъ Павликъ зашелъ слишкомъ далеко.

Вошла Марфа Степановна, чтобы сказать, что Павликъ оказался дома и, что онъ пріѣдетъ немедленно. Говоря это, она внимательно глядѣла на Екатерину Никитишну, силясь разгадать, что творилось въ ея душѣ, но лицо ея было строго и непроницаемо, и Марфа Степановна ушла въ свою комнату съ тяжелымъ сердцемъ и со страхомъ въ ожиданіи пріѣда Павлика.

Пока Анна передавала во всѣхъ подробностяхъ все, что произошло, Екатерина Никитишна не проронила ни слова, ни одна черта не дрогнула на ея лицѣ.

Когда Анна замолчала, она тяжело вздохнула:

— Да, онъ любитъ тебя со всей силой нетронутаго пылкаго чувства. Ты не стоишь такой любви, потому что она тебѣ не нужна. Бѣдный Павликъ!... Когда онъ пріѣдетъ, я выйду къ Марфѣ Степановнѣ и приду, когда ты позовешь меня.

— Нѣтъ, тетя Кэтъ, пожалуйста, не уходи; это будетъ лучше.

— Изволь, я останусь.

Павликъ, не постучавъ, быстро и широко распахнулъ дверь и, секунду задерживаясь на порогѣ, окинулъ тревожнымъ стремительнымъ взглядомъ Анну и Екатерину Никитишну, сидѣвшую на диванѣ, съ протянутыми на кресло, покрытыми плэдомъ, ногами. Анна оборвала на полусловѣ недоконченную фразу. Екатерина Никитишна подалась впередъ. Ея слабое больное сердце начало биться перебоями. Нервная вздрагивавшая улыбка подергивала губы.

Павликъ, не переставая пристально смотрѣть на Анну, подошелъ къ Екатеринѣ Никитишнѣ, поцѣловалъ ея сильно дрожавшую похолодѣвшую руку и, вмѣсто

того, чтобы поздороваться и съ Анной, вдругъ остановился и глухо спросилъ:

— Что случилось? Я чувствую, что что-то случилось....

— Садитесь, Павликъ. Мнѣ надо съ вами объясниться, — въ совершенствѣ владѣя собой, ничѣмъ не выдавая внутренняго волненія, произнесла Анна.

— Садитесь?!.. На вы?!.. Говори скорѣе, Анни, что случилось?! — Онъ замѣтно сдерживалъ себя, силясь говорить тихо и раздѣльно.

— Павликъ, я знаю все. Анни просила меня остаться, но если хочешь, я уйду, — сказала Екатерина Никитишна. Она предпочитала уйти, боясь, что расшатанные нервы не выдержатъ напряженія, боясь, что она не сумѣетъ совладать съ собой въ эти трагическія для Павлика минуты, рождающія въ ней самой бурю новыхъ противорѣчивыхъ чувствъ и къ нему, и къ Аннѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ.... тѣмъ болѣе, если вамъ все извѣстно.

— Павликъ, ваши требованія возмутительны. Я не думала, чтобы вы могли серіозно настаивать на ихъ исполненіи. Сцену я не брошу ни въ какомъ случаѣ. Можно разлюбить человѣка, но не искусство, не свое призваніе. Вы настаивали на бракѣ, — я согласилась противъ желанія, въ угоду вамъ, такъ какъ для меня бракъ не нуженъ.

— Онъ нуженъ мнѣ, Анни....

— Да, да, я это поняла и уступила вамъ. Едва я сдѣлала эту очень серіозную для меня уступку, какъ вы вздумали предъявлять мнѣ совершенно невозможныя требованія.

— Неужели, Анни, для васъ неясно, что семейная жизнь и сцена — вещи несовмѣстимыя?!

— Потому-то я и не желала брака, но если на немъ настаивали вы, то вы и должны были совмѣстить эти двѣ вещи. Я на это шла.

— Подмостки, актеры, уборная, опять актеры, вольность рѣчей, вся эта загримированная пошлость отношенiй,... и въ этой атмосферѣ вы, которую я боготворю, которая....

— Нѣтъ, Павликъ, оставьте, пожалуйста, всѣ эти ненужныя опредѣленiя. Однимъ словомъ, сцены я оставить не могу.

— Значитъ, вы меня не любите! — глухо произнесъ онъ.

— Да, значитъ я васъ не люблю, — тихо повторила Анна.

Павликъ сорвался съ мѣста и, весь блѣдный, протянулъ къ ней обѣ руки:

— Что.... что вы сказали?!... Бога ради, Анни!...

— Для меня стало ясно, что въ моихъ чувствахъ произошла ошибка.

— Поляновъ?!.. Вы любите его? Я умоляю васъ сказать мнѣ правду.... Нѣтъ, нѣтъ, не надо.... Молчите... Молчите....

— Да, я люблю Полянова, — Анна подняла на Павлика ярко горѣвшiе глаза. Въ нихъ сiяли звѣзды. Павликъ безсильно опустился на стулъ.

— Онъ знаетъ это? — едва внятно спросилъ онъ.

— Знаетъ. Завтра я уѣзжаю съ нимъ въ Парижъ.

— Завтра вы уѣзжаете съ нимъ въ Парижъ.... — какъ эхо повторилъ онъ. Какъ будто бы не уясняя того,

что произошло, онъ поднялся и, съ блѣдно окаменѣлымъ лицомъ, сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти.

— Павликъ, подожди, успокойся.... — Екатерина Никитишна отбросила плэдъ и тоже поднялась. — Присядь, поговоримъ.... Куда же ты? — ее била лихорадка, губы и руки дрожали.

— Я пойду домой. Все... все конечно.... я былъ безумецъ....

— Павликъ, вы должны понять меня.... — Анна хотѣла взять его руку. Онъ отвелъ ее и пустымъ, будто подернутымъ туманомъ, взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Безъ объясненія, безъ попытки договориться вы бросили меня.... это жестоко и недостойно васъ!... Онъ пошелъ къ двери, взялъ лежавшую подлѣ трюмо шляпу и хотѣлъ открыть дверь, но вдругъ покачнулся и схватился за голову.

Екатерина Никитишна бросилась къ нему:

— Павликъ, дорогой мой, возьми себя въ руки.... — она порывисто схватила его голову и прижала къ себѣ. — Успокойся.... пройдетъ это.... все пройдетъ, — безсвязно повторяла она, проводя дрожащей рукой по его волосамъ.

— Не надо, ничего не надо..... пустите.. я уйду.. — онъ высвободился отъ нее и, повернувъ въ сторону Анны окаменѣлое лицо, уставился на нее холоднымъ жесткимъ взглядомъ: — такихъ женщинъ какъ вы слѣдуетъ убивать или бить хлыстомъ, — произнесъ онъ, отчеканивая каждое слово, быстро повернулся и вышелъ.

Екатерина Никитишна, стоя у двери, тяжело оперлась о нее спиной и, крѣпко сжимая пальцы, еле удерживала подступавшія къ горлу рыданія.

— Господи, какъ это все не нужно! Вотъ ужъ настоящая вышла мелодрама! — Анна досадливо пожала плечами и встала, чтобы надѣть у зеркала шляпу. — Никогда не думала, что онъ можетъ такъ глубоко любить....

— Ахъ, другъ мой, развѣ можно знать, что-нибудь о томъ, что скрыто въ сердцѣ человѣка?! — упавшимъ голосомъ отозвалась Екатерина Никитишна. — Ты ранила ужасной, дай Богъ, чтобы не смертельной раной нѣжное, любящее тебя сердце. Убить сердце также страшно, какъ убить человѣка.

— Тетя Кэтъ, я поѣду. Уже поздно. — Анна стояла передъ теткой готовая, чтобы уѣхать. — Завтра мнѣ надо рано встать; я еще не со всѣми дѣлами покончила. Пожалуйста, смягчи Павлику этотъ ударъ.

Екатерина Никитишна съ горечью покачала головой:

— Боюсь, что это будетъ не въ моихъ силахъ.

XIX.

Послѣ довольно сильныхъ морозовъ, наступила оттепель, отозвавшаяся въ правой ногѣ Вишнева острой подагрой. Онъ не выходилъ изъ дома третій день и потому не зналъ всего, что произошло съ Анной и Екатериной Никитишной, бросившей всѣ предписанія и

совѣты врача и опять предавшейся алкоголю въ такой сильной мѣрѣ, что Марфа Степановна никого къ ней не впускала.

Зная, что только Вишневу удавалось смягчить остроту ея переживаній, а иногда и перебивать жажду къ алкоголю, она звонила къ нему, прося пріѣхать, такъ какъ «Екатеринѣ Никитишнѣ опять худо». Вишневъ обѣщалъ быть, какъ только позволитъ ему больная нога.

Онъ проснулся, по обыкновенію, въ девять часовъ, шевельнулъ ногой и почувствовалъ, что подагра начинала уступать. Онъ закурилъ папиросу и, лежа въ постели, обдумывая срочныя дѣла, по которымъ необходимо было съ утра созвониться со всякими дѣловыми людьми, разсѣянно смотрѣлъ въ сторону окна, сквозь которое видно было, какъ, мелькая и кружась, падали большія хлопья мокраго снѣгу. Одновременно съ дѣловыми мыслями у него мелькали пріятныя картины и образы, которые вольются въ его жизнь, какъ только онъ начнетъ выходить изъ дому. Онъ вспомнилъ о томъ, что надо навѣстить Екатерину Никитишну, мелькнулъ образъ Анны и рядомъ съ ней Павлика.

Дѣловыя соображенія и комбинаціи перебили всѣ остальныя и, затягиваясь папироснымъ дымомъ и медленно, съ удовольствіемъ, пропуская его изъ полуоткрытаго рта, Вишневъ, продолжая неподвижно лежать, съ руками выпростанными изъ подъ одѣяла, мысленно ушелъ въ сторону заботъ о борьбѣ съ жизнью, сильно давившую его своей тяжестью съ тѣхъ поръ, какъ изъ вліятельнаго сановника судьба обратила его въ эмигранта.

Раздавшійся въ передней звонокъ оборвалъ нить его мыслей.

— Почтальонъ, — промелькнуло въ головѣ. Вслѣдъ за звонкомъ въ девять часовъ утра обычно въ щель снизу дверей, шурша, просовывалась рукой квартирной хозяйки полученная на его имя корресподенція. Вмѣсто шуршанія писемъ, онъ услышалъ мужской голосъ, громко переговаривавшійся съ квартирной хозяйкой, услышалъ свою фамилію и насторожилъ слухъ. Звукъ мягкаго баритона началъ волновать его какимъ-то смутнымъ отдаленнымъ воспоминаніемъ. Онъ услышалъ приближавшіеся по корридору шаги и энергичный стукъ въ дверь.

— Wer ist da? — Вишневъ поднялся съ подушекъ.

— Андрей, впусти меня. Не узнаешь?

— Сейчасъ, сейчасъ.... Накину халатъ. Кто это?

— Бѣглецъ съ того свѣта, — раздался за дверью смѣющійся голосъ.

Вишневъ недоумѣвалъ. Голосъ за дверью сильно волновалъ его чѣмъ-то отдаленнымъ, забытымъ. Онъ придавилъ о дно пепельницы недокуренную папиросу, наскоро накинулъ халатъ, однимъ движеніемъ руки набросилъ одѣяло на смятую постель, подошелъ къ двери, повернулъ ключъ и раскрылъ ее.

Передъ нимъ стоялъ человѣкъ громаднаго роста, крѣпкаго сложенія, въ которомъ отгадывалась возможность тучности, съ большой красивой полусѣдой головой, коротко подстриженной эспаньолкой, съ мягкимъ взглядомъ умныхъ, немного усталыхъ глазъ, окруженныхъ сѣтью преждевременныхъ морщинокъ.

— Не узнаешь?!

— Анатолій!... Я брежу или.... или....

— Успокойся, ты не бредишь. Здравствуй, дружище. Покажись. Ну, ничего: еще молодцемъ.

— Я ошеломленъ. Я глазамъ своимъ не вѣрю...

— Могу себѣ представить! Вѣдь, оффиціально я считаюсь разстрѣляннымъ. Богъ помиловалъ! Мнѣ помогли бѣжать.

— Чудеса, чудеса! Какъ я счастливъ видѣть тебя! Что же ты въ пальто?! Снимай, садись. Сейчасъ кофе будемъ пить. Я скажу моей хозяйкѣ. Когда же ты пріѣхалъ? Какъ нашелъ меня? Откуда ты?

— Пріѣхалъ сегодня рано утромъ. Совершенно случайно узналъ въ вагонѣ, что ты тутъ и даже твой адресъ. Пріѣхалъ прямо изъ Петрограда.

Вишневъ въ коричневомъ халатѣ, перевязанномъ по таліи шнуркомъ, стоялъ передъ своимъ другомъ и сквозь пенснэ смотрѣлъ на него радостнымъ взглядомъ:

— Ну, не вѣрю! Понимаешь, не вѣрю, что это ты, тотъ самый Анатолій Ведринъ. Мы всѣ давно оплакали тебя и, хоть частенько вспоминали въ дружеской бесѣдѣ, однако примирились съ твоей смертью.

— А я, какъ видишь, не примирился. Живъ, живъ Курилка! Ну, словомъ, я не только живъ, но еще имѣю претензію возстановить всѣ мои, утраченныя смертью права на возможность счастія. Андрей, гдѣ Екатерина Никитишна? Въ Парижѣ?

— Она здѣсь.

— Здѣсь!!..— Ведринъ приложилъ руку къ сердцу и тяжело перевелъ дыханіе. — Здѣсь!... Екатерина Никитишна, моя великолѣпная Кэтъ здѣсь!! Боже мой, наконецъ я у пристани. Почти четыре года полнаго ду-

шевнаго одиночества! Если бы не этотъ, мерцавшій мнѣ въ тюремныхъ камерахъ, маякъ любви, я не вынесъ бы всего, что выпало на мою долю.

— Да, да, могу себѣ представить.... конечно.... — сбивчиво повторялъ Вишневъ, въ то же время обдумывая, какъ бы отдалить свиданіе друга съ Екатериной Никитишной, чтобы подготовить ее, и если окажется необходимымъ, то и его къ перемѣнѣ, происшедшей въ ея сердцѣ за этотъ періодъ времени.

Пока Вишневъ умывался и одѣвался, Ведринъ разсказывалъ о пережитыхъ имъ испытаніяхъ за эти четыре года.

— Меня должны были разстрѣлять, но, благодаря подкупу, спасли. Сперва скрывался, потомъ, съ подложнымъ паспортомъ, хотѣлъ бѣжать, но на границѣ былъ арестованъ и опять посаженъ въ тюрьму, затѣмъ въ концентраціонный лагерь, гдѣ опять просидѣлъ больше года. Такъ какъ я сидѣлъ по подложному паспорту, то мнѣ удалось освободиться. Добравшись изъ Казани до Петрограда, я узналъ, что моя Екатерина Никитишна бѣжала за границу. Я былъ счастливъ, узнавъ, что ея головы не коснулись ужасы террора, и въ то же время во мнѣ произошло что-то странное: я потерялъ бодрость духа, не найдя ее въ Петербургѣ, оказавшись тамъ совершенно одинокимъ и нищимъ. Я заболѣлъ сквернымъ нервнымъ разстройствомъ и легъ въ больницу. Мнѣ казалось, что я больше не встану, что у меня изсякла жизненная энергія. И все-таки я всталъ, вышелъ изъ больницы и, влекомый какой-то непонятной мнѣ силой, отправился отыскивать капитана парохода, отходившаго въ Штетинъ. Я дѣйство-

валъ какъ въ полуснѣ. Хотя я просилъ его очень убѣдительно, но отказъ его не подѣйствовалъ бы на меня удручающе, настолько сильна была во мнѣ апатія къ жизни. Капитанъ парохода, оказавшійся очень порядочнымъ и добрымъ человѣкомъ, несмотря на страшный рискъ, запряталъ меня въ трюмъ, гдѣ былъ сваленъ уголь и канаты. Самый опасный моментъ предстоялъ въ Кронштадтѣ, гдѣ пароходы подлежатъ тщательному обыску комиссаровъ, выѣзжающихъ на немъ изъ Петрограда. По счастью для меня, поднялась буря, и комиссаровъ такъ закачало, что они обыскивали очень поверхностно. Когда я очутился въ Штетинѣ, я не сразу могъ усвоить того, что со мной случилось. И только подъѣзжая къ Берлину мой мозгъ со всей ясностью постигъ совершившееся надо мной чудо. Еще и до сихъ поръ я нахожусь какъ въ туманѣ. Исчезли тюрьма, койки, принудительныя работы, холодное тупое отчаяніе въ безпросвѣтности грядущаго дня и назойливость мучительныхъ дорогихъ воспоминаній минувшаго, недоумѣніе передъ хаосомъ безсмысленныхъ явленій, разрушившихъ Россію.... все это, сейчасъ, точно уплываетъ въ даль, а я, протирая глаза, вотъ сижу передъ тобой въ Берлинѣ, и сердце мое заливается горячей волной счастія отъ мысли, что я увижу опять мою дорогую красавицу.... Неужели не сонъ, не сладкій бредъ на тюремныхъ нарахъ въ спертой атмосферѣ камеры?!.. — Ведринъ провелъ обѣими ладонями по сѣдѣющимъ, еще довольно густымъ, волосамъ. — И все прошлое кажется сномъ, и настоящее кажется грезой.

Вишневъ, слушая разсказъ друга, въ то же время

обдумывалъ положеніе, въ которомъ легче всего возможно было бы оберечь измученное всѣмъ пережитымъ сердце отъ неожиданнаго, могущаго произойти удара при внезапной встрѣчѣ съ Екатериной Никитишной.

Обдумавъ обстоятельно, онъ заговорилъ:

— Ну, я вижу, что ты все-таки остался молодцемъ. Единственно, замѣтная въ тебѣ перемѣна, это, что ты потерялъ тучность тѣла, въ остальномъ ты не измѣнился.

— Не слишкомъ постарѣлъ? Этого я не хотѣлъ бы для моей великолѣпной Кэтъ, тѣмъ болѣе, что, ты говоришь, она все также хороша.

— Ты посѣдѣлъ, но не постарѣлъ. Вижу нѣсколько лишнихъ гусиныхъ лапокъ подлѣ глазъ, но онѣ не вредятъ ихъ блеску. Теперь поговоримъ обстоятельно о твоей встрѣчѣ съ Екатериной Никитишной. Недавно она перенесла очень серіозную болѣзнь на нервной почвѣ. Конечно, горечь утраты тебя и, какъ она думала, Павлика, не могла не отразиться на нервахъ. Сейчасъ она выздоравливаетъ и, по предписанія врача, находится въ двухъ часахъ отъ Берлина въ санаторіи. На этихъ дняхъ она должна вернуться обратно. Ее необходимо подготовить къ встрѣчѣ съ тобой, иначе можетъ произойти нервный толчекъ, опасный для слабаго состоянія здоровья, въ которомъ она находится. Пойми самъ, что, вѣдь, ты выходецъ съ того свѣта, а для встрѣчи съ такими гостями надо быть подготовленнымъ. Я повидаю ее раза два-три и приготовлю къ встрѣчѣ съ тобой. Иначе дѣлать не совѣтую. Навѣрное, ея врачъ будетъ того же мнѣнія.

— Если это необходимо — готовъ ждать. Почти четыре года ждалъ, подожду еще нѣсколько дней.

— Марфу Степановну я къ тебѣ откомандирую, и она своими разсказами о жизни Екатерины Никитишны въ продолженіи этихъ лѣтъ, облегчитъ твое ожиданіе встрѣчи.

— И Марфа Степановна здѣсь?! Все также безудержно полна темперамента и надежды на счастливый бракъ?

— Она мало измѣнилась. Я ей свадалъ толстаго нѣмца, но она не хочетъ. Ея психологія очень забавна. Это нѣчто среднее между вдовой и старой дѣвой.

Послѣ кофе, въ синеватыхъ завиткахъ табачнаго дыма всплывали обрывки минувшаго, мелькали образы отжившихъ, погибшихъ или спасшихся, разсѣянныхъ по всему свѣту друзей и знакомыхъ.

Сговорившись встрѣтиться вечеромъ, пріятели разстались. Послѣ ухода Ведрина, Вишневъ вызвалъ по телефону Марфу Степановну, узналъ, что «съ Екатериной Никитишной просто бѣда какъ плохо, уже три дня подъ рядъ» и пообѣщалъ передъ вечеромъ непремѣнно заѣхать.

Морщась и кряхтя отъ боли, онъ съ усиліемъ натянулъ на больную ногу ботинокъ и, сильно опираясь на палку, слегка прихрамывая, отправился на дѣловое свиданіе, весь полный радостными мыслями о чудесномъ появленіи друга и нѣсколько озабоченный предстоящей встрѣчей его съ Екатериной Никитишной.

Въ длинномъ корридорѣ пансіона, гдѣ жила Екатерина Никитишна, уже горѣли электрическія лампы, подъ молочными фарфоровыми абажурами, когда Вищ-

невъ, съ мелкими пушинками снѣга на воротникѣ пальто и на усахъ, постучалъ въ дверь Марфы Степановны. Она вышла изъ двери напротивъ спальни Екатерины Никитишны.

— Слава Богу, что вы прiѣхали, — съ сокрушеннымъ вздохомъ встрѣтила она его. — Вы умѣете говорить съ ней; авось повлiяете. Никого не впускаетъ, ни съ кѣмъ говорить не хочетъ, доктора прочь гонитъ, точно удила закусила: пьетъ и пьетъ, и ужъ не коньякъ, а водку хлещетъ вотъ этакими рюмками. Ну что съ ней подѣлаешь?! Начну усовѣщевать, уговаривать, а она въ лицо хохочетъ: что, говоритъ, Марфа Степановна, развѣ я вамъ пьяненькая не нравлюсь? Глаза блестятъ, а сама блѣдная, преблѣдная; прямо раскрасавица?! И пьяна, пьяна! А потомъ, слышу, плачетъ. Просто бѣда съ ней! Не знаю, что и придумать, — шепотомъ жаловалась Марфа Степановна, стоя съ Вишневымъ на порогѣ своей комнаты.

— Обойдется, обойдется все. Разскажите, изъ за чего опять съ ней хуже стало?

Такъ, такъ. Ну, это, быть можетъ, все къ лучшему, — проговорилъ Вишневъ, выслушавъ разсказъ Марфы Степановны о разрывѣ Павлика съ Анной и о послѣднемъ ихъ объясненiи въ комнатѣ Екатерины Никитишны.

— Богъ дасть мы ее вылечимъ, — улыбнулся Вишневъ. — Знаете кто былъ у меня сегодня? Анатолiй Васильевичъ.

Марфа Степановна отшатнулась вглубь комнаты и, творя крестное знаменiе, точно ослабѣвъ, медленно опустилась на кровать;

— Съ нами крестная сила! Да, вѣдь, его разстрѣляли!...

— Не разстрѣляли: онъ бѣжалъ. Господь спасъ его.

— Охъ, какъ сердце забилось.... Что жъ это за чудо! Пріѣхалъ сюда.... А у насъ то что тутъ творится! И горе, и срамъ! Какъ же это будетъ теперь?! Господи, вотъ что на голову свалилось!

— Вы, Марфа Степановна, не охайте и не ахайте. Все понемногу наладимъ. Завтра утромъ вы поѣдете къ Анатолію Васильевичу, разскажете ему все, что пережито за эти четыре года, кромѣ, конечно, послѣдняго....

— Упаси Богъ! Развѣ это возможно? Зачѣмъ душу его убивать! Вѣдь онъ, я думаю, только и жилъ надеждой на эту встрѣчу. Только бы съ ней сейчасъ справиться. Закусила, говорю вамъ, удила. Трудно съ ней будетъ.

— Ничего, справимся. Вы пойдите къ ней и скажите, что я очень хочу ее видѣть.

— Приметъ ли? Лучше вы безъ доклада: постучитесь и входите; я нарочно въ двери ключа не поверну.

— Ну хорошо. Идите впередъ, за вами и я войду.

Черезъ нѣсколько минутъ Вишневъ, постучавъ въ дверь Екатерины Никитишны, пріоткрылъ ее.

Нельзя, нельзя.... Кто это? — раздался голосъ Екатерины Никитишны.

— Это я. Милая моя, я очень хочу васъ видѣть. Впустите меня, — говоря это, Вишневъ перешагнулъ порогъ. Онъ увидѣлъ Екатерину Никитишну въ ея желтомъ креп-де-шиновомъ пенюарѣ, съ распущенными

по плечамъ волосами, полулежавшую на кушеткѣ. На небольшомъ, близко придвинутомъ столѣ, стоялъ хрустальный графинчикъ съ водкой, тарелочка съ нарѣзаннымъ соленымъ огурцомъ, раскрытая книга подлѣ вазы съ блѣдно-желтыми и сиреневыми хризантемами, флаконъ духовъ, тонкій батистовый, обшитый кружевами, сильно надушенный носовой платокъ. Голова ея покоилась на подушкахъ. Лицо, обрамленное черными волосами, было блѣдно. Глаза блестѣли, губы были красны. Въ рукахъ она держала длинныя янтарныя четки, горошины которыхъ ея пальцы нервно и быстро перебирали.

— Вотъ это кто...—улыбнулась она.— Вошли, такъ уже нѣчего дѣлать—входите. Здравствуйте. Ухъ какія холодныя руки!... Садитесь. А я, видите, въ какомъ положеніи.... dans les vignes du segneur, — она разсмѣялась веселымъ искреннимъ смѣхомъ. — Марфа Степановна, подайте его превосходительству коньякъ и рюмку; вмѣстѣ пить веселѣе, не правда ли, ваше превосходительство? — она опять разсмѣялась.

— Я думаю, что вамъ уже надо перестать это занятіе.

— О, нѣтъ.... нѣтъ.... Зачѣмъ прерывать то, что хорошо и весело

— А послѣдствія?

— Que le diable les emporte! Je m'en fiche!..—Она энергично махнула рукой, и опять пальцы ея забѣгали по горошинкамъ янтарныхъ четокъ.

— Что это вы какъ монашка?—указалъ на нихъ Вишневъ.

— Вы развѣ не узнаете ихъ? Это Анатолія Васильевича. Я на дняхъ сонъ видѣла, будто бы онъ проситъ меня найти эти четки. И такъ ясно снилось. Я утромъ же достала ихъ.

— Да, я помню эту его манію вѣчно вертѣть между пальцами четки. У него ихъ, кажется, была цѣлая коллекція?

Онѣ всѣ у меня сохранились. Вотъ, и мнѣ пригодились: я отсчитываю количество выпитыхъ рюмокъ... Пила, пила и счетъ потеряла. Правда забавно! А Марфа Степановна, cette pucelle d'Orléan не... до.. гуетъ.. него... тудетъ на меня.

Екатерина Никитишна закрыла лицо руками и начала хохотать ослабѣвшимъ непрерывавшимся хохотомъ:

— Да какъ же.. это слово... слово.. недогу.. гу.. етъ...— всхлипывая отъ хохота, повторяла она, силясь справиться съ заплетавшимся на словѣ «негодуетъ» языкомъ. — Честное слово я, кажется, пьяненькая.. вотъ смѣшно!... мнѣ такъ смѣшно....

— Успокойтесь. Перестаньте хохотать. Я пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу, а вы пьяненькая.

— Ну, и что же, что пьяненькая? Я все пойму, говорите.

— Это очень важное для васъ дѣло, даже и не дѣло, а нѣчто гораздо большее.

— Такъ говорите же. Я слушаю. Не буду хохотать.

— Вотъ, вы сейчасъ заговорили про четки, про вашъ сонъ. Кто знаетъ, не въ руку ли вашъ сонъ?...

— То есть, что пріѣдетъ Анатолій и будетъ искать ихъ, а я лежу пьяненькая?... картина была бы très rigolo... вѣдь, онъ не выносилъ пьяныхъ женщинъ.

— А вы вотъ пьете, моя милая. А вдругъ увидитъ васъ такой?

— Я пью?... Да.. я пью.... — Она сразу перестала смѣяться, между бровей легла трагическая складка. — Если бы онъ увидѣлъ?! Но онъ никогда не увидѣлъ бы, потому что я была бы съ нимъ, и обида, ужасная обида, не коснулась бы моего сердца. Я, кажется, разсказывала вамъ про Анни и про Павлика, — спутала она свои воспоминанія, — такъ вы должны понять мою обиду и простить это.... эту.... водку и огурцы.... словомъ, всю эту грязную страницу моей судьбы...

— Я не судья вамъ, моя хорошая, я только напоминаю, что для Анатолія эта страница ваша была бы ужасна.

— Да.... но, вѣдь, его нѣтъ.... нѣтъ.. — она трогательно безпомощнымъ, скорбнымъ жестомъ развела бѣлыми, античной формы, прекрасными руками.

— Онъ, кажется, живъ. Я вчера кое-что слышалъ.

— Что?... Что вы сказали?... Анатолій живъ?!.. Нѣтъ.. нѣтъ!... Умоляю васъ!.. Что вы сказали?! — обѣими руками она схватила руку Вишнева и испуганно смотрѣла на него. — Что вы сказали?! Что вы сказали?! — шопотомъ повторяла она дрожащими губами.

— Если вы велите Марфѣ Степановнѣ убрать водку и перестанете пить, то я разскажу, иначе не стоитъ.

— Пусть уберетъ. Скорѣе позовите ее, пусть уберетъ. Мнѣ страшно! Охъ, мнѣ страшно!... — Она от-

валилась головой на подушки и затихла протянувъ руки и закрывъ глаза.

Вишневъ позвалъ Марфу Степановну, указалъ на бутылку съ водкой и жестомъ руки далъ понять, чтобы она унесла. Марфа Степановна торопливо исполнила приказаніе, неслышными шагами вернулась обратно, взяла съ туалетнаго стола флаконъ съ нашатырнымъ спиртомъ и поднесла его къ Екатеринѣ Никитишнѣ. Та взяла его и, не открывая глазъ, стала жадно втягивать въ себя отрезвляющій острый запахъ.

— Говорите, Андрей Андреевичъ. Съ меня весь хмѣль соскочилъ. Говорите, что вы слышали?

— Анатолій живъ и разыскиваетъ васъ.

— Кто его видѣлъ? Гдѣ онъ?

— Онъ въ Ригѣ и направляется сюда, такъ какъ узналъ, что я въ Берлинѣ.

— Кто вамъ сказалъ?

— Только что пріѣхавшій изъ Риги знакомый, которому онъ поручилъ разыскать меня тутъ. Вотъ видите, какое чудо произошло.

— Боже мой.... Боже мой.... Боже мой!...— напряженно повторяла Екатерина Никитишна. Нельзя было отгадать какія чувства таились подъ этими однообразно повторяемыми словами.

— Что же съ вами?!.. Милая моя, ну что?— Вишневъ участливо взялъ ея безпомощно протянутую руку.

— Страшно мнѣ.... страшно!...

— Отчего?

— Хаосъ въ душѣ и въ сердцѣ. Живъ... онъ живъ!.. Да нѣтъ, это бредъ! Этого не можетъ быть...

— Это такъ. Онъ живъ, онъ скоро пріѣдетъ сюда, и опять вамъ будетъ легко и спокойно.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ! Я не знаю, я ничего не знаю еще, что будетъ. Вѣдь, сердце мое все изранено. Какъ я встрѣчусь съ нимъ? Что я скажу ему?... — Она закрыла лицо руками.

— Вы ничего ему не скажете.

— Лгать? Я не умѣю лгать.

— Молчать — не есть лгать. Вы не знали, что онъ живъ, и потому ваше опустошенное сердце....

— Не надо.... не надо про это! — съ волненіемъ горячо перебила Екатерина Никитишна. — Ахъ, какъ у меня путаются мысли.... связать не могу... — Она стала натирать себѣ виски нашатыремъ и порывисто нюхать его. — Что же будетъ, что же будетъ теперь?! Съ испуганнымъ недоумѣніемъ спрашивала она.

— Сейчасъ должно быть вотъ что: я уѣду, а вы успокойтесь, уляжетесь спать, завтра будете имѣть бодрыя и свѣжія мысли, обдумаете хладнокровно все, что прошло и что должно наступить, а вечеромъ я къ вамъ заѣду.

— Да.... да.. Мнѣ надо собрать мысли, мнѣ надо все обдумать и все понять. Сейчасъ у меня очень слаба голова... Эта вѣсть потрясла меня... Живъ! Пріѣдетъ сюда!... И вѣрю, и не вѣрю!...

Когда Вишневъ вышелъ, Марфа Степановна молча сѣла подлѣ кушетки. Екатерина Никитишна долго хранила молчаніе, лежа неподвижно, съ устремленнымъ въ одну точку взглядомъ.

— Что же теперь будетъ, Марфа Степановна?! — прервала она молчаніе тихимъ, подавленнымъ голосомъ.

— Господь сжалился надъ вами и вернулъ вамъ вашего друга. О чемъ вы печалитесь? Какъ увидите его, такъ сразу какъ рукой снимется все ваше наважденіе.

— Да, вѣдь, не вычеркнешь того, что было, — она тоскливо сдвинула брови и указала на сердце.

— А что было? Навожденіе было, болѣзнь. О ней надо забыть, чтобы и въ мысляхъ не оставалось.

Екатерина Никитишна съ сокрушеніемъ покачала головой:

— Забыть?! Легко это сказать....

— Подумайте вы только, счастіе какое: живъ Анатолій Васильевичъ! Чего-чего, думаю, не натерпѣлся! Только, думаю, и жилъ, что мыслью о васъ. Такой другой любви, какъ его къ вамъ, и не сыскать. Ночи не спитъ, вѣрно, все о васъ думаетъ.

— Ахъ, Марфа Степановна, какъ трудно мнѣ, какъ горько мнѣ, какъ больно мнѣ и за себя и.... за него.... Екатерина Никитишна заломила руки.

Долго пришлось Марфѣ Степановнѣ успокаивать ее. Наконецъ она уложила ее въ постель, дала прописанную докторомъ микстуру и, пока она ни заснула, сидѣла подлѣ нее, находя простыя, нужныя для успокоенія слова.

Какъ только дѣйствіе усыпительнаго лекарства прошло, Екатерина Никитишна проснулась. Было еще совсѣмъ темно. До самаго утра, пока ни вошла въ ея спальню Марфа Степановна, она тихо лежала съ закинутыми подъ голову руками, съ устремленнымъ въ темноту неподвижнымъ взглядомъ, съ напряженной склад-

кой между сросшимися бровями. Въ душѣ ея и сердцѣ происходила трудная работа.

Утромъ она встала сильно ослабѣвшая отъ чрезмѣрнаго пріема алкоголя въ продолженіе четырехъ сутокъ. Она одѣлась, и взявъ съ собою Марфу Степановну, сдѣлала небольшую прогулку пѣшкомъ. Вернувшись къ себѣ, она просила Марфу Степановну, никого не впускать, кромѣ Вишнева.

— Завтра, Марфа Степановна, я поѣду въ Нейштрелицъ. Мнѣ необходимо побыть одной, — заговорила она, отставляя нетронутымъ принесенный ей въ комнату обѣдъ. — Вы останетесь здѣсь; когда пріѣдетъ Анатолій Васильевичъ, повидайте его немедля и скажите, что я его жду.

Марфа Степановна вздохнула съ глубокимъ облегченіемъ: ее пугало упорное молчаніе Екатерины Никитишны. Утреннее свиданіе съ Ведринымъ сильно взволновало ее. Она расплакалась, увидя его и не могла справиться съ собой, слушая его горестныя повѣсти.

— Сегодня, ѣздивши за покупками, я встрѣтила Андрей Андреевича. Онъ разсказывалъ мнѣ какъ много перенесъ Анатолій Васильевичъ. Письмо отъ него получилъ. Вчера не хотѣлъ вамъ сказать, сегодня подробно разскажетъ. Анатолій Васильевичъ пишетъ, что отъ разстрѣла бѣжалъ и рукъ на себя не наложилъ только любя васъ, только надѣясь опять съ вами соединиться, опять всѣ заботы о васъ на себя взять. Это можно сказать, другъ и хранитель до гроба.

Екатерина Никитишна слушала молча, но Марфа Степановна видѣла по ея лицу, что въ душѣ у нея происходитъ какая-то ломка, успокоительная для будущаго.

Марфа Степановна принялась въ спальнѣ собирать для отъѣзда вещи . Екатерина Никитишна, прикрывъ дверь, сѣла къ письменному столу. Нѣсколько разъ она начинала письмо, но, не дописавъ его и до половины, останавливалась, откладывала перо ,задумывалась и рвала написанное. Она хотѣла въ послѣднiй разъ высказаться въ письмѣ къ Павлику, но мысли и чувства ея, съ каждой минутой все новыя и новыя, не соотвѣтствовали тому, что чертило перо.

— Нѣтъ, не надо, ничего не надо!...—прошептала она, опять разрывая недописанный листокъ. —Все само собой оформится... .слова тутъ не нужны..

Она отошла отъ письменнаго стола, желая пройти въ сосѣднюю комнату, чтобы помочь Марфѣ Степановнѣ собрать въ чемоданъ вещи, какъ въ ту же минуту услышала голосъ Павлика:

— Екатерина Никитишна дома? Можно ее видѣть?

Марфа Степановна медлила съ отвѣтомъ. Екатерина Никитишна твердой рукой распахнула дверь и, съ лицомъ, на которомъ ничего нельзя было прочесть, переступила порогъ:

— Я дома, Павликъ. Я никого не хочу видѣть сегодня, но къ тебѣ это, конечно, не относится. Какой у тебя нехорошiй видъ. Иди, садись сюда.

Павликъ былъ неузнаваемъ: сѣроватое лицо, съ темными полукругами подъ глазами и запекшимися губами, говорило о мучительныхъ, безсонно проведенныхъ, ночахъ. Онъ опустился на кресло рядомъ съ диваномъ, гдѣ сѣла Екатерина Никитишна, отупѣвшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, встрѣтилъ ея ласковый спокойный взглядъ немного потускнѣвшихъ усталыхъ

глазъ, опустилъ вѣки, что-то хотѣлъ сказать, но промолчалъ и глубоко задумался.

— Павликъ, что съ тобой? Поговоримъ: тебѣ легче будетъ.

Онъ очнулся.

— Простите, что я къ вамъ пришелъ съ моимъ горемъ.... именно къ вамъ.... терпѣлъ четыре дня, больше не могу....

— Къ кому же и идти тебѣ, другъ мой, какъ не ко мнѣ?!

Павликъ поднялъ на нее какъ будто недоумѣвающій взглядъ; въ тонѣ сказанныхъ словъ ему послышались давно забытыя струны материнской покровительственной ласки. Въ воображеніи мелькнули картины дѣтства и отрочества... густой большой садъ, помѣщичій нарядный домъ, поля, луга, лѣсъ и рѣка, дѣтскія проказы, радости и обиды... эти воспоминанія смѣшивались, сплетались съ ощущеніемъ бѣлой руки, пахнувшей одними и тѣми же духами, покоившейся съ утѣшеніемъ и лаской на его головѣ. Все это промелькнуло въ его мысляхъ съ кинематографической быстротой.

— Я пришелъ спросить у васъ, видѣли ли вы Анни послѣ того вечера?

— Нѣтъ. На слѣдующій день она уѣхала. Это утро я получила отъ нея съ пути открытку.

— Вы знаете ея адресъ?

— Она оставила для писемъ адресъ Полянова.

— Вы можете мнѣ его дать?

— Чтобы написать ей? Павликъ, для чего это надо? Оставь, не пиши. Вернуть невозможно. Ты долженъ задушить чувство къ ней, а не бередить рану. Я знаю

Анни. Я люблю ея талантъ, ея порывистую, кипучую натуру, ея переливающуюся огнями фантазію, дающую ей тончайшія переживанія, вѣрю, что ей предстоитъ изжить еще много блестящихъ жизненныхъ моментовъ, но все это принадлежитъ и будетъ принадлежать лишь ей одной; никого она не включитъ въ этотъ свой міръ отвлеченныхъ фантастическихъ жизней. Напрасно ты будешь, мой другъ, страдать и, хотя бы колотился головой объ стѣну, ты всегда остался бы отрѣзаннымъ отъ ей одной принадлежащаго сложнаго, вѣчно мѣняющагося, непонятнаго намъ міра творческой фантазіи. Ей дано постигать искусство и творить его. Она никогда не сможетъ отдать себя земнымъ чувствамъ, хотя бы они были и очень глубоки.

— Однако она бросила меня для Полянова.

— Пройдетъ нѣкоторое время, и она броситъ Полянова для кого-нибудь другого. Развѣ я хоть на одну минуту вѣрю въ постоянство ея привязанностей? Этихъ feux follets было и будетъ еще много. Оставь ее идти предначертаннымъ ей судьбою путемъ и не пробуй становиться рядомъ съ ней на этотъ путь, — все равно пришлось бы отойти. Я тебѣ это говорю отъ чистаго сердца. Никто больше меня не желаетъ тебѣ счастія, и если бы во власти моей была малѣйшая возможность вернуть Анну, чтобы дать тебѣ хотя бы кратковременную радость, я бы сдѣлала это, но Анна уже вся во власти своей новой фантазіи, и ничто, и никто оторвать ее отъ этой фантазіи теперь не въ силахъ. Это дастъ ей экстазы на подмосткахъ театра въ исполненіи какой-нибудь новой роли; публика будетъ апплодировать и восхищаться ея талантомъ. На сценѣ она исполняетъ

роли, которыя въ жизни переживаетъ и создаетъ... Екатерина Никитишна горько усмѣхнулась, — что дѣлать, другъ мой! Однимъ смертнымъ дано втайнѣ страдать, другимъ — творить страданіе.

— Я не могу примириться съ совершившимся фактомъ, до того онъ кажется мнѣ жестокимъ и чудовищнымъ.

— Не ищи логики въ поступкахъ Анни. Они послѣдовательны только по законамъ творческой фантазіи. Однако, ради Бога, не подумай, что я тебя въ чемъ-нибудь уговариваю. Я только хочу тебѣ помочь понять натуру ея. Если хочешь, я дамъ тебѣ ея адресъ.

Павликъ долго молчалъ.

— Значитъ, все кончено?! Все, что казалось такимъ большимъ, такимъ цѣльнымъ и цѣннымъ.... въ итогѣ одинъ миражъ! Какъ будто вырвали изъ рукъ что-то яркое и толкнули въ глубокую темную яму. Что мнѣ теперь дѣлать съ собой? Куда дѣвать себя?!

— Время отвѣтитъ тебѣ на всѣ эти вопросы. Довѣрься его мудрости.

— Тоска!.... Тоска!.... — Павликъ опустилъ голову. Онъ сидѣлъ блѣдный, понурый, безвольный.

— Павликъ, я тебѣ дамъ денегъ и выхлопочу визу: поѣзжай куда-нибудь подальше, отвлекись.

— Не стоитъ, да и не поможетъ. Спасибо вамъ.... — онъ потянулся къ ней, взялъ ея прохладную бѣлую руку, хотѣлъ поцѣловать, но вмѣсто этого крѣпко прижалъ ладонь къ глазамъ своимъ, наклонилъ голову и вдругъ какъ ребенокъ расплакался обильными тихими слезами. Екатерина Никитишна притянула его голову къ себѣ и положила на нее другую руку.

— Милый, милый мой.... поплачь — тебѣ легче будетъ... все проходитъ, всему конецъ. У тебя есть вѣрный другъ, любящій и понимающій тебя... я твоя мать, Павликъ.... ушло, все ушло.... я только мать, нѣжно любящая тебя.... Не бойся открывать передо мной свои сердечныя раны. Кто самъ много перестрадалъ, тому дается многое понять. Вотъ такъ, вотъ такъ: прижми голову ко мнѣ.

Она тихо проводила ладонью по его опущенной головѣ, какъ ребенку шептала на ухо слова утѣшенія, растворяясь въ ласкѣ, роняя на его голову рѣдкія тяжелыя слезы искупленной долгимъ страданіемъ, вновь возвращающейся материнской любви. Блѣдный, съ опущенной головой, сгорбленный, подавленный онъ казался ей такимъ слабымъ и несчастнымъ, что все ея сердце заполнилось чувствомъ глубокой жалости.

— Павликъ, есть большая радость... ну, перестань же, перестань. Послушай, что я тебѣ скажу. Нашъ другъ, нашъ дорогой другъ живъ и скоро сюда пріѣдетъ.

Павликъ поднялъ голову:

— О комъ вы говорите?

— Нашъ другъ — Анатолій Васильевичъ.

— Да что вы?! Не можетъ этого быть!...

— Да, да. Онъ ѣдетъ сюда. Господь спасъ его и посылаетъ намъ въ самую тяжелую минуту. Завтра я уѣзжаю въ Нейштрелицъ. Ты встрѣтишь его здѣсь.... Павликъ, опять вернется старое хорошее время. Онъ другъ мнѣ и тебѣ. Онъ поможетъ тебѣ пережить твое горе.

— Я не могу прійдти въ себя отъ этого извѣстія. Лицо Павлика прояснилось. — О да, это другъ. Его рука сильна и вѣрна. Мнѣ сразу какъ будто легче стало отъ мысли, что снова онъ будетъ съ нами.

— Ахъ, Павликъ, Павликъ!... Она хотѣла что-то сказать, но умолкла, провела рукой по его волосамъ и проговорила значительно и проникновенно:

— Другъ мой, оставимъ позади насъ сердечныя страданія, поставимъ на нихъ крестъ и пойдемъ впередъ: я къ своему закату, ты — къ новой зарѣ.

XX.

Снѣгъ падалъ большими тяжелыми хлопьями и едва коснувшись земли таялъ. Съ утра наступила оттепель. Окрестные поля и лѣса были покрыты еще подтаивающей пеленой зимняго убора, но маленькій городокъ Нейштрелицъ начиналъ принимать неопрятный видъ отъ талаго, распускавшагося въ сѣроватое мѣсиво снѣга. Какія-то неясныя, чуть уловимыя вѣянія весеннихъ мотивовъ носились въ очертаніяхъ разрывающихся на фонѣ голубаго неба облаковъ, въ начинающихъ принимать легкіе сѣро-сиреневые колориты отдаленныхъ линій лѣса и рощъ. Сквозь запотѣлыя окна маленькаго отеля на маленькой площади, гдѣ виденъ былъ небольшой скверикъ съ памятникомъ одного изъ Мекленбургскихъ курфюрстовъ, подтаявшій сѣровато-бурый снѣгъ распускался по всей площади лужами. Екате-

рина Никитишна распахнула окно той самой комнаты, въ которой полъ года тому назадъ она одиноко переживала свою сердечную драму. Наклонившись впередъ она полной грудью вдохнула чистый свѣжій воздухъ, пахнувшій талымъ снѣгомъ, подняла къ небу, увидѣла разорванныя нѣжныя облачка, сквозь которыя голубѣла бездонная высь и почувствовала непередаваемое успокоительное умиленіе въ сознаніи надвигающейся тайны вѣчнаго возрожденія природы. Въ тотъ же моментъ четко выплывшая мысль: на дняхъ онъ будетъ здѣсь... отозвалась какъ бы толчкомъ въ сердце, и оно чуть замерло, потомъ забилось сильнѣе, отстукивая удары.

На слѣдующій день послѣ свиданія съ Павликомъ она уѣхала, въ этотъ несмотря на пережитыя въ немъ страданія, ставшій милымъ ея сердцу городокъ. И комната, и отель, и улицы, и магазинчики, въ которые она, полъ года тому назадъ, заходила печальная и разсѣянная, съ мыслями сосредоточенными на одной и той же наболѣвшей мысли, и прекрасный паркъ, спускающійся величественной аллей къ широко-раскинутому озеру, — все носило въ себѣ обрывки тяжелой повѣсти, изранившей ея сердце, и въ тоже время все подтверждало, что раны уже залечивались, что врачующая рука времени коснулась и ея сердца. Подобно землѣ, обновляющейся подъ ручьями таящаго снѣга, обновлялось и оно, омытое ручьями слезъ постепенно тающей скорби, и уже готово было, какъ омертвѣвшая зимней суровой стужей земля, воспринять потоки солнечнаго свѣта, — свѣта ласки и сердечнаго тепла вѣрнаго, воскресшаго для жизни, друга.

Здѣсь, оторванная отъ шума, въ одинокомъ сосредоточенномъ раздумьѣ, она снова нашла себя, очистила мысли свои, отогнала все ненужное, нанесенное обидной болѣзнью сердца, растворила въ долгихъ молитвахъ всю муть оставшейся горечи. Примиренная съ сознаніемъ трещины въ сердцѣ, которую ей надлежитъ до конца дней ревниво укрывать отъ пытливаго взора любящаго друга, не ради лжи или обмана, а во имя человѣчной бережливости къ его глубокому чувству привязанности и преданности, — она осторожно изо дня въ день приподымала съ души траурный покровъ, чтобы яснымъ взглядомъ встрѣтить вопрошающій взглядъ воскресшей любви.

— Да, да, на дняхъ онъ будетъ здѣсь.... — мысленно повторяла она, продолжая стоять у открытаго окна. Она увидѣла идущую черезъ площадь Марфу Степановну, неожиданно пріѣхавшую въ это утро съ извѣстіемъ, какъ будто Вишневъ получилъ отъ Ведрина телеграмму, увѣдомляющую о его пріѣздѣ въ Берлинъ черезъ нѣсколько дней. Марфа Степановна увидѣла издали стоявшую у окна Екатерину Никитишну. Подымаясь по ступенямъ каменной террасы отеля, она подняла голову къ окну:

— Билеты достала.

— Это хорошо. Очень мокро?

— Ничего, пройти можно.

Черезъ нѣсколько минутъ Марфа Степановна вошла въ комнату Екатерины Никитишны.

— Вотъ извольте. Взяла, какъ хотѣли, два билета рядомъ въ первомъ ряду; послѣ Берлина цѣны дешевыя. Городокъ крошечный, а публики масса. По про-

винціальному начинають спозаранку въ пять часовъ. Сейчасъ идти надо, а то опоздаемъ.

Она сѣла и растегнула пальто.

— Жарко въ тепломъ пальто. Совсѣмъ оттепель настала. И снѣгъ пересталъ идти.

Екатерина Никитишна внимательно посмотрѣла на Марфу Степановну:

— Что съ вами? Вы какая-то возбужденная сегодня? Случилось что-нибудь?

— Отчего мнѣ возбужденной быть?! Просто жарко стало, — отвѣтила Марфа Степановна, умышленно долго проводя по лицу носовымъ платкомъ, чтобы скрыть выступившую на щекахъ краску. Она дѣйствительно была очень взволнована, потому что въ это утро она пріѣхала для того, чтобы задержать къ четырехчасовому поѣзду въ этомъ же отелѣ комнату для Ведрина и потому, что Ведринъ уже пріѣхалъ и находился въ комнатѣ того же корридора. Прежде чѣмъ идти въ театральную кассу за билетами на «Тангейзера», она заходила къ нему въ комнату, чтобы сказать, что Екатерина Никитишна идетъ въ театръ и велѣла взять два билета, — для себя и для нея.

— Возьмите и для меня билетъ, — попросилъ Ведринъ. — Только подальше, чтобы она меня не видѣла до тѣхъ поръ, пока я самъ ни подойду къ ней; тогда мы съ вами обмѣняемся мѣстами.

— Извольте, возьму. Только вы, Анатолій Васильевичъ, поосторожнѣе будьте: нервы у нея очень порасшатаны. Я сказала, что теперь вы скоро въ Берлинъ пріѣдете, она подготовлена, ну, а все-таки этакая встрѣ-

ча!... Я весь день до такой степени волнуюсь, что у меня сердцебіеніе сдѣлалось.

— У меня сегодня нервы тоже сильно шалятъ. Сколько времени готовился къ этой встрѣчѣ, а вотъ пришелъ день и мѣста не нахожу. Скажите правду, Марфа Степановна, сильно я измѣнился? Постарѣлъ? Пожалуй, красавица моя и знать такую развалину не захочетъ.

— Господь съ вами! Совсѣмъ вы мало измѣнились. Посѣдѣли сильно, но это вамъ очень къ лицу и, вотъ еще, похудѣли, но и это къ лучшему, а то тучнѣть начинали. Хотя при вашемъ ростѣ богатырскомъ оно и тогда не очень замѣтно было.

— Льстите вы мнѣ, Марфа Степановна, только чтобы успокоить, — усмѣхнулся Ведринъ. Улыбка была чарующей особенностью его лица. Улыбались не только губы и глаза и каждая черточка въ лицѣ, но, казалось, что и вся душа его добрая, отзывчивая, чуткая, утонченно чувствующая отражалась и участвовала въ этой улыбкѣ.

— Что мнѣ вамъ льстить, Анатолій Васильевичъ. Посмотритесь въ зеркало, — сами увидите: какъ были молодцомъ, такъ и остались подъ пару нашей красавицѣ. Въ толкъ прямо не возьму, какъ это тюрьма васъ не состарила!

— А вотъ сѣдина. Развѣ это не старость? Охъ, ужъ и пережито!... — вздохнулъ Ведринъ, расправляя богатырскую широкую грудь. — Ничего, Марфа Степановна! Еще поживемъ, поборемся съ жизнью.

— Ну, я пойду за билетами. Вы глядите въ окно: около пяти часовъ мы пройдемъ тутъ черезъ площадь

налѣво въ улицу, а тамъ прямо черезъ паркъ.... Господи, чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ сердце у меня хуже. Прямо лопнетъ....

Ведринъ послѣ ухода Марфы Степановны опустился въ кресло подлѣ окна и, нервно закуривая папиросу за папиросой, смотрѣлъ на ту же площадь, на которую въ тѣ же минуты смотрѣла Екатерина Никитишна, на то же, покрытое разорванными облаками, небо, уже посылающее землѣ вѣяніе весны.

Душа его была взволнована ожиданіемъ приближающагося свиданія съ женщиной, которая съ перваго дня встрѣчи и до сихъ поръ оставалась одинаково дорога его сердцу, которую онъ любилъ неизмѣнно яркой любовью, ставилъ по благородству души выше всѣхъ женщинъ и глубоко уважалъ. Съ мыслями о ней онъ просидѣлъ долгіе, безконечно тоскливые, безнадежные на освобожденіе, мѣсяцы въ тюрьмѣ. Съ мыслями о ней онъ, изнуренный и ослабѣвшій отъ тюремной жизни, съ подложнымъ паспортомъ, прятался отъ искавшихъ его зоркихъ глазъ «Чрезвычайки»; лежа въ больницѣ безъ силъ, безъ надежды на свѣтлые дни, окруженный озлобленными, измученными лишеніями, голодомъ и холодомъ, людьми, онъ — молчаливый, тихій и апатичный, думалъ только о ней, мысленно посылая ей благословеніе, уже покорившійся увѣренности, что никогда больше они не свидятся.... Но совершилось чудо: вотъ онъ сидитъ здѣсь, отдѣленный отъ нее лишь нѣсколькими комнатами. Онъ будетъ возвращаться изъ театра въ этотъ самый отель, идя рядомъ съ ней...

— Неужели это не сонъ?... Не мимолетный сонъ?!..

Ведринъ, напряженно прислушиваясь, весь подался впередъ. Изъ корридора донесся низкій мягкій голосъ, — ея голосъ.

— Тамъ на столѣ гдѣ-то... и перчатки мои захватите, Марфа Степановна....

Онъ положилъ руку на сердце: оно билось тяжелыми учащенными ударами. Онъ перевелъ дыханіе, всталъ и прильнулъ къ окну. Черезъ нѣсколько минутъ на площади показалась высокая фигура Екатерины Никитишны въ черномъ, отороченномъ мѣхомъ, пальто и небольшой шляпкѣ. Ему показалось, что мгновенно между нимъ и идущей по площади фигурой опустилась туманная завѣса. Онъ схватился о край стоявшаго подлѣ него стола. Въ глазахъ помутилось, въ рукахъ и ногахъ появилась дрожь. Онъ закрылъ глаза, силясь справиться съ волненіемъ. Когда онъ открылъ ихъ и опять посмотрѣлъ на площадь, то ее уже тамъ не было... Ведринъ распахнулъ окно, его охватило бодрящимъ холодомъ. Легкій вѣтеръ, пахнувъ на ослабѣвшую голову, перебралъ, будто ласковыми пальцами, сѣдые волосы. Горячая волна перекатилась отъ сердца къ самому горлу.

— Господи, Ты это сдѣлалъ!... вотъ, она теперь идетъ тамъ, за угломъ этого дома.... она идетъ.... она идетъ....—повторялъ онъ, мысленно продолжая видѣть ее, идущую по улицѣ налѣво. Прямо противъ него изъ за разорваннаго облака, надъ низкимъ бѣлымъ домикомъ вдругъ брызнули лучи солнца, озаривъ площадь, покрытую таявшимъ снѣгомъ.

Ведринъ поднялъ радостный благодарный взоръ къ небу.

— Да.. да.. она идетъ.. она идетъ.. и весна идетъ, весна идетъ.... идетъ для меня вмѣстѣ съ нею вонъ по той улицѣ, — шепотомъ, самъ съ собою говорилъ Ведринъ, чувствуя, какъ съ каждой минутой наростаетъ въ немъ волна громаднаго, все заливающаго счастія.

XXI.

Небольшой театръ, съ однимъ ярусомъ ложъ, былъ полонъ публики. Не было ни одного свободнаго мѣста. Первый актъ «Тангейзера» прошелъ такъ хорошо, что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія затянувшагося антракта. Дамы были въ безупречно гладкихъ, всѣ одного и того же фасона прическахъ, напоминавшихъ о томъ, что въ Нейштрелицѣ одинъ парикмахеръ, и что прически ихъ сдѣланы незадолго до начала представленія. Налетъ провинціализма съ его мало интересной, но трезвой атмосферой, лежалъ на каждомъ сидящемъ въ театрѣ. Екатерина Никитишна ярко выдѣлялась среди всѣхъ присутствовавшихъ. На нее тихонько другъ другу указывали, переговаривались, шептались. Въ этотъ вечеръ красота ея была особенно блестяща. Послѣ нѣсколькихъ дней душевнаго спокойствія и нормальной жизни съ хорошимъ долгимъ сномъ, ея лицу вернулись обычныя свѣжія краски, глаза сіяли ровнымъ мягкимъ блескомъ, въ нихъ не было отраженія тоски и усталости. Серебряная прядь волосъ украшала и ярче подчеркивала ея царственную красоту. Античная шея, которую, лѣ-

пившій ея бюстъ, скульпторъ назвалъ шеей Ніобеи, трогательно выступала въ чистотѣ линій изъ подъ вырѣза платья. Хорошо понимавшая и любившая музыку, въ этотъ вечеръ она съ особенной страстностью воспринимала сложную и поэтическую красоту «Тангейзера». Оркестръ, отлично сыгранный, подъ управленіемъ талантливаго дирижера, передавалъ всѣ тонкости красокъ музыкальнаго творчества. Не мѣняя позы, она весь антрактъ просидѣла на мѣстѣ, не глядя по сторонамъ, не замѣчая устремленныхъ на нее взглядовъ, продолжая сосредоточенно вслушиваться въ отзвучавшія, осѣвшія въ памяти гирлянды звуковъ Вагнеровской оперы. Она не замѣтила, какъ Марфа Степановна, едва опустился занавѣсъ и зажгли свѣтъ, вышла въ корридоръ за ложами, внимательно слѣдя, не покидаетъ ли Екатерина Никитишна своего мѣста. Въ корридорѣ, опершись спиной о стѣну, стоялъ противъ входа въ зрительный залъ Ведринъ и, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. Марфа Степановна два раза обозвала его, пока онъ услышалъ.

— Вы не подойдете сейчасъ?

— Нѣтъ. Я подойду въ концѣ слѣдующаго акта. Вы ей предложите выйти освѣжиться въ корридоръ и задержите такъ, чтобы она прошла къ своему креслу какъ можно позже, а вы сядете на мое мѣсто.

— Я могу остаться на своемъ, такъ какъ по другую сторону Екатерины Никитишны оба кресла свободны. Не великъ грѣхъ занять одно изъ нихъ.

Повѣрите ли, Анатолій Васильевичъ, вѣдь я ровно ни одного звука не слышу. Въ ушахъ шумъ стоитъ. Смотрю на нее и думаю: вотъ сидитъ и не подозрѣ-

ваетъ даже, что вы тутъ же за спиной, что все ея прошлое счастіе вотъ — вотъ уже рядомъ съ ней.

— Такъ и въ жизни, милѣйшая Марфа Степановна: и счастіе и горе подлѣ насъ стоятъ вотъ - вотъ вплотную, а мы, слѣпцы, продолжаемъ или еще плакать, или смѣяться. Вотъ обернулась.... смотритъ прямо сюда и не видитъ. Какая она красавица, Марфа Степановна. Нисколько не измѣнилась. Ну, потерплю еще часъ, помучаюсь, — улыбнулся Ведринъ, ласково кивнувъ головой Марфѣ Степановнѣ и направляясь вслѣдъ за публикой въ зрительный залъ. Марфа Степановна сѣла на свое мѣсто.

— Какъ здѣсь жарко. Мнѣ такъ пить хочется, — обратилась къ ней Екатерина Никитишна.

— Что же вы мнѣ не сказали? Я бы вамъ апельсины принесла; тамъ въ концѣ корридора есть комната съ прохладительными напитками; тамъ и апельсины есть.

— Подожду до слѣдующаго антракта. Какъ вамъ нравится опера?

— Очень хороша; я просто заслушалась.

— Въ такомъ маленькомъ городкѣ и такой оркестръ, такая прекрасная постановка! И голоса очень недурны.

— Очень даже хороши, — поддакивала Марфа Степановна.

Второй актъ прошелъ съ большимъ подъемомъ. У Екатерины Никитишны разгорѣлись глаза. Она наслаждалась музыкой и рядомъ съ этимъ наслажденіемъ неотступно стояла мысль о другѣ, который, она думала, черезъ нѣсколько дней будетъ въ Берлинѣ, узнаетъ, что она здѣсь и сейчасъ же примчится сюда.

Ведринъ оживалъ въ ея воображеніи со всѣмъ прошлымъ яркимъ счастіемъ, которымъ онъ ее окутывалъ. Подъ волнующіе душу звуки всплывали ярче и отчетливѣе картины за картиной минувшихъ лѣтъ любви, отодвигая, затуманивая настоящее. Эти нѣсколько дней, раздѣлявшіе ее отъ свиданія съ Ведринымъ, теперь начинали ей казаться слишкомъ долгими. Она жалѣла, зачѣмъ не сказала Вишневу, чтобы онъ далъ ему знать о томъ, что она въ Берлинѣ; это навѣрное заставило бы его поторопиться пріѣхать, и ей не надо было бы ждать этихъ нѣсколькихъ дней. Не лучше ли ей уѣхать отсюда, чтобы сейчасъ же по его пріѣздѣ свидѣться съ нимъ? Да, конечно, она такъ сдѣлаетъ. Она чувствуетъ, какъ сердце ея начинаетъ сильнѣе биться при мысли увидѣть его. Завтра же она вернется въ Берлинъ вмѣстѣ съ Марфой Степановной....

Занавѣсъ опустили. Теченіе ея мыслей было прервано взрывами шумныхъ апплодисментовъ.

— Ну, и жарища тутъ! Пройдемте, Екатерина Никитишна, выпить чего-нибудь холоднаго; что же вамъ въ этакой жарѣ сидѣть цѣлый антрактъ, — силясь скрыть волненіе, обратилась Марфа Степановна.

— Хорошо, пройдемте, — разсѣянно, стараясь вернуть нить прерванныхъ мыслей, отвѣтила Екатерина Никитишна. Марфа Степановна, зорко глядя передъ собой, шла впереди. Пройдя корридоръ, онѣ вошли въ небольшую, наполненную публикой комнату, гдѣ яркій, съ потолка спускавшійся электрическій свѣтъ игралъ на граненыхъ кружкахъ съ пивомъ и на вазахъ съ апельсинами и мандаринами, разставленными на стойкѣ. Съ чуть уловимой улыбкой—отраженіемъ

своихъ мыслей, Екатерина Никитишна подошла къ стойкѣ и сдѣлалась центромъ общаго вниманія. Суконное, облегавшее статную фигуру темно-синее платье, отдѣланное черной тяжелой бахромой и такими же кистями, было предметомъ внимательнаго изученія перешептывавшихся между собою дамъ, по большей части неуклюже одѣтыхъ мало талантливыми провинціальными портнихами. Сознавая и въ то же время игнорируя свою красоту, безразличная къ восторженнымъ или завистливымъ взглядамъ, она купила нѣсколько мандариновъ и, тутъ же стоя, очищала ихъ. Марфа Степановна напрягала все свое усиліе, чтобы скрыть волненіе; она зорко слѣдила за входившей публикой, ея лицо было покрыто красными пятнами, руки были холодны.

— Марфа Степановна, что это съ вами дѣлается? Я два раза спрашиваю васъ, заказали ли вы въ отелѣ ужинъ мнѣ и себѣ?

— Какъ же, какъ же, заказала.

— Отчего вы такая разсѣянная сегодня? Въ какого-нибудь нѣмца тутъ влюбились? Вонъ, посмотрите, какой толстякъ стоитъ у дверей.

— Нѣтъ ужъ, я сто нѣмцевъ отдамъ за одного русскаго. Не понять имъ нашу широкую натуру! — Марфа Степановна говорила, что попадалось на умъ, не спуская глазъ съ дверей, боясь, чтобы въ нихъ не показалась фигура Ведрина и чтобы Екатерина Никитишна преждевременно не увидала бы его.

Екатерина Никитишна вошла въ уже полутемный зрительный залъ одна изъ послѣднихъ. Едва она опустилась въ кресло, какъ оркестръ началъ увертюру третьяго дѣйствія. Марфа Степановна, вслѣдъ за ней

занявшая свое мѣсто, увидѣла Ведрина рядомъ съ Екатериной Никитишной. У нее захватило дыханіе. Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза, вытерла платкомъ выступившую на лбу испарину и, втихомолку быстро троекратно, совершила крестное знаменіе.

— Помоги, помоги, Господи.... Шептала она, не слушая музыки.

Екатерина Никитишна, заложивъ ногу на ногу, опустивъ обѣ руки на колѣно, полузакрывъ глаза, напряженно слушала, не обращая вниманія на то, что кресло съ лѣвой стороны оказалось кѣмъ-то занято. Звуки любимой оперы волновали душу воспоминаніями минувшаго, когда много разъ они неслись со струнъ громаднаго оркестра Петербургскаго Маріинскаго театра; въ бэльэтажѣ у нея была абонированная ложа, гдѣ она сидѣла рядомъ со своимъ другомъ. Какъ это было недавно и какъ это казалось уже давно!... Она тихонько вздохнула, открыла глаза, переложила ногу. Въ эту же минуту сидѣвшій рядомъ съ ней Ведринъ осторожно накрылъ ладонью ея пальцы, лежавшіе на колѣняхъ и тихо, шопотомъ позвалъ ее:

— Кэтъ!...

Она, вздрогнувъ, обернулась; въ ея широко открытыхъ глазахъ что-то мгновенно заметалось, потухло, опять вспыхнуло, дрогнули всѣ черты, кровь отлила, опять прихлынула, залила все лицо, лобъ, даже шею. Она схватила обѣими руками его руку, потомъ выпустила и прижала ихъ къ сердцу, стараясь сдержать бѣшенное біеніе.

— Анатолій!... Анатолій!... — беззвучно зашептали ея губы.

Ведринъ молча, силясь подавить собственное волненіе, опять взялъ ея руку. Изъ подъ отороченнаго мѣхомъ обшлага онъ почувствовалъ подъ пальцами зерна янтарныхъ четокъ, съ которыми она не разставалась съ того дня, какъ ей снился сонъ, что онъ пришелъ искать ихъ, съ того дня, какъ Вишневъ сообщилъ ей, что онъ живъ. Сжимая ея руки, онъ смотрѣлъ ей въ глаза счастливымъ любящимъ взглядомъ:

— Тише, тише, мой ангелъ.... — наклонясь къ ней, прошепталъ онъ. — Тише.... не надо словъ.... ихъ нѣтъ....

Онъ устремилъ глаза на сцену, гдѣ, среди деревьевъ въ осеннемъ уборѣ, стояла колѣнопреклоненная, вся въ бѣломъ, фигура женщины у подножія креста. Вдали пылалъ вечерній закатъ надъ одинокимъ стариннымъ замкомъ на вершинѣ высокой горы. Въ тишинѣ и покоѣ увядающей природы медленно и безшумно падалъ желтый листъ.... Ведринъ все это видѣлъ, слышалъ мелодію скрипокъ, но чувствовалъ лишь руку Екатерины Никитишны, похолодѣвшую, вздрагивавшую. Ощущеніе этой руки заполняло все его существо, сознаніе ея близости заполняло всю его душу, весь мозгъ.

— Вотъ оно чудо!... Ушло все скорбное.. я съ нею.. опять солнце жизни, опять надежды и вѣра... О какъ я благодарю тебя, Господи! — думалъ Ведринъ, весь погружаясь въ сознаніе своего счастія. Тонкій запахъ духовъ, смѣшанный съ запахомъ ея тѣла, ея волосъ, знакомый, любимый, волновалъ и радовалъ его. Узкій черный носокъ ботинка напоминалъ форму стройной ноги, такой знакомой, такой близкой... Онъ

осторожно повелъ глазами въ ея сторону и сейчасъ же ихъ глаза встрѣтились, — похолодѣвшіе пальцы крѣпче сжали его руку.

— Прядь бѣлыхъ волосъ!... Какъ красиво и какъ трогательно.... Глаза тѣ же.... Милые, ласковые, глубокіе глаза.... Покрыть нѣжными поцѣлуями эти глаза и, глядя на нихъ, плакать отъ счастія, отъ умиленія....

У Екатерины Никитишны кровь приливала и отливала отъ замиравшаго сердца. Одну секунду ей казалось, что сейчасъ она лишится чувствъ. Въ вискахъ стучало, передъ глазами плылъ тонкій туманъ. На нѣсколько минутъ она какъ будто оглохла и ослѣпла, не слыша оркестра и не видя того, что дѣлалось на сценѣ.

— Мой ангелъ, вамъ дурно?... — услышала она надъ собой тихій шопотъ.

Она превозмогла себя, повернула голову, слабой улыбкой отвѣтила на встревоженный взглядъ Ведрина, перевела дыханіе и стала смотрѣть на сцену, ни на секунду не переставая ощущать какъ новая, могучая волна обновлявшаго, все поглощавшаго прочнаго счастія, все болѣе и болѣе заливала ея душу.

На сценѣ у подножья Распятья продолжала неподвижно стоять колѣнопреклоненная фигура женщины въ бѣломъ одѣяніи. Тихо, въ неподвижной тишинѣ осени, падалъ умирающій желтый листъ... багряный закатъ алѣлъ надъ замкомъ потухавшими лучами.... И вдругъ Екатеринѣ Никитишнѣ почудилось, что это она колѣнопреклоненная стоитъ у подножья Креста, прося забвенья и прощенья въ заблужденіи своего ме-

тавшагося сердца. Какъ потухавшій надъ мирнымъ замкомъ багряный закатъ, тухла ея распаленная, не нужная ея сердцу, страсть, въ сознаніи вплотную подошедшаго къ ней мирнаго счастія, того счастія, которымъ были окутаны долгіе годы ея минувшей жизни.... Багряный закатъ блѣднѣлъ и блѣднѣлъ, надъ замкомъ спустились ночныя тѣни, небеса потускнѣли.... зажглась яркая звѣзда.... Пронеслись тихіе, пѣвучіе звуки арфы:

.... — O du mein holder Abendstern... грустно и проникновенно, какъ молитва, полилась задушевная мелодія.

— Звѣзда, вечерняя звѣзда, тебѣ привѣтъ шлю сердцемъ я.... я сердцемъ бѣдный и больной.... — какъ бы вторя, несла изъ глубины души ту же молитву Екатерина Никитишна своей ярко замигавшей вечерней звѣздѣ. Все тише и тише становилось у нее на сердцѣ, покой, вмѣстѣ со звуками молитвы, благодатными крылами осѣнялъ душу. Медленно скатилась по ея щекѣ благодарная слеза и упала на руку, сжимавшую ея пальцы.

— Кэтъ!... — вздрогнулъ онъ и наклонился къ ней.

— Ничего.... это отъ счастія, — прошептала Екатерина Никитишна, улыбаясь ему сквозь слезы. — Моя вечерняя звѣзда!.... — подумала она, отвѣчая на его долгое, горячее пожатіе.

26-го февраля 1922 г.
Берлинъ.